

Э.Э.ЭВАНС-ПРИЧАРД

НУЭРЫ

ОПИСАНИЕ СПОСОБОВ
ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ
И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ
ОДНОГО ИЗ НИЛОТСКИХ НАРОДОВ

КОНТРОЛЬНЫЙ ЭКЗ.

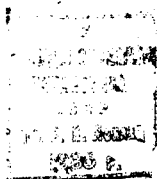

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1985

E. E. Evans-Pritchard
THE NUER
 A Description
 of the Modes of Livelihood
 and Political Institutions
 of a Nilotic People
 Oxford, 1953

Перевод с английского
 О. Л. ОРЕСТОВА

Ответственный редактор
 и автор предисловия
 Л. Е. КУББЕЛЬ

2004127430

Книга известного английского этнографа Э. Э. Эванс-Причарда впервые переведена на русский язык и представляет собой классический труд, посвященный африканскому нилотскому народу — нуэрам, обитающим в Южном Судане. Именно с этой книги начинается история такой области этнографической науки, как «политическая антропология». Автор не только дает очерк общественного устройства нуэров, но и теоретически разрабатывает анализ системы управления обществами, находящимися на стадии перехода от родового строя к классовой структуре.

Э $\frac{0508000000-069}{013(02)-85}$ 22-85

© Главная редакция восточной литературы
 издательства «Наука», 1985.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Послевоенные десятилетия отмечены в советской и мировой науке быстрым ростом интереса к проблемам возникновения государственности у различных народов мира и, более широко, — к формам и особенностям управления человеческим обществом на разных этапах его развития, в особенности на таких, которые непосредственно предшествуют появлению государственной организации.

В изучении этого круга вопросов, как, впрочем, и многих других, связанных с разными сторонами жизни докапиталистических общественных организмов, заметную роль играет фактический материал, представляющий народы Тропической Африки. В исторической и этнографической литературе стало почти что общим местом утверждение, что в Африке исследователь может обнаружить чуть ли не любые формы общественной организации, относящиеся, по определению К. Маркса, к «первичной общественной формации»¹.

Действительно, исторический опыт африканских народов, запечатленный в их социальной структуре и культуре, во множестве случаев позволяет нам лучше понять, как происходила историческая эволюция человечества, включая и то, как складывались разнообразные формы управления обществом. И среди многих исследований, посвященных этой проблематике, видное место принадлежит трудам британского исследователя-африканиста Э. Эванс-Причарда, в частности, его книге «Нуэры», русский перевод которой предлагается вниманию читателей.

Эдвард Э. Эванс-Причард (1902—1973) принадлежал к тем ученым, которых современники еще при жизни молчаливо признают классиками своей науки. Вместе со своим старшим коллегой А. Р. Рэдклифф-Брауном он считается основателем одного из главных в британской социальной антропологии² направлений — структуралистского, давшего десятилетия очень интересных, основанных на огромном материале полевых исследований социального строя и культуры многих народов Африки и Азии. И одновременно Эванс-Причард стал создателем особой научной субдисциплины, получившей на Западе название «политическая антропология», — отрасли этнографической науки, изучающей отношения и институты власти в докапиталистических (по нашей терминологии) обществах³. И как раз книга «Нуэ-

ры» рассматривается обычно в работах по истории науки как первое исследование этого нового направления в этнографии.

Научная деятельность Эванс-Причарда начиналась в 20-е годы, в пору почти безраздельного господства в британской социальной антропологии так называемой функциональной школы, основоположником и виднейшим теоретиком которой был Б. Малиновский. Здесь не место подробно излагать теоретические воззрения Малиновского, развитые затем его последователями. В самом общем виде и с неизбежными в силу этого огрублением и схематизацией они сводились к тому, что общество, по существу, рассматривалось по аналогии с живым организмом, имеющим определенные жизненные потребности, а соответственно и органы, функция которых заключается в удовлетворении таких потребностей. Понятия потребности, функции и социального института, выполняющего ту или иную функцию, были центральными в функционалистской теории.

Взгляды Малиновского, его требование обращать главное внимание на изучение конкретного общества, каким оно предстает перед исследователем, были в значительной мере реакцией и на чрезмерную прямолинейность глобальных теоретических построений классического эволюционизма, связанного с именами таких ученых, как Л. Морган или Э. Тайлор, и на диффузионистские концепции, практически отрицавшие самостоятельное развитие большинства народов мира. Функционалисты довели до высокой степени совершенства методы и технику полевого этнографического исследования; скрупулезное внимание к деталям, к специфическим чертам изучаемого общественного организма — характернейшая черта их работ. В этом смысле функционализм сыграл определенную положительную роль в развитии науки. Но оборотной стороной такого тщательного изучения отдельного общества оказалось то, что за картиной данного конкретного человеческого коллектива, каким он был увиден социальным антропологом именно в данный момент, исчезали и эволюция этого коллектива, и его место в системе общественных организмов того или иного региона земного шара. Описание велось исключительно на синхронном уровне и неизбежно оказывалось статичным. Историческая эволюция институтов, причины, по которым они приобрели доступную наблюдению в данный момент форму, вообще прошлое исследуемого общества практически вовсе выпадали из поля зрения исследователя. И даже более того: Малиновский пытался теоретически обосновать ненужность и бесполезность учета исторических измерения изучаемого объекта, т. е. того или иного конкретного общественного организма.

Поэтому важнейшей заслугой Эванс-Причарда, одного из создателей британского структурализма и одновременно основоположника политической антропологии как самостоятельной научной субдисциплины, было, с одной стороны, как раз включение в анализ динамики развития объекта исследования,

а с другой — последовательное стремление рассматривать этот объект в его историческом развитии. Правда, требование придерживаться историзма в исследовании было теоретически сформулировано ученым в полной мере позднее, в начале 50-х годов. Зато динамический подход к изучаемому обществу проявился как ведущая черта уже в книге о нуэрах, которая увидела свет в 1940 г.

Эта книга задумывалась как первая часть монографического описания одного из народов нилотской языковой семьи (по другой классификации — восточносуданской подгруппы шаринильской группы нило-сахарской языковой семьи), живущего на юге Судана. Она и посвящена базисным, как мы бы сказали, элементам: хозяйству и социально-политической организации. «Последующие тома» описания, о которых не раз говорится в тексте, были посвящены семейно-брачным отношениям у нуэров и их религиозным верованиям; они вышли в свет соответственно в 1951 и 1956 гг.⁴

Но замысел работы явно не ограничивался одними только нуэрами. В конце 20-х и в 30-е годы Эванс-Причард в нескольких экспедициях собрал богатый полевой материал по нескольким народам нилотской семьи: нуэрам, ануакам, шиллукам, которые с точки зрения организации власти и управления представляли разные стадии эволюции доклассового, догосударственного общества. И этот материал он проанализировал в серии публикаций, специально посвященных политической организации каждого из названных народов: ануаков и нуэров — в 1940 г., шиллуков — в 1948 г.⁵

Здесь, однако, следует сделать оговорку. Строго говоря, для исследователя-марксиста политическими могут считаться лишь отношения власти и властвования, существующие в уже сложившемся классовом обществе. Как раз поэтому в нашей этнографической литературе и было предложено пользоваться для обозначения таких отношений в общественных организмах, еще не переступивших этот рубеж, термином «потестарный» (от лат. *potestas* — «власть»). В западной немарксистской литературе такое разграничение не проводится; не проводится оно, как правило, и в трудах западноевропейских исследователей-марксистов. Тем не менее, читая книгу Эванс-Причарда, всегда следует помнить о принципиально ином характере властных отношений в доклассовом обществе сравнительно с классовым.

Как уже было сказано, книга эта задумывалась автором главным образом как очерк-описание, и в этом смысле она вполне укладывалась бы в русло функционалистской традиции в британской социальной антропологии. Но в ходе описания, так сказать, попутно, обнаружилась необходимость внести большую ясность во многие привычные и как бы примелькавшиеся этнографам понятия, такие, например, как племя или клан. То, что видел Эванс-Причард у нуэров, довольно основательно расходилось с тем, что обычно вкладывалось в европей-

ской науке в эти понятия; в особенности это относилось к формам взаимодействия различных частей социальной организации друг с другом, к динамике таких форм. Исследователю пришлось проделать в книге солидную теоретическую работу. И его теоретические изыскания во многом определили на последующие два с половиной десятилетия все развитие в немарксистской науке Запада изучения систем организации управления обществом и власти в социальных организмах, находящихся на разных стадиях перехода от родового строя к классовому обществу. Понятно, что я описываю этот вопрос в привычных для советского читателя категориях: и сам Эванс-Причард, и другие западные авторы предпочитают говорить об обществах догосударственных и тех, в которых уже сложилась государственная организация.

Внутренняя организация нуэров предстает в книге не просто как единая гармоничная система общественных институтов, ориентированных на согласованное удовлетворение тех или иных потребностей общества. Конечно, существование таких потребностей и обусловленность способов их удовлетворения спецификой окружающей нуэров природной среды — для исследователя само собой разумеющийся факт. В этом Эванс-Причард не отступает от обычных для функциональной школы взглядов. Не случайно он и начинает книгу с описания «способов жизнеобеспечения», т. е., иначе говоря, с общественного производства и связанных с ним знаний, представлений и навыков. Причем делается это с использованием великолепно отработанной техники полевого этнографического исследования — это тоже подчеркивает определенную преемственность по отношению к функционалистам. Может быть, и не столь выражено, но тем не менее совершенно определенно показывает он и воздействие контактов с соседними народами, так сказать, социальной среды.

Однако уже самое понятие «общество» имеет в книге Эванс-Причарда иное содержание, чем в трудах последовательных функционалистов. Исследователь решительно отказывается рассматривать общество по аналогии с живым организмом. Для него это не естественная, органическая система, а скорее совокупность взаимосвязанных моральных норм, определенная система символов. Такой подход к проблеме, в полной мере присутствует в «Нуэрах», хотя окончательно он был сформулирован опять-таки в 50-х и 60-х годах⁶. Просто в этой книге вместо моральных норм говорится о ценностях, и все нуэрское общество трактуется именно как система ценностей разного уровня — общенуэрских, племенных, клановых, линиджных.

Конечно, как общее определение такая концепция для нас неприемлема, в частности, потому, что из нее логически вытекает (и откровенно высказывалось Эванс-Причардом) скептическое отношение к самой возможности каких бы то ни было общих законов социальной эволюции. Но все же если принять

во внимание тот факт, что система ценностей общества представляет в нем высший уровень социальной регуляции⁷, то для избранного Эванс-Причардом объекта исследования, а именно «политической» организации нуэров, такой подход вполне допустим и достаточно эффективен.

А важнейшим теоретическим понятием при анализе «политической» организации нуэров Эванс-Причарду служит не функция и не институт, а «социальная структура», которую он определяет как «отношения между группами, имеющими высокую степень постоянства и неизменности». Элемент динамики неявно заключен уже в самом этом «отношении между группами», что само по себе отличает подход исследователя от типично функционалистского. Но главное заключается в том, как понимает Эванс-Причард эту динамику.

Реализация описываемых исследователем «способов жизнеобеспечения» происходит противоречиво, в непрерывном соперничестве между равнопорядковыми единицами социальной структуры на всех уровнях — от минимального линиджа до племени. В то же время такое соперничество равнопорядковых единиц, входящих в одну и ту же единицу более высокого таксономического уровня, сменяется сотрудничеством и взаимопомощью в тех случаях, когда им вместе приходится противостоять любой единице такого же порядка, но составляющей часть иной, не их «собственной», единицы более высокого уровня. И это сочетание оппозиции и взаимодополняемости как раз и оказывается, по Эванс-Причарду, основным структурным принципом организации нуэрского общества. А главной ее единицей структуры предстает линидж (lineage) — агнатная группа, прослеживаемая по восходящей линии на пять-шесть поколений. При этом, с одной стороны, линиджи сами бывают разных уровней — максимальный, большой и минимальный, а с другой — несколько максимальных линиджей образуют клан, несколько кланов — секцию (она примерно соответствует русскому термину «отдел», применявшемуся в прошлом столетии для описания элементов племенной структуры кочевых тогда народов Казахстана и Средней Азии. Этим термином мы и будем пользоваться в дальнейшем), несколько секций (отделов) составляют племя. Мы видим перед собой иерархическую систему сегментов разной величины, составляющих в своей совокупности нуэрский этнос.

В этом смысле нуэры представляли, по определению Эванс-Причарда, «сегментное общество». Собственно говоря, само это понятие было введено в науку еще задолго до Эванс-Причарда видным французским социологом Э. Дюркгеймом. Но у британского исследователя его содержание претерпело существенные изменения. Дюркгейм понимал под сегментным обществом совокупность в целом одинаковых, повторяющихся организацию друг друга мелких структурных единиц, любое число которых могло образовывать то или иное данное конкретное первобыт-

ное общество. Акцент делался именно на идентичности и полнейшем структурном «равноправии». А у Эванс-Причарда сегментное общество — это иерархическая система единиц разного уровня, находящихся без исключения в отношениях «дополняющей оппозиции» с равнопорядковыми единицами системы.

Существенно здесь то, что, предложив исследователям концепцию «дополняющей оппозиции», Эванс-Причард определенно исходит из признания закономерности, более того, несомненности существования противоречий и конфликтов внутри изучавшегося им нуэрского общества. У нуэров такой конфликт приобретает облик «традиционной вражды», *февда* (лат. *feudum*), повлекшей за собой складывание целой системы приемов и способов ее регулирования; подобная система просто необходима для того, чтобы такая вражда не могла нанести обществу непоправимый ущерб, поставив под вопрос само его существование как определенной целостности.

В случае нуэров это регулирование сводилось по преимуществу к использованию услуг посредников для примирения конфликтующих индивидов и групп. Но дальнейшие работы самого Эванс-Причарда, в частности его исследование сакральной «царской» (пользуюсь этим отнюдь не адекватным термином за отсутствием другого, более точного) власти у нилотского народа шиллуков, а также труды целой группы исследователей — М. Глакмана, Р. Барнса, Дж. Митчелла и др. — привели к возникновению весьма влиятельной в британской африканистике 60-х годов теории ритуализованного конфликта как средства разрешения противоречий общественного развития. Конечно, эта теория не может заменить собой признание неизбежности борьбы классов на определенном этапе социальной эволюции — а такого рода попытки предпринимались не только в западной науке, но и некоторыми африканскими учеными. Но тем не менее на разных стадиях разложения первобытнообщинного строя и перехода к ранним формам отношений господства и эксплуатации, т. е. раннеклассовым отношениям (а в условиях Тропической Африки этот период для многих народов растянулся едва ли не до наших дней), использование ритуализованного конфликта в какой-то степени могло способствовать временному ослаблению напряженности в обществе.

Понимание сегментного общества, выработанное Эванс-Причардом в книге «Нуэры», стало в дальнейшем характерным для большинства британских, да и не только британских, работ по социальной антропологии вплоть до начала 60-х годов. Конечно, последующие исследования обнаружили, что эта концепция не имеет всеобъемлющего характера. Показали они и то, что в том виде, в каком она господствовала в британской науке, концепция сегментного общества оказывается чрезмерно абстрактной (это повлекло за собой уже в 50-х годах попытки ее уточнить). Но, если не пытаться придавать ей чересчур общее значение, теория Эванс-Причарда и в наше время остается достаточно

эффективно работающей, и многое из ее основного научного содержания продолжает сохранять свое значение.

Связано это в первую очередь с тем, что в своем истолковании понятия сегментного общества Эванс-Причард не ограничился восприятием его как системы иерархически связанных сегментов, построенных по агнатному генеалогическому принципу. Неотъемлемой частью взглядов британского исследователя было представление о неразрывной связи между генеалогическим и территориальным членением нуэрского общества. И здесь Эванс-Причард тоже выступил как новатор.

В 60-х годах прошлого века британский юрист Г. Мэйн впервые в мировой науке разграничил, имея в виду главным образом организацию власти и управления обществом, социальные организмы, основанные на кровнородственных отношениях, и такие, которые строятся на территориальных связях, как разные и последовательные стадии в эволюции человеческого общества. Это представление прочно закрепилось в науке. Но как раз в этом отношении исследование социально-потестарной организации нуэров позволило Эванс-Причарду существенно обогатить традиционный подход к данной проблеме.

Книга «Нуэры» убедительно показывает, что неправомерно в категорической форме противопоставлять друг другу кровнородственные и территориальные связи. Клан и линидж, с одной стороны, большесемейная и деревенская общины, «округ», племя и весь нуэрский этнос — с другой, неразрывно связаны между собой, находясь во вполне определенном и ясно осознаваемом самими нуэрами взаимодействии. На целой серии примеров исследователь демонстрирует, что и терминология, которой они пользуются для обозначения своих общностей разного уровня, выглядит достаточно запутанной и кажется непоследовательной, если не принимать во внимание нераздельность обоих видов социальных связей. А самим нуэрам нераздельность эта кажется само собой разумеющейся, хотя любые отношения, и прежде всего те, которые Эванс-Причард обозначает как политические, а мы называем потестарными, они выражают именно в категориях родства.

Поэтому, когда речь идет о системе линиджей как основной черте нуэрского общества, следует все время иметь в виду, что в социальной практике линидж, если дело касается отношений власти и взаимоотношений с другими такими же линиджами, практически не функционирует вне сети соответствующих общинно-территориальных структур. И такое понимание соотношения кровнородственного и территориального доказало свою плодотворность во множестве исследований общественного быта и культуры африканских народов, выполненных в послевоенные годы.

Рассматриваемая книга Эванс-Причарда примечательна еще в том отношении, что в ней показаны стадияльно очень ранние этапы становления специализированных органов управ-

ления и власти в человеческом обществе. Состояние нуэрского общества с этой точки зрения исследователь характеризует как «упорядоченную анархию»; этот термин, равно как и введенное здесь же понятие «акефального» (т. е. не располагающего организованной верховной властью) общества, прочно вошел в лексикон исследований по политической антропологии. Вместе с тем у нуэров появились уже и такие фигуры, как вождь — носитель леопардовой шкуры и «пророк». Если первый из них выполняет, в сущности, роль посредника в конфликтных ситуациях, не располагающего никакой обязательной властью и никакими средствами принуждения, то второго, видимо, можно рассматривать как фигуру уже в какой-то мере харизматическую, т. е. наделяемую некоей чудодейственной властью — харизмой. Хотя Эванс-Причард об этом прямо и не говорит, характерно, однако, что пророки приобретали особо заметное влияние по мере того, как нуэрам приходилось волей-неволей вступать в контакт с колониальной администрацией тогдашнего Англо-Египетского Судана. По-видимому, можно говорить о том, что необходимость сопротивления колонизатору, какой бы относительной она ни была в конкретных условиях страны нуэров, стимулировала ускоренное развитие предпосылок появления публичной власти. Однако несомненно и то, что в подавляющем большинстве случаев нуэры в начале 30-х годов потребности в такой власти не ощущали, вполне обходясь формами социального контроля, характерными для позднего родового общества.

В этой связи небезынтересно будет более внимательно посмотреть на то, как воспринимает нуэров сам Эванс-Причард. С одной стороны, они предстают в его изображении мрачными, недоверчивыми и вовсе не склонными к контакту с собеседником-европейцем. Но при дальнейшем чтении книги мы узнаем, что нуэр — щедр, всегда готов помочь другому нуэру (но, понятно, прежде всего при малом «структурном расстоянии» между ними, по определению исследователя, т. е. при сравнительной близости их позиций в общей системе линджей), неизменно защищает от врагов не только «своих», но и связанных с ним покоренных динка. Даже по отношению к тому же непрошеному гостю — европейцу — нуэры становятся дружелюбными и щедрыми, едва только он оказывается в какой-то форме включен в их систему социальных связей, выражаемых в категориях родства. И этот второй портрет нуэра, нарисованный Эванс-Причардом, приводит на память положительную часть той характеристики, которую Ф. Энгельс дал человеку родового общества в «Происхождении семьи, частной собственности и государства»⁸.

Только что упомянутое понятие структурного расстояния заслуживает того, чтобы на нем остановиться немного подробнее, потому что оно тесно связано с общей концепцией Эванс-Причарда. Как уже говорилось, в отличие от последовательных функционалистов в книге о нуэрах он попытался ввести в иссле-

дование такой фактор, как время, уделив ему значительное внимание. Исследователь отмечает двойственность представления нуэров о времени. С одной стороны, существует время «экологическое», определяемое циклическими изменениями погодных условий и само определяющее всю хозяйственную деятельность людей; это время, вполне очевидно, — циклическое. Но, с другой стороны, во взаимоотношениях между людьми действует другое время — «структурное», т. е., по существу, генеалогическое, отсчитываемое по поколениям и, стало быть, линейное. С позиций такого времени отношения дружбы или вражды между индивидами и группами — так сказать, социальное расстояние между ними — определяются по отношению к некоторой точке на генеалогическом древе, более или менее отдаленной от данного момента. Этот отсчет и определяет Эванс-Причард как структурное расстояние.

В целом можно с достаточным основанием сказать, что книга «Нуэры» рисует нам картину родового общества, в котором процессы разложения находились еще на очень ранней стадии. Правда, надо заметить, что как раз таких понятий, как «родовое общество» и ему подобные, Эванс-Причард избегает. Он был весьма далек от марксизма и, как уже говорилось, весьма скептически относился к возможности существования каких-либо общенсторических законов. Во всяком случае, он решительно отвергал возможность их выведения из результатов сравнительного исследования крупных общественных структур. Сравнить, по его мнению, можно лишь общества, находящиеся в одинаковых экологических условиях, имеющие общие элементы социальной структуры и культуры, а в идеале — и расположенные в одном и том же географическом регионе. Только такое сопоставление дает основания для каких-то общих выводов по поводу того или иного явления или факта, но и оно не позволяет говорить о каких бы то ни было общих законах истории; попытки вывести такие законы Эванс-Причард считает чрезмерно самонадеянными⁹.

Таковы те замечания, которые представляется полезным сделать по поводу теоретических воззрений Э. Эванс-Причарда, нашедших отражение в его книге о нуэрах. В заключение — несколько слов о терминологии. Выше говорилось об употреблении автором термина «политический» в применении к отношениям, которые, с нашей точки зрения, таковыми не являются. Аналогично обстоит дело и с термином «нация», когда речь идет о шиллуках (с. 17). В переводе это слово заменено на «государство», что в целом соответствует обычному для западноевропейского автора отождествлению нации и национального государства. Правда, для исследователя-марксиста и это словоупотребление неточно, так как и шиллуки не достигли в своем развитии уровня классового общества, без чего немисливо государство в строгом смысле слова. В такой же мере условными приходится считать и термины «вождь» и «пророк»: первый —

из-за его расплывчатости и многозначности, второй — из-за слишком привычных для европейского читателя коннотаций, которыми это слово отягощено. Поэтому читатель должен постоянно иметь в виду некоторую условность авторской терминологии, неизбежно сохраняющуюся и в русском переводе.

При чтении книги Эванс-Причарда мы не раз столкнемся с упоминанием «правительства», «администрации» и прочих политических реалий. Поэтому будет, видимо, полезно напомнить, какова же была общественно-политическая обстановка в области расселения нуэров во время пребывания там британского исследователя.

Эта область входила в состав провинции Верхний Нил тогдашнего Англо-Египетского Судана — страны, формально считавшейся находящейся под совместным управлением Великобритании и Египта, а фактически бывшей британской колонией, в которой роль и влияние египетских чиновников были скорее символическими. «Правительство», о котором говорит в своей книге Эванс-Причард, означает британскую колониальную администрацию — от генерал-губернатора в Хартуме до окружных комиссаров на местах.

Верхний Нил, как и остальные южносуданские провинции того времени — Бахр-эль-Газаль и Экваториальная, относился к числу так называемых «закрытых районов». По существу, как отмечал советский исследователь С. Р. Смирнов, это была как бы разновидность резерватов с той только разницей, что коренное население здесь не сгонялось со своей земли, как, скажем, в Кении или Южной Африке, а, наоборот, прикреплялось к ней: внутри закрытых районов запрещалось передвижение групп коренного населения за пределы отведенных им территорий¹⁰. Торговля, требовавшая такого передвижения, жестко ограничивалась. В закрытые районы не допускались не только иностранцы, но и суданцы из других частей страны. Все это резко нарушало привычный образ жизни местного населения, в частности нилотских народов.

Сюда добавлялся и административный произвол британских, да и египетских чиновников. Теоретически закрытые районы были зоной «непрямого» управления: традиционные местные власти оставались на местах и в принципе сохраняли все свои прерогативы внутри своих этнических общностей. Но на практике колониальная администрация неизменно стремилась приспособить такие традиционные власти к своим нуждам, бесцеремонно вмешиваясь и в их функционирование, и в замещение в них тех или иных постов. При этом реальных основ и норм этого функционирования колониальные администраторы чаще всего не понимали, да и не слишком ими интересовались, ориентируясь почти исключительно на «удобство» управления.

Такая политика особенно активизировалась в закрытых рай-

онах Судана после окончания первой мировой войны и сразу же встретила упорное сопротивление ряда нилотских народов, особенно нуэров. Это сопротивление, для подавления которого впервые в этой части Африки была применена авиация, продолжалось почти полтора десятилетия. Сам Эванс-Причард в третьей главе своей книги приводит впечатляющую хронику «замирения» нуэрских племен в 20-х годах (с. 121). А в ходе такого «замирения» нуэров колониальная администрация, плохо представляя себе такую характерную особенность их общественной организации, как отсутствие какой бы то ни было централизованной структуры управления, переоценивала действительную роль «пророков» в нуэрском обществе, рассматривая их как политических лидеров; отсюда и репрессивные меры против «пророков», о чем также мимоходом упоминает Эванс-Причард (с. 142, 165, 166).

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 19, с. 419.

² С известной долей условности можно считать этот термин примерно соответствующим принятому в нашей литературе термину «этнография». Подробнее см.: Ю. П. Аверкиева. Этнография и культурная социальная антропология на Западе.— «Советская этнография». 1971, № 5, с. 9—16; Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973, с. 180—181; он же. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М., 1981, с. 98—113.

³ См.: Л. Е. Куббель. Потестарная и политическая этнография.— Исследования по общей этнографии. М., 1979, с. 242—244.

⁴ E. E. Evans-Pritchard. Kinship and Marriage among the Nuer. Oxf., 1951; он же. Nuer Religion. Oxf., 1956.

⁵ Помимо настоящей книги см.: E. E. Evans-Pritchard. The Political System of the Anuak of the Anglo-Egyptian Sudan. L., 1940; он же. The Divine Kingship of the Shilluk of the Nilotic Sudan. L., 1948.

⁶ E. E. Evans-Pritchard. Essays in Social Anthropology. Glencoe, 1963, с. 26.

⁷ Ср. Философский энциклопедический словарь. М., 1983, с. 765.

⁸ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 21, с. 97—98.

⁹ E. E. Evans-Pritchard. Social Anthropology: Past and Present.— E. E. Evans-Pritchard. Social Anthropology and Other Essays. N. Y. 1964, с. 146—152; он же. The Comparative Method in Social Anthropology.— E. E. Evans-Pritchard. The Position of Women in Primitive Societies and Other Essays in Social Anthropology. N. Y., 1965.

¹⁰ С. Р. Смирнов. История Судана (1821—1956). М., 1968, с. 210—212.

Л. Е. Куббель

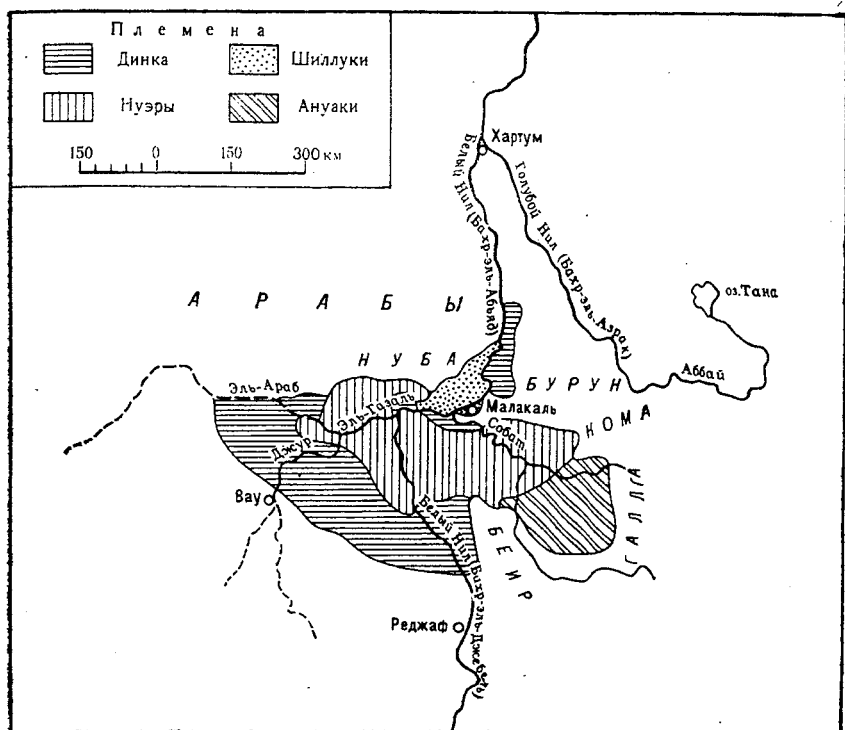
ВВЕДЕНИЕ

1. С 1840 г., когда предприняли свое неудавшееся путешествие Верне, Арно и Тибо, до 1881 г., когда успешное восстание махди Мухаммеда Ахмеда закрыло Судан для дальнейших исследований, несколько путешественников проникли в страну нуэров по той или другой из трех крупных рек, пересекающих этот край,—Бахр-эль-Джебель (с Эз-Зераф), Бахр-эль-Газаль и Собат. Однако из их трудов мне удалось почерпнуть лишь немного, так как они мало общались с нуэрами; впечатления же их были поверхностны, а иногда и просто неправдоподобны. Более всего достоверен и наименее претенциозен труд савойца Жюля Понсе, охотника за слонами, который провел несколько лет на границах страны нуэров.

Более поздний источник информации о нуэрах — это отчеты Суданской разведывательной службы, публикующиеся со времени вторичного завоевания Судана в 1899 г. до наших дней, хотя в последние годы их этнографическая ценность снизилась. За первые два десятилетия после покорения страны были изданы несколько докладов армейских офицеров, содержавших интересные, иногда очень тонкие наблюдения [18]. В выходящем с 1918 г. журнале «Судан ноутс энд рекордс» несколько чиновников администрации напечатали свои заметки о нуэрах [34, с. 116—118; 16, с. 146—155; 17, с. 105—112]. В этом же журнале Х. К. Джексон предпринял первую попытку издать обобщающую работу о нуэрах, написанную, надо отдать ему должное, очень интересно, несмотря на серьезные трудности [26, с. 59—107; с. 123—189].

После того как я начал свои исследования, были опубликованы книга мисс Рэй Хэфман из американской миссии [24] и несколько работ отца Дж. П. Краццолара из Веронской конгрегации [7, с. 28—39; 8, с. 300—320]. Хотя мои собственные статьи из различных журналов и включены в сокращенном варианте в эту книгу или будут опубликованы в следующем томе, я упоминаю их здесь, чтобы у читателя была полная библиография. Я опустил многие детали, содержавшиеся в этих статьях [10, с. 1—53; 11, с. 233—269; 12, с. 230—238; 13, с. 291—299; 14, с. 306—392; 15, с. 189—216].

Перечни некоторых нуэрских слов составили Брэн-Ролле и Марно [28, с. 481—495]. Более подробные словники составили майор Стигэнд [35] и мисс Хэфман [24; 25], а грамматики на-

Карта I. Нуэры и соседние народы

писали Д. Вестерман [39] и отец Крацолара [9]. В статье Вестермана также содержится кое-какой этнографический материал.

2. В этом томе я описываю те способы, какими один из нилотских народов добывает себе средства к существованию, и его политические институты. Собранная мною информация о его домашнем быте будет опубликована в следующем томе.

Нуэров¹, именующих себя нат (ед. ч. ран), насчитывается примерно 200 тыс. человек, и живут они на болотах и в открытых саваннах, раскинувшихся по обе стороны Нила к югу от его слияния с реками Собат и Бахр-эль-Газаль и по обоим берегам этих притоков (карта 1). Как видно по фотографиям, это высокие, длинноногие и узкоголовые люди. В культурном отношении они схожи с динка, и вместе два эти народа составляют подразделение нилотской группы народов, населяющей часть восточноафриканского культурного региона, черты и границы которой определены еще очень неточно. Другое подразделение нилотских народов составляют шиллуки и другие народности,

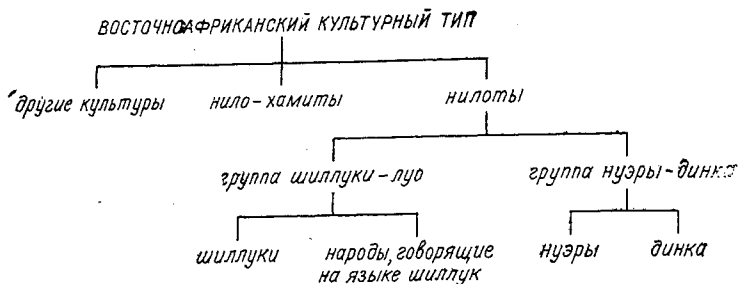

Схема 1. Классификация этнических групп

говорящие на языках, близких языку шиллук (луо, ануаки, ланго и т. д.). Вероятно, эти народы, говорящие на языке шиллук, ближе друг к другу, чем к самим шиллукам, хотя о большинстве из них еще мало известно. Предварительную классификацию см. на схеме 1.

Нуэры и динка очень похожи друг на друга в физическом отношении, а их языки и обычаи так близки, что нет оснований сомневаться в их общем происхождении, хотя история их разделения неизвестна. Проблема эта сложна: например, племя атвот, к западу от Нила, — это племя нуэров, принявшее многие обычаи динка², тогда как племена джикани в стране нуэров, как полагают, происходят от динка. Более того, между этими двумя народами поддерживались постоянные контакты, что привело к смешению и культурным заимствованиям. Оба народа признают свое общее происхождение.

Когда у нас будет больше информации о народах, говорящих на языке шиллук, можно будет определить, каковы характерные черты культуры и социальной структуры nilотов. Сделать это очень трудно, и я откладываю эту попытку на будущее, посвящая книгу только рассказу о нуэрах и избегая даже напрашивающихся сравнений их с другими nilотскими народами.

Главная тема книги — политические институты, но их нельзя изучать без учета окружающей среды и способов жизнеобеспечения. Поэтому начальную часть книги я посвятил краю, где живут нуэры, и тому, как они добывают все необходимое для жизни. Читатель сможет убедиться, насколько политическая система нуэров соответствует экологии.

В последующих разделах книги говорится главным образом о таких группах, как народ, племя и его сегменты, клан и его линиджи, а также о возрастных группах. Каждая из этих групп составляет часть сегментной системы, по отношению к которой она идентифицируется, а вследствие этого не проводится различия между статусом членов группы, когда они, выступая именно в роли членов единой системы, имеют дело друг с другом и с чужаками. Это положение будет подробнее разъяснено

в нашем исследовании. Сначала мы опишем взаимоотношения между территориальными сегментами внутри территориальной, или политической, системы, а затем связь других социальных систем с этой системой. В ходе изложения станет ясным, что мы понимаем под политической структурой, но здесь можно уже сказать, что мы имеем в виду отношения внутри территориальной системы между группами лиц, которые живут в четко определенных районах и сами сознают свою принадлежность к группе и свое отличие от других. Только в самых мелких из этих общин их члены находятся в постоянном контакте друг с другом. Мы отличаем эти политические группы от другого вида локальных групп, т. е. от домашних групп, семьи, домохозяйства и большой семьи, которые не входят в состав сегментных систем и в которых проводится различие между статусом их членов по отношению друг к другу и к чужакам. Социальные узы в домашних группах в основном родственного порядка, а корпоративная жизнь представляет норму.

В политическую систему нуэров входят все народы, с которыми они поддерживают контакты. Под «народом» мы подразумеваем всех людей, говорящих на одном и том же языке, имеющих, помимо этого, общую культуру и считающих, что они отличаются от других таких же общностей. Если взять нуэров, шиллуков и ануаков, то каждый из этих народов занимает цельную, неразделенную территорию; но народ может быть и разбросан по районам, далеко отстоящим друг от друга, как, например, динка. Когда народ, как, например, шиллуки, в политическом отношении централизован, можно говорить о государстве. В то же время нуэры и динка разделены на несколько племен, у которых нет общей организации или центральной администрации, и можно сказать, что в политическом отношении эти народы представляют собой скопления племен, временами объединяющихся в непрочные федерации. Нуэры проводят различие между теми племенами, что живут к западу от Нила, и теми, что мигрировали к востоку от него. Мы тоже для удобства делаем такое различие и говорим о западных нуэрах и восточных нуэрах. Восточных нуэров (при их описании) можно разделить также на племена, живущие близ р. Эз-Зераф, и те, что живут к северу и югу от р. Собат.

Самый крупный политический сегмент у нуэров — это племя. Не существует более крупных групп, которые не только считали бы себя самостоятельными локальными общностями, но и выступали бы совместно в войнах против чужаков и признавали право своих членов на компенсацию за понесенный ущерб. Племя делится на несколько территориальных сегментов, и это не просто географические подразделения, так как члены каждого сегмента считают себя самостоятельными общностями и нередко действуют, как таковые. Мы именуем самые крупные племенные сегменты «первичные отделы», сегменты первичного отдела — «вторичные отделы» и сегменты вторичного отдела —

«третичные отделы». Третичный отдел племени состоит из нескольких деревень, которые являются самой мелкой политической единицей в стране нуэров. Деревню составляют домовые группы, занимающие группы жилищ, домохозяйства и хижины.

Мы рассматриваем институт традиционной вражды (*февд*) и ту роль, которую играет в нем вождь — носитель леопардовой шкуры по отношению к политической системе. Термин «вождь» может ввести в заблуждение, но он достаточно расплывчат, чтобы пользоваться им за отсутствием другого, более подходящего термина. Это сакральная особа без политической власти. У нуэров действительно нет правительства, и их государство можно определить как упорядоченную анархию. Нет у них и правопорядка, если подразумевать под этим судебные решения, которые выносит независимый и беспристрастный орган, имеющий также право приводить в исполнение свои решения. Есть признаки того, что уже произошли некоторые сдвиги в этой области, и в конце главы о политической системе мы говорим о появлении «пророков», т. е. лиц, в которых вселяются боги Неба, и считаем, что они олицетворяют собой начало политического развития. По нашему мнению, вожди — носители леопардовой шкуры и «пророки» — это единственные ритуальные фигуры, имеющие какое-либо политическое значение.

После рассмотрения политической структуры мы описываем систему линиджей и касаемся отношений между ними. Линиджи нуэров агнатные, т. е. состоят из лиц, которые могут проследить свое происхождение от общего предка исключительно по мужской линии. Клан — это самая крупная группа линиджей, которую можно определить на основе правил экзогамии, хотя между несколькими кланами признаются агнатные отношения. Клан распадается на линиджи, которые являются ответвлениями, идущими от общего предка. Самые крупные сегменты, на которые делится клан, мы именуем «максимальные линиджи», сегменты максимального линиджа — «большие линиджи», сегменты большого линиджа — «малые линиджи», а сегменты малого линиджа — «минимальные линиджи». Минимальный линидж — это тот, который обычно называет человек, если его спросить, к какому линиджу он принадлежит. Таким образом, линидж — это группа агнатов, мертвых или живых, родство между которыми можно проследить генеалогически, а клан — это экзогамная система линиджей. Линиджные группы отличаются от политических групп тем, что отношения их членов между собой основаны на происхождении, а не на месте их проживания, так как линиджи разбросаны и не образуют локальных общностей, а также тем, что линиджные ценности зачастую проявляются в совершенно иных ситуациях, чем ценности политические.

После разбора системы линиджей в ее связи с территориальной сегментацией мы вкратце описываем систему возрастных групп. Взрослое мужское население распадается на стратифицированные группы, основанные по возрастному принципу, и мы

именуем их «возрастные группы». Членами такой группы люди становятся после инициации и остаются ее членами до смерти. Возрастные группы представляют собой систему, в которой младшая группа проходит через высшие ступени, пока не превратится в старшую группу, а когда ее члены умирают, группа остается только в памяти и название ее больше не употребляется. Значимы только возрастные классы отрочества и зрелости, так что юноша, прошедший инициацию в группу мужчин, остается на всю жизнь в одном и том же возрастном классе. Категорий воинов или старейшин, как в других районах Восточной Африки, здесь нет. Хотя возрастные группы осознают свою социальную индивидуальность, у них нет корпоративных функций. Члены группы могут иногда действовать сообща, но группа в целом никогда не принимает участия в какой-либо корпоративной деятельности. Тем не менее система организована по племенному принципу, и каждое племя стратифицировано по возрасту независимо от других племен, хотя смежные племена и могут координировать деятельность своих возрастных групп.

У нуэров, как и у всех других народов, имеется половозрастная дифференциация. Это членение имеет весьма ограниченное (и негативное) значение для тех структурных отношений, которым посвящена данная книга. Оно имеет значение скорее в рамках домохозяйства, нежели политическое, и мы не уделяем ему особого внимания. Нельзя сказать, чтобы у нуэров было деление на классы. Внутри племени существует некоторое различие в статусе между членами господствующего клана, нуэрами из других кланов и динка, которые были включены в племя, но, если не считать периферийных районов расселения нуэров на востоке, это скорее различие этнических категорий, а не ранга.

Такова вкратце структура этой книги, и таково значение, которое мы придаем наиболее часто употребляющимся терминам, необходим для описания упоминаемых групп. Ниже мы надеемся уточнить эти определения. Исследование преследует две цели: описать жизнь нуэров и раскрыть некоторые принципы построения их социальной организации. Мы стремились как можно лаконичнее рассказать о их жизни, и, отбросив большое количество материала, включили в книгу лишь то, что отвечает ограниченной теме нашего исследования.

3. Когда правительство Англо-Египетского Судана предложило мне заняться изучением нуэров (см. карту 2), я согласился лишь после долгого раздумья и сомнений. Мне хотелось до того, как я возьмусь за новую тему, завершить исследование азанде. И я также знал, что изучение нуэров будет очень трудным. Страна нуэров недоступна, а недолгое общение с нуэрами в прошлом убедило меня, что вряд ли удастся установить с ними дружественные отношения.

продовольствия, купленного в Малакале, и двумя слугами из племен атвот и белланда, которых я нанял в Малакале.

Когда я высадился в Йоаньянге³ на реке Бахр-эль-Газаль, меня радушно встретили католические миссионеры. Я пробыл на берегу реки девять дней, ожидая обещанных носильщиков. На десятый день прибыли всего четыре носильщика, и если бы не помощь одного арабского купца, который нанял для меня нескольких местных женщин, я застрял бы здесь на неопределенный срок.

На следующее утро я отправился в соседнюю деревню Пакур. Носильщики бросили палатку и снаряжение в долине, где не было ни одного дерева, неподалеку от нескольких хижин, и отказались донести их до тенистого места, находившегося за полмили. На следующий день я разбил палатку и с помощью слуги-атвота, говорившего по-нуэрски и немного по-арабски, убеждал нуэров перенести мои вещи и палатку в тень и поближе к воде, но они отказались. К счастью, ко мне привязался молодой парень по имени Нхиял, который затем постоянно сопровождал меня в путешествии по стране нуэров; после двенадцати дней уговоров он убедил своих соотечественников перенести мои вещи к опушке зарослей, где жили и они сами.

Слуги, как и все жители Южного Судана, боялись нуэров, и теперь были так перепуганы, что после нескольких бессонных и тревожных ночей бежали к реке, где стали ожидать парохода на Малакаль, и я остался наедине с Нхиялом. Все это время местные нуэры пальцем не пошевелили, чтобы помочь мне, и приходили только попросить табака, выражая недовольство, если я им отказывал. А когда мне удавалось подстрелить дичь, чтобы поесть самому и накормить прибывших наконец слуг-занде, они забирали мясо и съедали его в буше, отвечая на мои возражения, что, поскольку дичь убита на их земле, они имеют на нее право.

Главная трудность на этой начальной стадии заключалась в том, что я не мог свободно беседовать с нуэрами. У меня не было переводчика. Ни один нуэр не говорил по-арабски. Не существовало хорошей грамматики их языка и словаря, были только три небольших нуэрско-английских словарика. В результате за все время первой экспедиции и большее время второй я пытался овладеть языком в такой мере, чтобы начать опросы нуэров. Только те, кто пытался изучить крайне трудный язык без помощи переводчика и соответствующих письменных пособий, поймут, какая сложная задача стояла передо мной.

Покинув край племени лик, я вместе с Нхиялом и двумя слугами-занде отправился в область племени лу. Мы перебрались к озерку Муот-дит, намереваясь поселиться на его берегу, но местность оказалась безлюдной, так как для ежегодного скопления здесь нуэров было слишком рано. Если удавалось встретить нуэров, они отказывались сообщить, где находятся ближайšie лагеря, и с большим трудом удалось обнаружить

один из них. Там мы и разбили палатки, а когда обитатели лагеря перешли к Муот-дит, мы отправились туда вместе с ними.

Пребывание у Муот-дит было приятным и плодотворным. Я подружился с несколькими молодыми нуэрами, которые пытались учить меня своему языку и всячески показывали, что хотя я и чужеземец, но не вызываю у них особого отвращения. Ежедневно вместе с ними я часами рыбачил на озере и беседовал в моей палатке. Постепенно возвращалась уверенность в успехе, и я пробыл бы у Муот-дит дольше, если бы политическая обстановка была благоприятнее. Как-то на рассвете наш лагерь окружили правительственные войска, разыскивавшие двух «пророков», возглавлявших недавнее восстание. Они взяли заложников и угрожали арестовать и других нуэров, если не будут выданы «пророки». Я не хотел оказаться в двусмысленном положении, поскольку такие инциденты могли легко повториться, и вскоре возвратился в страну заде, проработав среди нуэров только три с половиной месяца.

Проводить исследования среди нуэров было бы трудно в любое время, но в дни моего путешествия они были особенно враждебны, так как недавнее поражение в борьбе с правительственными войсками и меры, принятые для их полного подчинения, вызывали глубокое недовольство. Нуэры часто говорили мне: «На нас вы совершаете набеги, а нам не разрешаете совершать набеги на динка», «Вы одолели нас с помощью огнестрельного оружия, а у нас были только копья. Будь у нас огнестрельное оружие, мы бы вас разбили» и т. п. Когда я прибыл в лагерь, меня считали не только чужеземцем, но и врагом, и нуэры почти не скрывали своего отвращения, отказываясь отвечать на мои приветствия, и даже отворачивались, когда я к ним обращался.

К концу моего пребывания в стране нуэров в 1930 г. я немного подучил язык нуэров, но сделал лишь скудные записи об их обычаях. В сухой сезон 1931 г. я возвратился и сначала остановился на две недели в американской миссии в Нассере, где мне охотно помогали американские и нуэрские работники миссии. Затем я отправился к лагерям для скота у реки Ньяндинг, но выбор места оказался крайне неудачным, так как нуэры здесь отнеслись ко мне еще враждебнее, чем в других районах, а условия жизни были тяжелее, чем в моих других путешествиях. Воды не хватало, и она была грязна, рогатый скот погибал от чумы, а над лагерями ройлись тучи мух. Нуэры отказались нести мои припасы и снаряжение, а так как у меня были лишь два ослика (один из них хромой), я не мог передвигаться. В конце концов я достал грузовик и смог выбраться отсюда, но еще до этого пришлось испытать на себе всю тяжесть характера нуэров. Поскольку они делали все, чтобы не пустить меня в лагерь, а ко мне приходили очень редко, я был почти полностью лишен возможности общения с ними. Они всемерно препятствовали моим попыткам беседовать с ними.

Нуэры умело саботируют всякие расспросы, и если не проживешь с ними хоть несколько недель, они будут упорно сводить на нет все попытки установить самые простые факты или разобратся в самых невинных обычаях. В краю занде я за несколько дней собирал больше информации, чем в стране нуэров за многие недели. По прошествии некоторого времени они начинали посещать мою палатку, курить мой табак, даже шутить и болтать, но не хотели принимать меня у своих ветровых заслонов или обсуждать серьезные вопросы. Чтобы уйти от ответов на вопросы об обычаях, они пользуются приемом, который я мог бы рекомендовать всем туземцам, которые хотят отвязаться от надоедливых этнографов. Вот, например, как нуэр с реки Ньяндинг начинает разговор на тему, содержащую некоторые неясные положения, которые при желании информанта сотрудничать можно было бы легко разъяснить.

Я: Кто ты?

Куол: Человек.

Я: Как твое имя?

Куол: Ты хочешь знать мое имя?

Я: Да.

Куол: Хочешь знать мое имя?

Я: Да, ты пришел в мою палатку, и я хочу знать, кто ты такой.

Куол: Хорошо. Я Куол. А как твое имя?

Я: Мое имя Причард.

Куол: Как зовут твоего отца?

Я: Имя моего отца тоже Причард.

Куол: Нет, так не бывает. У тебя не может быть одинакового имени с отцом.

Я: Это название моего линиджа. А как называется твой линидж?

Куол: Ты хочешь знать название моего линиджа?

Я: Да.

Куол: Что ты сделаешь, если я скажу тебе? Ты увезешь его в свою страну?

Я: Я ничего с ним не буду делать. Я просто хочу его знать, так как живу в твоём лагере.

Куол: Ну ладно, мы — лу.

Я: Я не спрашивал названия твоего племени. Я его знаю. Я спрашиваю название твоего линиджа.

Куол: Зачем тебе знать название моего линиджа?

Я: Я не хочу его знать.

Куол: Зачем тогда спрашиваешь? Дай мне табака.

Я ручаюсь, что даже самому терпеливому этнографу не справиться с таким оппонентом. Можно просто с ума сойти. И действительно, после нескольких недель общения только с нуэрами появляются — да простят мне этот каламбур — призраки «нуэроза».

Из Ньяндинга, не достигнув никаких серьезных успехов, я перебрался в лагерь для скота в Якваче на реке Собат, разбив палатку в нескольких ярдах от нуэрских ветровых заслонов. Я пробыл здесь (если не считать кратковременного пребывания в американской миссии) более трех месяцев — до начала дождей. Испытав обычные первоначальные трудности, я наконец почувствовал, что меня приняли как члена общины, особенно после того, как я приобрел несколько коров. Когда обитатели лагеря в Якваче возвратились в свою глубинную деревню, я не смог сопровождать их и решил снова посетить район племени лик. Но из-за тяжелого приступа малярии я вместо этого попал в больницу в Малакале, а затем вернулся в Англию. В эту вторую экспедицию я проработал пять с половиной месяцев.

После этого я находился на службе в Египте и опубликовал в «Судан ноутс энд рекордс» очерки, которые и послужили основой этой книги, так как я не рассчитывал на возможность снова побывать у нуэров. Однако в 1935 г. Фонд Ливерхелма предоставил мне стипендию для двухгодичной исследовательской работы, с тем чтобы я подробно изучил жизнь язычников-галла в Эфиопии. Меня задержали дипломатические интриги, и я провел два с половиной месяца на суданско-эфиопской границе, изучая восточных ануаков. Когда я наконец прибыл в Эфиопию, вторжение итальянских войск представлялось неизбежным, и мне пришлось отказаться от изучения галла. Это позволило мне провести еще семь недель в стране нуэров, продолжить исследования, проверить прежние записи и собрать новый материал. Я побывал у нуэров, живущих на реке Пибор, возобновил знакомство с моими друзьями в миссии в Нассере и в Якваче и провел около месяца среди восточных джикани у устья реки Ньяндинг.

В 1936 г., после обследования нилотов луо в Кении, я провел последние семь недель в стране нуэров, посетив ту ее часть, которая лежит к западу от Нила, в частности район отдела карлуал племени лик. Таким образом, в целом я прожил среди нуэров около года. Я считаю, что одного года недостаточно для проведения социологического исследования какого-либо народа, особенно такого сложного народа и тем более в трудных условиях, но серьезные приступы болезни во время экспедиций 1935—1936 гг. заставили меня прекратить работу.

Помимо моей болезни, подозрительности нуэров и их упрямого сопротивления, с которыми я столкнулся на первых этапах исследования, отсутствия переводчика, хорошей грамматики и словаря, а также обычных информантов мне стало мешать и еще одно обстоятельство. По мере того как я устанавливал все более дружеские связи с нуэрами и осваивался с их языком, они стали посещать меня с раннего утра и до поздней ночи, и не проходило почти ни минуты, чтобы в моей палатке не находились мужчины, женщины или мальчики. Стоило мне начать общение с одним человеком, как другой

прерывал беседу, чтобы поговорить о своих делах, пошутить или посмеяться. Мужчины приходили в часы доения коров, и некоторые засиживались до полудня. Затем появлялись девушки, закончившие доение, и тоже требовали внимания к себе. Замужние женщины приходили реже, но мальчишки постоянно торчали у входа в мою палатку, если только их не прогоняли взрослые визитеры. Эти бесконечные посещения, болтовня и перерывы в работе, хотя и позволяли мне практиковаться в нуэрском языке, все же были крайне утомительны. Тем не менее, если кто-либо решит поселиться в лагере нуэров, ему придется считаться с их обычаями, а ходить в гости они способны без усталости в любое время. Самое неприятное, что вся моя жизнь проходила на глазах людей, и потребовалось немало времени, чтобы преодолеть стыдливость (хотя это и не всегда удавалось) и совершать самые интимные отправления перед сборищем визитеров или на виду у всего лагеря.

Поскольку моя палатка всегда находилась среди домохозяйств или ветровых заслонов, а беседы приходилось проводить в присутствии многих людей, мне редко удавалось вести конфиденциальные разговоры, и я так и не смог подготовить информантов, которые были бы способны диктовать тексты и давать детальные пояснения и комментарии. Это затруднение компенсировалось той близостью, которая возникла у меня с нуэрами. Поскольку я не мог пользоваться более легким и удобным методом работы с помощью постоянных информантов, мне оставалось непосредственно наблюдать за повседневной жизнью народа и участвовать в ней. Из палатки я видел все, что происходило в лагере или деревне, и каждый час я проводил в обществе нуэров. Поэтому информация собиралась по крохам, так как я использовал как источник знаний каждого встречного нуэра, а не в виде крупных порций сведений, которые поставляли бы специально подобранные и обученные информанты. Я жил в теснейшем контакте с нуэрами и поэтому узнал их ближе, чем азанде, о которых, однако, я могу писать намного детальнее и глубже. Азанде не допускали меня к себе как члена своей общины, а нуэры требовали, чтобы я был одним из них. Среди азанде я был вынужден жить вне общины, у нуэров меня заставляли стать ее членом. Азанде считали меня стоящим выше них, а нуэры — равным себе.

Я не претендую на далеко идущие выводы. Мне кажется, что я понял главные ценности в жизни нуэров и могу правдиво обрисовать их социальную структуру, но я рассматриваю этот том моих трудов скорее как вклад в этнографию определенного региона, а не детальное социологическое исследование, и буду доволен, если его воспримут именно так. Многого я не увидел и не узнал, и поэтому у других будет достаточно возможностей для исследований в той же области и среди соседних народов. Надеюсь, что это будет сделано и когда-нибудь мы получим более или менее полный обзор социальных систем нилотов.

Глава I

СКОТ — СРЕДОТОЧИЕ ИНТЕРЕСОВ НУЭРА

1. Люди, материальная культура которых так проста, как у нуэров, во многом зависят от окружающей среды. В основном нуэры — скотоводы, хотя они выращивают сорго и кукурузы больше, чем обычно считается. В зависимости от почв, наличия поверхностных вод и количества скота одни племена выращивают больше этих культур, другие меньше, но все они рассматривают земледелие как бремя, навязанное им из-за недостатка скота, так как в душе они пастухи и единственный труд, в котором они находят удовлетворение, это уход за скотом. Они не только получают от скота почти все необходимое для жизни, но им присуще и пастушеское мировоззрение. Скот — самое дорогое их имущество, и они с готовностью рискуют жизнью ради защиты скота или ради захвата скота у соседей. Почти вся их общественная деятельность связана со скотом, и тем, кто хочет понять поведение нуэров⁴, можно дать прекрасный совет: «cherchez la vache»⁵.

Отношения нуэров с соседними народами определяются их любовью к скоту и желанием приобрести скот. Они глубоко презирают такие народы, как ануаки, у которых нет или мало скота, а их войны против динка объяснялись стремлением захватить их скот и контролировать их пастбищные земли. Каждое племя нуэров и каждый отдел племени имеют свои пастбища и водные источники, и политическая структура тесно связана с распределением этих природных ресурсов, которыми, как правило, владеют отдельные кланы и линиджи. Чаще всего споры между отделами племени происходят из-за скота, и скотом же компенсируют потерю жизни или увечья, часто являющиеся следствием таких споров. Вожди — носители леопардовой шкуры и «пророки» служат арбитрами в спорах из-за скота или выполняют ритуальные функции, когда требуется принести в жертву быка или барана. В ритуалах также участвует *вут гхок* («хозяин скота»). Сходным образом, говоря о возрастных группах и возрастных ступенях, мы обнаруживаем, что говорим об отношениях людей к своему скоту, ибо переход от отрочества к зрелому возрасту четко определяется при церемонии инициации соответствующими изменениями в этих отношениях.

Небольшие локальные группы совместно пасут скот и защищают жилища и стада. Их солидарность проявляется особенно

ярко в сухой сезон, когда они живут за ветровыми заслонами, установленными вокруг общего крааля, но она остается в силе и в дождливый сезон, когда они живут изолированно. Одна семья или домохозяйство не в состоянии в одиночку защищать и пасти свой скот, и именно в свете этого фактора надо расширять сплоченность территориальных групп.

Сеть родственных связей, объединяющая членов локальных общин, возникает в результате действия правил экзогамии, которые зачастую выражаются в категориях скотоводства. Брачный союз заключается путем уплаты выкупа скотом, а каждый этап брачного ритуала отмечается передачей или убоем скота. Юридический статус партнеров и их детей определяется правами на скот и обязательствами в отношении владения скотом.

Скотом владеют семьи. Пока глава домохозяйства жив, он является полноправным хозяином стада, хотя у его жен есть право на пользование коровами, а его сыновья владеют некоторыми быками. По мере того как каждый сын, в порядке старшинства, достигает брачного возраста, он женится, получая коров из стада. Следующему сыну придется ждать, пока численность стада будет восстановлена, и только тогда он сможет жениться. Когда глава домохозяйства умирает, стадо остается центром жизни семьи, и нуэры решительно осуждают всякий его раздел (во всяком случае, пока не женятся все сыновья), ибо это общее стадо, на которое все имеют одинаковые права. Когда сыновья женятся, они обычно живут с женами и детьми в соседних домохозяйствах. В начале сухого сезона можно наблюдать, как такая большесемейная группа живет за ветровыми заслонами вокруг общего крааля, а в больших лагерях, которые создаются позднее, она занимает определенную секцию среди вытянутых в линию ветровых заслонов. Общий скот связывает братьев и после того, как каждый из них обзавелся своим домом и детьми, потому что, когда дочь одного из них выходит замуж, остальные получают немалую часть положенного за нее выкупа. Свою долю получают ее дед и бабка, дяди по материнской линии, тетки по отцовской и материнской линиям и даже более дальние родственники. Родство и определяется обычаям по этим платежам, так как его особенно легко установить во время заключения брачного союза, когда движение скота из крааля в крааль совпадает с линиями на генеалогической схеме. Оно подтверждается и в процессе раздела жертвенного мяса между агнатными и когнатными родичами.

Значение скота в жизни и мышлении нуэров отражено также в именах людей. Мужчин часто называют именем, которое связано с внешним видом или мастью их любимых быков, а женщины берут имена быков или коров, которых они доят. Даже маленькие мальчики, играя вместе на пастбищах, называют друг друга именами быков, и ребенок часто принимает имя бычка от той коровы, которую доят он сам и его мать. Часто

человек получает имя быка или коровы при рождении. Иногда имя человека, которое остается за ним навечно, это имя его быка, а не имя, данное при рождении. Поэтому генеалогия нуэра выглядит как инвентарная опись краала. Отождествление человека с любимым быком неизбежно отражается и на его отношении к этому животному, и в глазах европейцев такой обычай служит наиболее убедительным доказательством пастушеской психологии нуэров.

Поскольку скот — это ценнейшее достояние нуэров, главный источник продовольствия и самая большая социальная ценность, то легко понять, почему скот играет и наиболее существенную роль в ритуалах. Человек устанавливает контакт с духами через скот. Если бы удалось проследить жизнь каждой коровы в краале, тем самым можно было бы установить не только всю систему родственных связей и свойств владельцев коров, но и их мистические связи. Коровы посвящены духам линиджей их владельца и его жены, а также любому персональному духу, который когда-либо вселялся во владельца или его жену. Другие животные посвящены духам умерших. Натерев золой спину коровы или быка, можно вступить в контакт с духом, связанным с этим животным, и попросить у него помощи. Другой метод общения с умершим и духами — это жертвоприношение, и ни одна церемония нуэров не будет эффективной без принесения в жертву барана, козла или быка.

Из этого краткого обзора некоторых институтов и обычаев нуэров ясно, что большей частью их социальное поведение непосредственно связано со скотом. При более полном изучении их культуры мы увидим, что во всех ее областях, например в фольклоре, господствует тот же интерес к скоту. Нуэры постоянно говорят о своих животных. Я иногда приходил в отчаяние от того, что мои беседы с юношами всегда сводились к скоту и девушкам, но даже разговор о девушках неизбежно переходил в беседу о скоте. С какой бы темы я ни начинал и в какую сторону ни направлял бы беседу, мы вскоре все равно уже говорили о коровах и быках, нетелях и волах, баранах и овцах, козлах, козах, телятах, ягнятах и козлятах. Я уже отмечал, что такая одержимость — как ее называют посторонние наблюдатели — объясняется не только огромной экономической ценностью скота, но и тем фактом, что скот олицетворяет собой все узлы в разнообразных социальных отношениях. Нуэры склонны определять все общественные процессы и отношения в категориях скотоводства. Их средство выражать социальные отношения — это разговор о быках.

Поэтому всякий, кто живет среди нуэров и хочет понять их общественную жизнь, должен прежде всего овладеть словарем терминов, относящихся к скоту и к жизни стада. Разобраться в тех сложных дискуссиях, которые имеют место при переговорах о браке, в ритуальных ситуациях и в юридических спорах, можно только в том случае, если вы понимаете труднейшую терми-

нологию, связанную со скотом, с вопросами о масти, возрасте, поле животных и т. д.

Я упомянул о некоторых ситуациях, в которых проявляется ценность скота, но я не мог коснуться всех его функций в культуре нуэров, так как скот имеет важное значение во многих общественных процессах. Некоторые из них я упомянул, другие выходят за рамки этой книги. Мне казался необходимым именно такой вступительный очерк, чтобы читатель понял, что увлечение нуэров пастушеским искусством порождено значительно более широкими интересами, чем простая потребность в продуктах питания, и увидел, почему скот играет главенствующую роль в их жизни. В дальнейшем мы объясним, какое отношение эта роль скота имеет к окружающей среде и как оба эти фактора, взятые вместе, помогают понять некоторые характерные черты политической структуры нуэров.

2. До нынешнего столетия у нуэров было намного больше скота, и, вероятно, они выращивали меньше сорго. Их стада поредели из-за повторявшихся вспышек чумы рогатого скота, которые и поныне сокращают поголовье. По-видимому, чума приносила раньше еще больше ущерба, хотя наблюдавшиеся мною случаи ее были тоже серьезны. Но в прошлом воинственные нуэры всегда могли восстановить свои потери путем набегов на динка. Все нуэры сходятся во мнении, что при жизни прошлого поколения их стада были намного многочисленнее и что выкуп за невесту и вира за кровь составляли 40, а то и 50—60 голов скота, тогда как сейчас родичи невесты не рассчитывают получить более 20—30 голов. Создается общее впечатление, что сейчас стада нуэров намного богаче, чем у шиллуков, но не богаче, чем у некоторых племен динка, живущих в более благоприятных условиях.

Даже на небольшой территории было трудно подсчитать поголовье скота, да и нуэры наверняка отнеслись бы к этому с неприязнью. По некоторым оценкам я пришел к выводу, что в среднем на один крытый загон приходится десять голов крупного рогатого скота, пять коз и овец. Загон обычного размера не может вместить больше дюжины взрослых коров. Поскольку на каждый загон приходится около восьми человек, то количество голов скота, вероятно, ненамного превышает число людей. Больше всего коров, они составляют примерно две трети стада. На фотографиях в этой книге видно, как выглядят коровы нуэров. Нуэры говорят, что большой горб свидетельствует о происхождении коровы из района беиров, а очень длинные рога — о том, что коровы — из района динка.

Некоторые племена богаче скотом, чем другие. Особенно благоприятной для разведения скота считается область лу, которая и славится большими стадами. Богаты скотом были когда-то восточные джикани, но их стада все еще не оправи-

лись от потерь в результате эпизоотий, которые заставили этот народ усерднее заниматься земледелием. Рогатый скот повсюду распространен равномерно. Едва ли найдется человек, у которого вообще не было бы скота, но нет и особо крупных скотовладельцев. Хотя скот — это такое богатство, которое можно накапливать, человек никогда не приобретает больше животных, чем может вместить его крытый загон, ибо как только его стадо достаточно вырастет, он или кто-либо из его семьи женится. Тогда из стада уходят два или три животных, и требуется несколько лет для возмещения потери. Каждое домохозяйство переживает перемежающиеся периоды бедности и сравнительного процветания.

Когда мы начнем разбор политической системы нуэров, следует помнить, что до последних лет они, вероятно, занимались почти исключительно скотоводством и вели более кочевой образ жизни, чем сейчас, и что сокращение их стада частично объясняет их постоянную агрессивность.

3. Хотя скот используют в самых различных целях, важнее всего получаемое от него молоко. Молоко и сорго — основная пища нуэров. В некоторых районах их страны, особенно среди лу, запасов сорго редко хватает на весь год, и когда они истощаются, население питается только молоком и рыбой. В такие периоды семье приходится иногда довольствоваться молоком единственной коровы. Во всех частях этого края урожай сорго непостоянен, и часто наступает более или менее сильный голод, когда люди надеются на рыбу, корни диких растений, фрукты и семена, но главным образом на молоко своих коров. Даже когда сорго в изобилии, его не едят само по себе, так как нуэры считают, что без молока, сыворотки или жидкого творога оно тяжело, невкусно, а для детского пищеварения просто опасно. Они убеждены, что всего важнее для детей молоко, и без него они не смогут расти здоровыми и счастливыми. Потребности детей удовлетворяются в первую очередь, даже если взрослым, особенно в голодные времена, приходится отказывать себе в еде. По мнению нуэров, самое счастливое время — когда у семьи есть несколько дойных коров, так как в этом случае дети сыты и остаются излишки для изготовления сыра, для помощи родичам и угощения гостей. Семья, как правило, всегда находит молоко для маленьких детей, потому что, если у нее нет коровы, кто-либо из родичей или одолжит ей дойную корову, или поделится молоком. Такие родственные обязательства общепризнаны и беспрекословно выполняются, так как заботиться о потребностях детей, по мнению нуэров, должны не только родители, но и соседи и родственники. Однако случается и так, что после эпизоотии или после женитьбы двух трех молодых людей весь хутор, а то и вся деревня, может ока-

заться в нужде. Приходит нужда и в тех случаях, когда у коров в деревне одновременно прекращается лактация.

Нуэры оценивают коров по количеству молока, которое они дают, и, конечно, знают достоинства каждой коровы. Телята от хорошей дойной коровы ценятся выше телят от коровы, дающей мало молока. Для нуэров корова не просто корова, а всегда или хорошая корова, или плохая, и нуэр никогда не примет в уплату долга корову, которая ему не нравится. Если в лагере для скота вы спросите нуэра, какие коровы в стаде лучшие и худшие, он сразу вам ответит. При оценке коровы он обращает мало внимания на качества, которые ценит в быке (например, тучность, масть и форму рогов), но отмечает те качества, которые свойственны хорошей молочной корове: широкая нетугая спина, крупные молочные протоки, сильно сморщенное вымя и т. п. При определении возраста коровы он отмечает глубину морщин, которые идут вдоль обеих сторон крестца к хвосту, число и остроту зубов, твердую поступь и число колец на рогах. Коровы нуэров костлявы и тощи, что типично для молочного скота.

Доение проводят дважды в день женщины, девочки и не прошедшие инициации мальчики. Мужчинам запрещается доить коров, за исключением случаев, когда во время путешествия или войны поблизости нет женщин или мальчиков. Доярка сидит на корточках около коровы и доит один сосок, сцеживая молоко в узкое горлышко тыквы (в форме бутылки), стоящей у нее на ляжке. Она доит большим и указательным пальцами, сжав остальные пальцы, а сосок чуть-чуть прижимает к ладони. Она выжимает и тянет сосок. Тыква удерживается на месте руками во время их движения вниз и прижимается ими к ляжке. Если пользуются горшком или тыквой с широким горлышком, их ставят между коленями, и доярка доит сразу два соска. Иногда можно видеть, как две девушки доят одну и ту же корову, сидя по обеим ее сторонам. Если корова беспокойная, мужчина сдерживает ее, засунув руку в ее пасть и зажав морду. Если корова лягается, то на задние ноги набрасывают петлю и стягивают их. Мне говорили, что иногда в нос наиболее беспокойных во время доения коров вдевают кольцо.

Процесс доения происходит так. С привязи спускают теленка, который сразу же бежит к матери и начинает сильно бодать ее вымя. Начинает течь молоко, и нуэры считают, что если сначала вымя не посетит теленок, то корова не даст молока. Они не похлопывают по вымени (если только теленок не сдох), считая, что это вредно для коровы. Когда теленок отсосал немного молока, его, несмотря на сопротивление, оттаскивают и привязывают к колышку у передних ног матери, которая начинает лизать его. Теперь девушка отдаивает первое молоко, именуемое *вич*. Когда соски размягчаются и пустеют, снова подпускают теленка, и весь процесс повторяется. Второе доение именуется *тип индит*, т. е. «большой тип». Как правило,

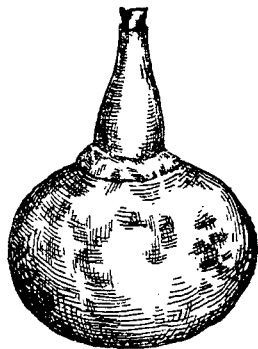
доят дважды, но если это очень хорошая молочная корова в разгаре лактации, то снова подпускают теленка и производят третье доение — *тип интот* («меньший тип»). Окончив доение, девушка обтирает свои ляжки и тыкву коровьим хвостом и пускает теленка, чтобы он отсосал оставшееся молоко. Первое доение длится дольше и дает больше молока, чем второе, а второе больше, чем третье. Утренний удой больше вечернего.

В результате ряда измерений можно сказать, что корова нуэров дает в среднем ежедневно от 2,28 до 2,85 л молока в лактационный период, который в среднем длится около семи месяцев. Однако надо помнить, что речь идет о количестве молока, потребляемого людьми. Теленок получает свою долю до, во время и после доения. Как говорят нуэры, вполне возможно, что некоторые коровы придерживают молоко для своих телят, и часто теленок несколько минут после доения сосет вымя, пока наконец мать не отпихнет его ногой или не повернется так, чтобы он не дотянулся до вымени. Иногда какой-нибудь маленький мальчик отстраняет теленка и сам выдаивает молоко, слизывая его с рук, или же пьет молоко из одного соска, а теленок из другого, но, как правило, остатки молока получает теленок. Таким образом, общий удой может достигать 4—5 л в день, и молоко намного жирнее, чем у английских коров. Неудивительно, что удои невелики, так как коровы нуэров не получают искусственных кормов, пастбища с сочными травами редки, и животным приходится переносить множество лишений. Необходимо также помнить, что если английские фермеры нуждаются только в молоке, то нуэрским пастухам нужно и получить молоко, и сохранить каждого теленка. Потребности человека приходится подчинять потребностям молодняка, о котором, чтобы сохранить стадо, нужно заботиться в первую очередь.

Молоко употребляют в пищу по-разному. Парное молоко пьют, особенно дети, или едят его с кашей из сорго. Взрослые пьют свежее молоко главным образом в жаркий сухой сезон, когда особенно хочется глотнуть освежающего напитка, а продовольствия не хватает. Часть молока отливают в сосуды, и в жаркую погоду оно быстро киснет и густеет, и в этом виде его особенно ценят. Нуэры стараются всегда хранить тыкву с кислым молоком на случай, если придут гости. Часть дневного удоя идет на изготовление сыра, и если в лактационном периоде находятся несколько коров, удой одной из них целиком идет на сыр. Молоко, предназначенное для пахтанья, сливают в другую тыкву, а не в ту, в которой держат молоко для питья. Затем его переливают в особую тыкву для пахтанья, в которой оно стоит несколько часов, и поскольку эти особые тыквы не моют (если только они не начинают дурно пахнуть), оставшаяся в них от предыдущего пахтанья кислота способствует свертыванию молока. Затем женщина (или девочка) начинает сбивать его, сидя на земле и вытянув вперед ноги — она подни-

мает тыкву, резко опускает ее на ляжки и покачивает несколько раз, после чего повторяет всю процедуру: простой, но весьма длительный метод пахтанья. Затем, когда образуются первые сгустки творога, в тыкву доливают немного воды, чтобы творог осел и увеличилось количество сыворотки, а иногда для густоты добавляют немного бычьей мочи. Когда образовалась сыворотка, женщина переливает ее в другую тыкву в форме чаши, вычерпывает раковины куски творога и бросает их в другую тыкву, висящую в хижине. Сыворотку, смешанную с сырым молоком, пьют в основном женщины и мальчишки. Каждый

Тыквенный сосуд
для пахтанья

день они добавляют новые порции творога и время от времени примешивают к нему бычью мочу, чтобы он не испортился. Иногда они накапливают творог на протяжении нескольких недель, чтобы потом вскипятить его на быстром огне, после чего творог — *лиет ин бор* — превращается в массу густого темно-желтого сыра — *лиет ин чар*. После кипячения все сливается в тыкву, и образовавшееся наверху масло снимают, чтобы использовать в качестве приправы к каше. Сыр висит в сетке под крышей хижины в круглой тыкве, от которой отрезана верхняя часть оболочки, так что она действует как скользящая крышка. Если же покрыть сыр коровьим навозом, закрыв доступ воздуха, то его можно держать в хорошем состоянии несколько месяцев. Сыр едят с кашей и им смазывают тело.

Коз и овец тоже доят по утрам, но их молоку не придают особого значения — его пьют маленькие дети, и оно не обрабатывается. Женщина доит, а козлята и ягнята допивают то, что осталось в вымени. Когда они пасутся с матками на пастбище, вечернее доение не проводится. Но в течение дня мальчишки-пастухи часто жмут вымя и слизывают молоко с рук.

Из рассказа о доении и обработке молока можно отметить следующее:

1) нынешнее поголовье и распределение скота не позволяет нуэрам вести чисто скотоводческий образ жизни, как это им хотелось бы и как, вероятно, было в прошлом. По самым оптимистичным подсчетам, средний дневной удой на загон составляет не более 7 л молока, т. е. около полулитра на человека;

2) нестабильность ресурсов домохозяйства как результат эпизоотий и выплат выкупа за невест обостряется и потому, что коровы дают молоко только в определенный период после отела и удой не бывает постоянным. Таким образом, что касается молока, семью нельзя считать самообеспечивающейся едини-

цей, так как она не может всегда обеспечивать достаточные запасы молока. И поскольку молоко считается абсолютно необходимым продуктом, экономическая единица должна быть больше простой семейной группы;

3) окружающая среда, как и потребность в злаковой пище, которая дополняла бы молочный рацион, не позволяет нуэрам вести чисто кочевой образ жизни. Но наличие молока позволяет им кочевать часть года, сохранять мобильность и оставаться неуловимыми, о чем свидетельствует их история и что подтвердилось во время кампании правительственных сил против нуэров. Молоко не требует средств для его перевозки и места для хранения, поскольку запасы его ежедневно возобновляются, но в то же время нуэры зависят от наличия воды и растительности, а это не только позволяет, но и вынуждает их вести кочевую жизнь. Такая жизнь воспитывает особые качества пастуха — смелость, любовь к борьбе, презрение к голоду и трудностям, но не крестьянское трудолюбие.

4. Нуэры используют также и мясо скота — в вареном или запеченном виде. Они держат скот не для убоя, но овец и быков часто приносят в жертву во время церемоний. Есть духи, в честь которых можно в любое время принести жертву, а поскольку с такими жертвоприношениями, как правило, запаздывают, то у народа всегда есть предлог для того, чтобы попить. Плодовитых коров приносят в жертву во время погребальных церемоний, в других же случаях убивают только яловых коров. Во время жертвоприношений людей больше интересует праздничный, а не религиозный характер ритуала. Иногда, как во время брачных церемоний, ритуал совершают одни люди, а едят мясо — другие, но при других церемониях все бросается на тушу животного. В таких случаях, не стеснясь, жадно тянутся к мясу, и нуэры признают, что некоторые люди приносят в жертву животных без особого для того основания. Есть также обычай, когда юноши в один из дождливых сезонов собираются в усадьбе, убивают быков и до отвала наедаются мясом. Но, за исключением таких случаев, не полагается убивать быка просто для еды (даже считается, что бык может призвать на них проклятие), и так поступают только во время особо страшного голода. Богатые скотом лу «славятся» тем (и они этого стыдятся), что убивают быков ради мяса. Тем не менее нигде в стране нуэров обычно не забивают скот для еды, и человек никогда не убьет даже овцу или козу просто потому, что ему захотелось мяса. На церемониях малозначительных чаще приносят в жертву барана или козла, а не быка, поскольку они менее ценны.

Всякое животное, павшее естественной смертью, съедают. Даже когда умирает любимый бык юноши, его заставляют съесть кусок мяса, ибо, как говорят, если он откажется, то

копье отомстит за это оскорбление и когда-нибудь поранит ему руку или ногу. Нуэры очень любят мясо и говорят, что, когда гибнет корова, «глаза и сердце печальны, но зубы и желудок рады», «желудок человека, независимо от его разума, молит бога о таких дарах».

Хотя быков приносят в жертву и съедают, их ценят не только по этой причине — владение быками поднимает престиж человека, и их можно выставить напоказ. Значение имеют масть и форма рогов, но самые важные качества — это крупные размеры и тучность, причем особое внимание обращают на то, чтобы не выпирали подвздошные кости. Нуэры восхищаются большим горбом, который болтается при движении животного, и чтобы развить это свойство, они проводят специальные манипуляции с горбом вскоре после рождения бычка.

Как и другие пастушеские народы Восточной Африки, нуэры извлекают кровь из шеи коровы или быка, и эта кровь дополняет их рацион в лагерях сухого сезона, где, как правило, вечером берут кровь хотя бы у одной коровы. Для кулинарных целей чаще берут кровь у коров, а не у быков. Эта операция, именуемая *бар*, производится так: веревкой туго перевязывают шею животного, чтобы надулись вены, и одну из них (ближе к голове) прокалывают маленьким ножом, который обматывают веревкой или травой, чтобы он не вошел слишком глубоко в вену. Хлещет кровь; когда наполнится большая тыква, веревку развязывают, и кровотечение прекращается. Рану замазывают навозом. Если взглянуть на шею коровы, можно заметить ряд небольших рубцов. После операции коровы испытывают головокружение и даже иногда пошатываются, но в остальном операция на них, видимо, не отражается. Возможно, как утверждают нуэры, животным она даже на пользу, так как они застаиваются. Женщины варят кровь, пока она не загустеет; ее употребляют как приправу к каше. Или же мужчины оставляют кровь, пока она не свернется и не затвердеет в виде плотного кома; тогда ее запекают в золе костра, режут и едят.

Кровь коров не играет важной роли в рационе нуэров. Более того, они говорят, что операция производится ради здоровья коров, хотя и признают, что печеная кровь очень вкусна. Считается, что с помощью кровопускания корову излечивают от любых недугов, так как извлекается дурная кровь, вызывающая болезни. Кроме того, по словам нуэров, корова после этого набирает вес и уже на следующий день становится резвее и поедает больше травы. По мнению нуэров, кровопускание также уменьшает тягу коровы к случке. Говорят, что из-за излишне частой случки корова в конце концов становится яловой, но если время от времени спускать кровь, то достаточно одной случки, чтобы корова стала стельной. Иногда кровь у животных пускают в чисто медицинских целях, особенно в сезон дождей, когда люди сыты, и кровь отдают мальчикам из крааля и

собакам. Иногда делают надрез на носу телят, чтобы кровь текла на землю, а телята жирели. Я видел, как нуэры делают надрезы себе на ногах и пояснице, чтобы быть проворнее и сильнее.

Нам кажутся важными следующие два пункта: 1) хотя животных, как правило, не забивают на мясо, в конечном счете каждое животное попадает в котел, и нуэры получают достаточное количество мяса, чтобы удовлетворить свой аппетит, и у них нет особой нужды в охоте на диких зверей, которой они занимаются редко; 2) если не считать периодов эпизоотий, то мясо обычно едят только во время ритуалов, праздничный характер которых придает им особое значение в жизни народа.

5. Помимо молока, мяса и крови скот обеспечивает нуэров разнообразным сырьем, и если мы учтем, как бедно их имущество, то поймем значение скота как источника сырьевых материалов. Туша животного и ее отдельные части находят следующее применение. Шкура используется для изготовления кроватей, подносов, мешков для переноски топлива, веревок, цепов, кожаных ошейников для быков и баранов. Из нее делают трубки, копыя, щиты, табакерки и т. п. Мошонки быков превращают в мешочки для хранения табака, ложек и иных мелких предметов. Из кончиков хвоста делают кисточки, которыми девушки украшают себя в танцах и которые в виде украшения вешают на рога любимого быка. Кости идут на изготовление браслетов, пестиков, колотушек и скребков. Из рогов вырезают ложки и делают гарпуны.

Навоз идет на топливо, им обмазывают стены и полы, а также внешние стены соломенных хижин. Его употребляют как замазку при мелких работах и для смазывания ран. Золу от сгоревшего навоза мужчины втирают себе в кожу, с ее помощью красят и выпрямляют волосы, ею промывают рот и чистят зубы, она употребляется при изготовлении спальных шкур и кожаных мешков, а также в ритуальных целях. Мочу используют при пахтанье и изготовлении сыра, в обработке утвари из тыкв, для дубления кожи, ею моют лицо и руки.

Замужние женщины делают из шкур овец и коз набедренные повязки, изготавливают коврики для сидения, мешочки для хранения табака и сорго; шкуры режут на ленты, которые молодые люди повязывают вокруг щиколоток во время танцев. Навоз и моча овец и коз не используются.

Арабов-бедуинов как-то называли иждивенцами верблюдов. В какой-то мере нуэров можно назвать иждивенцами коров. Может показаться, что наш перечень возможностей использования скота и продуктов скотоводства не так уж велик, но материальная культура нуэров настолько элементарна, что пере-

чень этот охватывает весьма значительную часть их способов жизнеобеспечения. Он также содержит предметы, от которых нуэры во многом зависят, например навоз, используемый как топливо в краю, где трудно найти достаточное количество растительного топлива для приготовления пищи, не говоря уже о больших кострах, которые горят день и ночь в каждом загоне и у ветровых заслонов.

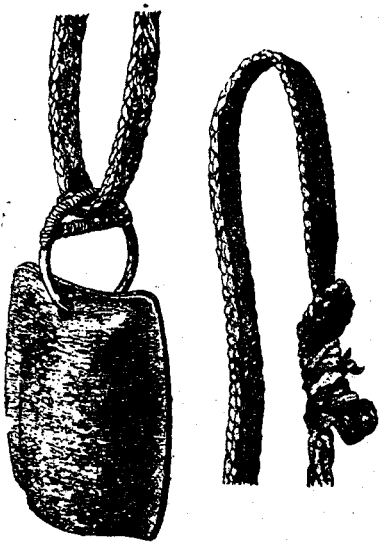
Мы уже отмечали, что помимо самых разнообразных способов использования скота в социальной жизни нуэры ценят его прежде всего как источник двух важнейших ингредиентов их рациона:

молока и мяса. Теперь мы видим, что хозяйственная ценность скота намного шире. Если принять во внимание также более общую социальную ценность скота (о которой вкратце говорилось в разделе 1), мы можем заметить, что внимание нуэров чрезмерно сосредоточено на одном объекте, который доминирует над всеми иными интересами и гармонирует с той простотой, целеустремленностью и консерватизмом, которые так характерны для пастушеских народов.

6. В последующих главах мы опишем, что предпринимается для удовлетворения потребностей скота, для поисков воды и пастбищ, для защиты его от хищных зверей и вредоносных насекомых, и покажем, как эти факторы определяют повседневную жизнь человека и влияют на социальные отношения. Оставив на время эти более широкие проблемы, мы хотим сейчас ответить на вопрос: являются ли нуэры, столь зависящие от своего скота и так высоко ценящие его, компетентными скотоводами? Нет нужды говорить, что они делают для скота буквально все, что в пределах их знаний, но позволительно спросить: а достаточны ли их знания? Мы особо отмечали те случаи, когда практика нуэров не отвечает общепризнанным правилам ухода за скотом, и разбирали причины такого несоответствия. Ниже перечисляются некоторые наиболее очевидные проблемы и приводятся общие замечания о ведении нуэрами своего хозяйства.

Мешки из мошонки быка и жирафа

Колокольчик и ошейник для быка

1) Поскольку коров не возвращают в краали среди дня, маленькие телята ежедневно в течение многих часов остаются без питания. Однако Х. Б. Вильямс, директор ветеринарного управления Судана, говорил мне, что у быков нуэров репутация не хуже, чем у других быков Судана, так что, судя по всему, развитие молодых бычков отнюдь не задерживается. В дождливый сезон коров редко доят до 9—10 часов утра, а затем доят около 5 часов вечера, но в сухой сезон они иногда уходят на пастбище около 8 часов утра и не возвращаются до 5 часов 30 минут пополудни, так что в течение десяти часов телята остаются неокормленными.

Однако этого трудно избежать, так как в сухой сезон далеко, а из-за отсутствия хорошей травы скот пасется дольше, чем в период дождей. В дожди не представляет труда увести стадо на пастбище с рассветом и вернуть его домой в полдень (как поступают многие народы Восточной Африки), чтобы коровы покормили телят и пожевали жвачку. Но нуэры утверждают, что, когда животные выходят из жарких дымных крытых загонов, им нравится немного отдохнуть в краале до отправки на пастбище, и такая вялость, представляющая контраст с их жадностью к траве после ночи, проведенной на открытом воздухе в лагерях сухого сезона, по-видимому, подтверждает эти утверждения. Нуэры понимают, что жара и дым в крытых загонах вредны для скота, но, по их мнению, москиты еще хуже. Они считают, что если скот переждет, когда испарится роса, то уменьшится опасность для его пищеварения, так как в дожди земля остается холодной и сырой до позднего времени. Другая причина, почему скот долго держат в краалах, заключается в том, что, если животных выпустить рано, они скоро пресытятся травой и разбредутся во все стороны, так как во время дождей их обычно не держат в стаде.

2) Европейец сразу же замечает, что качество питьевой воды в сухой период оставляет желать много лучшего, особенно если ему самому приходится пить ее. Иногда водоемы почти пересыхают и содержат грязную, даже илистую воду, которую пьют и люди и скот. Я удивлялся, почему нуэры не уходят поскорее от таких небольших водоемов, около которых они разбивают лагерь в ранние периоды засухи, к рекам и озерам, где в итоге

они все равно собираются все вместе. Но, по-видимому, они правы, так как приходится принимать во внимание не только состояние воды, но и другие факторы: пастбища, возможность рыболовства, урожай *Balanites aegyptica*, второй урожай сорго и т. п.

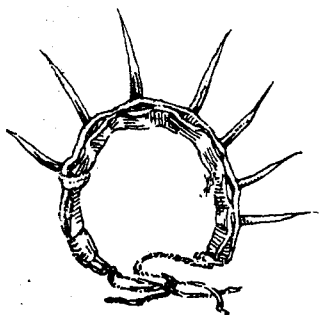
3) В противоположность некоторым восточно-африканским народам нуэры не держат много некастрированных животных. Скорее ошибка в том, что их слишком мало. Даже по моим наблюдениям, на каждого взрослого быка приходится 30—40 взрослых коров. Нуэры стараются подобрать в качестве племенных быков телков от лучших дойных коров, чтобы от них и родились хорошие дойные коровы. Они говорят, что, если не кастрировать большинство бычков, коровам не будет житься, в краалях постоянно будут происходить драки, а в загонях — смятение. Бычка кастрируют не раньше 18-месячного или двухгодичного возраста, т. е. «когда у матери будет второй теленок, а в утробе третий». Бычка опрокидывают, мошонку разрезают копьем, яички вынимают и отрезают. Крови теряется немного, и животное быстро поправляется. Бычок может быть кастрирован в любое время для жертвоприношения, но обычно нуэры предпочитают проводить эту операцию в сухой сезон, когда меньше опасности воспаления, чем в сезон дождей. Быкам не мешают драться, если только они не принадлежат к одному и тому же стаду, и в традиционных сказаниях часто упоминаются такие драки как причины расщепления и миграции линиджей. Много волов и быков забивают для жертвоприношения.

4) Телок случают только на третий год. Нуэры знают, когда корова находится в периоде течки, по ее поведению в краале: она становится беспокойной, мычит, помахивает хвостом, нюхает половые органы других коров и пытается залезть на них. Если корова была случена на пастбище (быки находятся со стадом), то первые признаки стельности — это изменения в половых органах. Если вы спросите нуэра, когда отелится корова, прошедшая случку, он ответит сразу же и точно. По словам нуэров, если корова ничем серьезно не больна, она принесет около восьми телят.

Из своего опыта я знаю, что смертность телят очень низка. Нуэры уделяют им много внимания. Когда корова должна впервые отелиться, хозяин сидит с ней всю ночь или сопровождает ее на пастбище, чтобы помочь во время отела. Корову, уже имевшую телят, оставляют в покое, чтобы она отелилась сама, но обычно при этом присутствует человек на случай, если понадобится помощь. Он должен присутствовать, если корова отелится в буже, так как теленок слишком слаб, чтобы идти за

Набитая соло-
мой голова те-
ленка

Кольцо с шипами, чтобы отучить теленка сосать мать

матерью. Она остается с ним, и в этом случае они могут оторваться от стада и стать жертвой диких зверей. Если теленок погибнет в чреве, нуэры стараются извлечь его, а когда нужно повернуть теленка в чреве, они проводят и эту операцию. Если не выходит послед или если корова не лижет теленка, нуэры применяют лекарственные средства. Когда теленок гибнет, они прибегают к различным хитростям, чтобы заставить корову давать молоко. Они набивают голову теленка соломой и втирают в нее мочу матери или, особенно в случае выкидыша, делают чучело из погибшего теленка, втыкают палки вместо ног, ставят его перед матерью и тычут головой в вымя, которое они потихоньку сжимают, а мальчишка в это время дует в половые органы.

Нуэры говорят, что если корова сдохнет, когда теленку всего один-два дня, то погибнет и теленок, но достаточно дать теленку *чак тин бор* («белое молоко»), идущее за молозивом, и он может выжить. Теленка поят из маленькой тыквы с горлышком в виде воронки и одновременно стараются заставить другую дойную корову кормить и этого теленка. Поскольку нуэры считают (по-видимому, ошибочно), что теленку вредно пить обесцвеченное молоко, идущее за молозивом, они его сцеживают, прежде чем теленок начнет сосать, но, если случайно теленок все же всосет его, применяется слабительное. Еще опаснее, как считают нуэры, если в молоке появятся признаки крови.

Первые три-четыре дня теленок высасывает все молоко матери, кроме того, что сцеживают в самом начале. Затем собирают живущих поблизости родственников попробовать кашу, которую заливают первым молоком, предназначенным для питания людей. При этой церемонии отрезают кончики волос с хвоста теленка, и хозяин обмахивает ими спину коровы, ибо, если этого не сделать, теленок заболит, так как ему не нравится, что люди воруют принадлежащее ему молоко. Однако после этого они все же могут сказать: «Мы еще не делимся молоком с теленком», так как в первые две недели они берут очень немного молока, чтобы теленок окреп, а его зубы затвердели. Когда теленок окрепнет, они берут больше молока и уже могут сказать, что теленок «делится» (*бут*) молоком с людьми. Теленок продолжает сосать молоко, пока его мать снова не станет стельной и не прогонит его. Как правило, не применяют никакие приспособления, чтобы отнять теленка от вымени, но если мать продолжает кормить его, будучи стельной, и ее трудно отделить от теленка на пастбище, то на морду теленка надевают кольцо с шипами, которое позволяет ему пастись, но

мешает сосать, так как шипы колют вымя и корова отпихивает теленка. Из этого видно, что нуэры решают скотоводческую проблему обеспечения молоком хозяев скота так, чтобы не лишить телят ценного питания.

После того как взрослое стадо уходит на пастбище, маленькие телята остаются до вечера в загонах деревень в дождливый сезон или привязываются к колышкам в тени деревьев в лагерях в сухой сезон. К вечеру им дают воду, и мальчики приносят траву, особенно траву *пун* (*oryza barthii*), от которой скот быстро тучнеет. Примерно на третий месяц они (под надзором подпасков) отправляются на пастбище вместе с уже подростшими телятами, и их держат в изоляции от матерей, отгоняя в сторону от взрослого стада. Они пасутся вместе со всем стадом по достижении примерно годовалого возраста, когда их матери уже опять становятся стельными.

У нас будет возможность еще раз поговорить о том внимании, которое нуэры оказывают скоту, и об их разумных методах ухода за ним. В этом разделе я привел лишь несколько примеров, иллюстрирующих общие выводы, которые я сделал в процессе моих исследований: что способы ухода за скотом у нуэров в нынешних экологических условиях нельзя существенно улучшить; что вследствие этого никакие дополнительные знания, помимо тех, которыми они обладают, не помогут им; что (как будет показано дальше), если бы не их постоянная бдительность и забота, скот не выжил бы в этих тяжелейших условиях окружающей среды.

7. Мы говорили, что нуэров можно назвать иждивенцами коров, но с тем же основанием можно сказать, что корова является иждивенкой нуэров, которые всю свою жизнь посвящают заботе о ее благополучии. Они строят крытые загоны, жгут костры и чистят краали для ее удобства; передвигаются из деревень в лагеря, из лагеря в лагерь и из лагеря обратно в деревни ради ее здоровья; борются с дикими зверями, защищая ее; делают для нее украшения. Корова живет спокойно, лениво и праздно благодаря преданности нуэров. Скот и люди выживают в результате взаимной поддержки. В таких отношениях рождается единая, крайне замкнутая общность. В нескольких абзацах я хочу привлечь внимание читателя к этой тесной близости.

Мужчины просыпаются в лагере на заре среди своих коров и с удовольствием наблюдают за ними, пока не кончится доение. Затем они или гонят их на пастбище, наблюдая целый день за тем, как они пасутся, подгоняя их к водою, сочиняя о них песни и направляя обратно к лагерю, или же остаются в краале, пьют молоко, делают поводки и украшения для коров, поят телят, ухаживают за ними, чистят крааль и сушат навоз на топливо. Нуэры моют руки и лицо коровьей мочой, особен-

но когда коровы мочатся во время доения, пьют их молоко и кровь, спят на их шкурах рядом с их теплым навозом. Они покрывают свое тело, мажут волосы и чистят зубы золой от сгоревшего коровьего навоза, едят ложками, вырезанными из рогов коров. Когда вечером возвращается скот, они привязывают каждое животное к колышкам веревками, свитыми из шкур павших быков и коров, и сидят у ветровых заслонов, любуясь, как доят коров. Человек знает каждое животное своего стада и стад соседей и родичей: их масть, форму рогов, особые приметы, число сосцов, сколько они дают молока, их родословную, предков и потомков. Мисс Суль рассказывала мне, что нуэры знают все отличительные черты матери и бабушки каждой коровы, а некоторые знают приметы их предков за пять предыдущих поколений. Нуэру известны привычки всех его быков: как один из них мычит по вечерам, как другой возглавляет стадо при возвращении в лагерь, а третий машет головой сильнее других быков. Он знает, какие коровы беспокойны при доении, какие плохо обращаются со своими телятами или любят пить на пути к пастбищу и т. д.

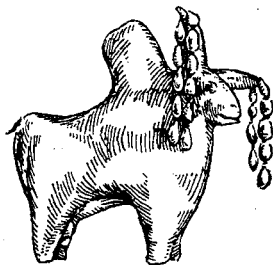
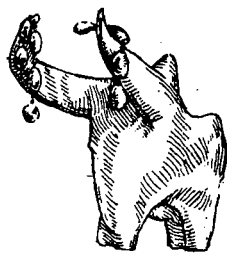
Если это юноша, он поручает по утрам мальчику водить своего любимого быка (по которому он получил имя) вокруг лагеря, ходит за ним, пританцовывая и распевая песни; а по ночам он часто бродит среди животных, звонит в колокольчик и поет хвалу родичам, возлюбленным и своим быкам. Когда бык вечером возвращается домой, он гладит его, втирает в спину золу, удаляет клещей с живота и мошонки, очищает задний проход от прилипшего навоза. Он привязывает его перед своим ветровым заслоном, чтобы видеть, как он просыпается, ибо никакое иное зрелище так не наполняет нуэра гордостью. Он счастлив, когда может похвалиться быком, украшает его рога длинными кисточками, любуясь, как бык трясет ими при возвращении в лагерь, а шею — колокольчиками, которые звенят на пастбище. Даже бычков владеющие ими мальчики украшают деревянными бусами и бубенчиками. Рога молодых быков, предназначенных для последующей кастрации, подрезают так, чтобы они принимали желательную их владельцам форму. Эту операцию, именуемую *ngat*, по-видимому, производят в конце первого года и обычно в сухой сезон, так как считается, что животное погибнет, если обрезать рога в сезон дождей. Животное валят и держат, делая на рогах косой надрез острием копья. Рога растут в направлении, противоположном надрезу. Судя по всему, операция очень болезненна, и я слышал, как нуэры сравнивали ее с болью при операции мальчиков во время инициации.

Если в разговоре нуэр упоминает своего быка, исчезает его обычная замкнутость, он говорит с энтузиазмом, поднимает руки, чтобы показать, какие рога у быка. «У меня прекрасный бык,— говорит он,— полосатый, с белым пятном на спине, а один рог спускается до самой морды», и он поднимает руки,

одну над головой, другую, согнув в локте, к лицу. Во время пения и танцев он выкрикивает имена своих быков и жеста-ми показывает, какие у них рога.

Отношение к скоту меняется в связи с различными ситуациями и изменениями в жизни коллектива. Как только младенцы начинают ползать, их начинают воспитывать в непосредственной близости к стаду. Место их игр — крааль, и обычно они с ног до головы измазаны навозом, в котором барахтаются. Телята, овцы и козы — их товарищи по играм, они возятся с ними и валяются среди них. Вероятно, их отношение к животным определяется тягой к пище, так как коровы, овцы и козы непосредственно удовлетворяют их голод, и они часто сосут их молоко. Как только младенец начинает пить молоко животного, мать несет его к козам и овцам и учит сосать парное молоко прямо из вымени.

Игры детей постарше — мальчиков и девочек — целиком связаны со скотом. В лагерях они строят загоны из песка, в деревьях — из мокрой золы или глины, населяют игрушечные краали глиняными фигурками коров и быков, которым они устраивают «пастбища» или «свадьбы». С раннего детства их приучают ухаживать за скотом. Совсем маленькие дети держат коз и овец, пока матери доят их, а когда матери доят коров, они приносят тыквы, отгоняют телят от вымени и привязывают их перед коровами. Они собирают мочу в тыквы и моются ею. Когда дети немного подрастут и окрепнут, им поручают чистить загоны и краали, помогать при доении и пасти молодых телят, ягнят и козлят. На смену игровым контактам со скотом приходят трудовые контакты. В этом возрасте начинает различаться и отношение обоих полов к скоту, причем по мере взросления ребенка это различие усугубляется. Девочки и женщины трудятся в краалях и загонах и больше всего заняты коровами, тогда как мальчики пасут телят, помогают в краалях, после инициации пасут взрослый скот, а в краалях ухаживают главным образом за быками. Женщины — доярки, мужчины — пастухи. Более того, для девочки коровы прежде всего поставщики молока и сыра, таковыми они остаются и после того, как девочка подрастет и выйдет замуж и будет доить и пахать молоко для родственников мужа. Для мальчика же коровы — это часть семейного стада, частичным владельцем которого он является. Коров прибавилось в стаде, когда вышли замуж его родственницы, а придет день, он женится, и коровы уйдут с

Глиняные фигурки быков, украшенные кисточками

ним. Девушка со свадьбой теряет связь со стадом, а юноша остается его хозяином. Когда мальчик превратится в юношу и пройдет посвящение в мужчины, скот приобретет для него более важное значение, чем просто источник питания и объект приложения труда. Скот поднимает его престиж и позволяет ему жениться. Только когда мужчина женится, обзаведется детьми и своим домохозяйством и стадом, когда он станет пожилым и влиятельным человеком в обществе, он сможет часто приносить животных в жертву, придавать им сакральное значение и использовать в ритуалах.

Нуэр и его стадо образуют единое целое, которому служит жизнь и того и другого, а для их отношений характерен тесный физический контакт. Скот покорно и с готовностью откликается на человеческую заботу. Нет высоких культурных барьеров, которые отделяли бы людей от животных в их общем доме, и быт нагих нуэров, живущих среди животных, с их тесными контактами со скотом представляет собой классический образец первобытной жизни. Я предлагаю читателю взглянуть на иллюстрации к книге, которые лучше моих слов дадут ему представление о примитивной жизни в краале.

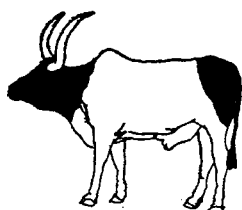
Нуэры не только поглощены заботой о скоте, который для них представляет огромную экономическую и социальную ценность, но и вообще связаны с ним самым тесным образом. Помимо того, что скот очень полезен, он сам по себе является элементом культуры нуэров, а обладание скотом и близость к нему наполняют радостью сердца людей. Со скотом связаны их повседневные интересы и надежды на будущее. Он определяет всю деятельность нуэров и полностью владеет их вниманием. Мы уже отмечали, что благодаря общественному и экономическому значению скота нуэры полностью и подчеркнуто поглощены заботой о нем. Скот удовлетворяет такое множество физических, психологических и общественных потребностей, что внимание нуэров не рассеивается на другие объекты, а целиком сосредоточено на скоте; в их мышлении животные в какой-то мере даже отождествляются с самими людьми. Сейчас мы рассмотрим некоторый лингвистический материал, который еще больше подтверждает этот гипертрофированный интерес к одному-единственному объекту и то отождествление людей со скотом, о котором я упоминал.

8. По обилию лингвистического материала в какой-либо одной сфере жизни можно судить о направленности интересов народа. Именно по этой причине (а не из-за самой лингвистической ценности такого материала) мы обращаем внимание читателя на богатство и разнообразие нуэрского лексикона, связанного со скотом. Как и все пастушеские нилотские народы, нуэры пользуются огромным количеством слов и фраз, относящихся к скоту, доению и пастбищам, и из этого множества

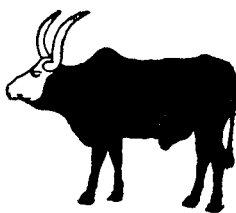
мы выбрали для комментариев только одну категорию: слова, которыми они описывают скот, особенно его масть, расцветку⁶. Эти слова не просто языковые средства, позволяющие нуэрам говорить с особой точностью и в деталях о скоте в контексте практического скотоводства и определенных социальных ситуаций, так как они устанавливают ассоциацию, с одной стороны, между дикими существами и скотом, и с другой — между скотом и его хозяевами; они создают определенные ритуальные категории и обогащают язык поэтическим началом.

Чтобы описать корову нуэра, надо отметить ее окрас и указать, как различные цветные пятна расположены на туловище. Если корова не одноцветная, то о ней говорят, ссылаясь на расположение этих пятен. Есть десять главных мастей: белая (*бор*), черная (*чар*), коричневая (*луал*), каштановая (*дол*), темно-желтая (*ян*), мышино-серая (*лу*), гнедая (*тианг*), песочно-серая (*лит*), стальная и землянично-чалая (*йил*) и шоколадная (*звир*). Если корова одноцветная, то ее именуют по одной из этих мастей. У животного может быть комбинация двух или больше мастей, но комбинация более двух цветов, известная как *чуани*, очень редка. Обычно встречается сочетание белого цвета с каким-либо другим, и существует двенадцать таких комбинаций, изображенных на рис. 8 и 9. В целом существует по крайней мере двадцать семь других комбинаций, причем чаще всего встречаются полосатые или пятнистые шкуры (*ньянг*).

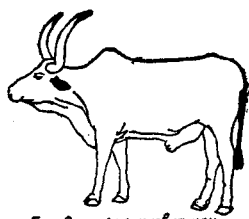
При описании животного часто отмечают как форму цветных пятен, так и цвет, находящийся в сочетании с белым. Так, бык может быть целиком мышино-серый (*лу*) или же в основном мышино-серым с белой мордой (*кве лука*), белой спиной (*кар лука*), белым пятном на туловище (*бил лука*), белой лопаткой (*рол лука*) или белым брюхом (*рэнг лука*); он может быть пятнистым мышино-серого цвета (*ньянг лука*); белым с большими мышино-серыми пятнами (*риал лука*), со среднего размера мышино-серыми пятнами (*квач лука*), с мышино-серым крестцом (*джок лука*) и т. п. Существует по меньшей мере двенадцать терминов, означающих различные комбинации белого и мышино-серого цветов, и такое же число терминов для комбинаций белого и других цветов. Широкий диапазон комбинаций цветов виден и из такого примера: белая лопатка и белая передняя нога (*рол*) могут быть у коровы любой масти, т. е.: *рол чара*, *рол ян*, *рол тьянг*, *рол йил* и т. д. Могут также существовать комбинации одного вида распределения цветов с другим, и в этом случае две комбинации обозначаются одним термином и нет необходимости называть сочетающиеся в них цвета, например: белая лопатка и белая передняя нога (*рол*) могут сочетаться с белой мордой (*кве рол*), черными пятнами (*рол квач*), крапинками (*рол чуор*), коричневыми пятнами (*рол паара*), белой сипной (*кар рол*), белой мордой и черными ушами (*кур рол*) и т. д. Есть по меньшей мере два-

*Джак (коричневая или рыжеватая)
Джак (другие масти)*

Кве (все масти)

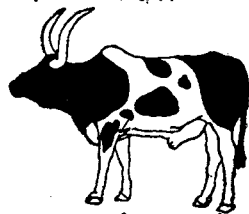
*Гитиджак (коричневая или
рыжеватая) Кур (другие масти)*

*Кур (коричневая или рыжеватая)
Бил (другие масти)*

Рол (все масти)

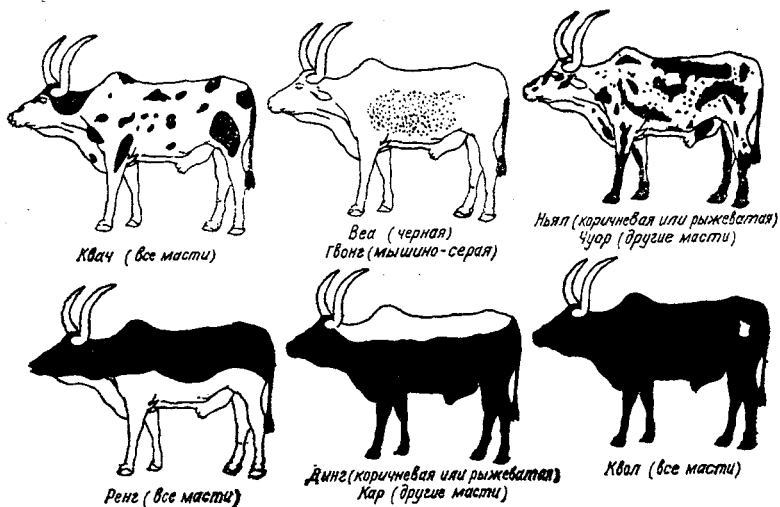
*Пар (коричневая или рыжеватая);
Рыал (другие масти)*

Сочетания мастей животных

дцать пять терминов, включающих комбинации с *рол*, как и комбинации всех цветов друг с другом. Из приведенных примеров видно, что в целом имеется несколько сот цветовых комбинаций.

Некоторые цвета и комбинации цветов ассоциируются с животными, птицами, рептилиями и рыбами, и эта ассоциация часто имеет связь с определенными ритуалами и обозначается особыми вторичными терминами, например: *лу* (мышино-серый) — это дрофа, *ньянг* (полосатый) — крокодил, *лит* (песочно-серый) — серая пустельга, *тианг* (гнедой) — антилопа *Damaliscus korrigum tiang*, *двай* (коричневый с белыми полосами) — самка антилопы *Strepticerus spekel*, *кве* (белая морда) — скопа, *квач* (пятнистый) — леопард, *чуор* (в крапинку) — стервятник, *гвонг* (пятнистый) — цесарка, *ньял* (с коричневыми пятнами) — питон и т. д. Прочие цветовые ассоциации ведут к множеству причудливых вариантов. Так, черного быка могут называть *руал мим* (горящий уголь) или *вон чар* (черная туча); коричневого быка — *рием дол* (красная кровь) или *рир дол* (красная древесная кобра); чало-стального быка — *бани йел* (синяя цапля); мышино-серого — *дук лу* (тенистый мрак леса) и т. п. Эти причудливые названия расширяют нуэрскую терминологию, связанную со скотом.

Животных можно также описывать по форме рогов; и, поскольку рога быков искусственно формируют, есть по крайней мере шесть общих терминов и несколько шуточных названий. Слова, определяющие форму рогов, значительно пополняют лексикон, так как их можно комбинировать со множеством терминов, касающихся масти и видов окраса. Так, мышино-се-

Сочетания мастей животных

рая корова с рогами, которые почти сходятся в виде дуги над головой, называется *дуот лаэт*; с коротким рогом и пятнами *риал* именуется *чот риал*; пятнистый бык, один рог которого изгибается так, что лежит на морде, — *гут ньянг* и т. п. Уши коров, овец и коз часто имеют различной формы надрезы, и можно (а в отношении овец и коз это, как правило, и делается) описывать их по таким надрезам. Комбинации окраса овец и коз сильно отличаются от окраса коров и быков, но к ним можно применять те же термины.

Разнообразию терминов способствуют и префиксы, которые указывают на пол или возраст животного, например: *тут* — бык, *янг* — корова, *так* — вол, *нач* — нетель, *руат* — телок, *доу* — телка, *кол* — теленок, который еще не начал пастись, и т. п. Так что можно сказать: *тут ма кар лука*, *доу ма риал*, *так ма чуани* и т. д. Таким образом, если подсчитать все возможные термины, относящиеся к животным из стада нуэра, то, вероятно, их число составит несколько тысяч — внушительная и сложная система, которая лишней раз подтверждает социальную ценность скота.

Более того, как мы уже упоминали, каждый человек берет в качестве одного из своих имен термин, которым он описывает какого-либо из своих быков, и ровесники предпочитают называть друг друга именно этими бычьими именами. Юноша обычно берет свое первое бычье имя от животного, которого отец дарит ему во время инициации, но позднее он может принять и другие имена по полюбившимся ему быкам из своего стада. Мужчины приветствуют друг друга и восхваляют этими именами, прибавляя шутливые эпитеты компаньонов по танцам.

Они распевают их, похваляясь своими быками в лагере, включают в стихи и выкрикивают, когда наносят копьем удар человеку, зверю или рыбе.

Мужчину можно назвать просто по имени его быка, например: *Би/л/риал*, *Квач/ч/уор*, *Верквач* и т. п., но обычно часть этого имени опускают, а перед другой его частью вставляют термин, не входящий в собственное имя быка и обозначающий, как правило, украшение, которое носит бык, или особые черты этого украшения, например: *лут* — большой бубенец, *гиер* — маленький бубенчик, *луе* — длинная кисточка, *дхуор* — короткая кисточка, *вак* — звон бычьего бубенца, *ланг* — медное кольцо, прикрепленное к ошейнику или поводу быка, *рот* — мычание быка, *чваи* — тучность, *бои* — сверкающая белизна и т. д. Так, мужчину, распределение окраса у быка которого именуется *риал*, могут называть Лутриал, Гиерриал, Дхуорриал, Боириал и т. д. Если во время танцев ровесники пользуются бычьими именами, к ним впереди прибавляют созвучные им специальные танцевальные имена, причем особое внимание обращается на благозвучие таких комбинаций. Имена быков многочисленны и часто малопонятны, поэтому, говоря о них (как и о расцветке животных), я выбрал лишь несколько наиболее простых образцов из собранного мною множества имен, отбросив те, смысл которых трудно объяснить.

Имена животных, особенно быков, и бычьи имена людей часто звучат в песнях. Нуэры, как и большинство пастушеских народов, увлекаются поэзией, и многие мужчины и женщины сочиняют песни, которые поют во время танцев и концертов, или же сочиняют их просто для своего удовольствия и распевают в одиночестве на пастбище и среди скота в краалях. Юноши, где бы они ни находились, будучи в хорошем настроении, начинают петь, расхваливая своих родичей, возлюбленных и животных. Я приведу свободный перевод первых куплетов двух песен. Одну из них поют девушки, собирающиеся вместе по вечерам после дневной работы, а другую поет ее автор, когда у него легко на душе.

I

Ветер дует виравира ⁷.

Куда он дует?

Он дует к реке.

Коротконогая несет полное вымя на пастбище ⁸;

Пусть ее подоит Ньягаак.

Мой живот будет полон молока.

Ты гордость Ньявал,

Вечно ссорящийся Ролньанг ⁹.

Наша страна полна чужеземцев;

Они бросают наши украшения в реку;

Они достают воду с берега ¹⁰.

Черноволосая, сестра моя,

Я сбит с толку.

Мы в недоумении,

Мы глядим на звезды Бога ¹¹.

II

Белый бык, как добра моя мать,
И мы — родные моей сестры,
Люди Ньяриау Була.
Когда я, как чернозадый белый бык,
Иду ухаживать за прекрасной девушкой,
Мне не отказывают девушки.
Мы ухаживаем за девушками во тьме ночной,
Я и Кведжок
Ньядеанг¹².
Мы перевели быка через реку,
Я и Кирджасак,
И сын сестры моей матери
Бут Гутджаак.
Друг мой, великий бык с растопыренными рогами,
Что ревет в стаде,
Бык — сын Була
Малоа¹³.

Нет более надобности приводить образцы терминов, связанных со скотом, и их употребления, чтобы показать, что мы имеем дело со множеством слов, из которых можно составить целую энциклопедию. Я должен лишь подчеркнуть, что этот сложный и обширный лексикон не является чисто профессиональным, им пользуются все, причем в самых разнообразных жизненных ситуациях. Я коснулся лишь ничтожной доли того лингвистического богатства, которое связано со скотом. Я мог бы привести множество деталей, но сделал чисто любительский обзор той сферы, которая требует более широкого и специализированного исследования.

9. Одержимость скотом у нуэров видна также и из того (это будет наш последний пример), как охотно и часто они ведут борьбу за него, рискуя жизнью ради того, что более всего ценят. Войны нуэров с динка носили почти целиком агрессивный характер с целью захвата стад и пастбищ. Скот служил главным предметом раздоров и среди самих нуэров: после успешных набегов на стада динка часто происходили столкновения из-за трофеев. Более того, племена нуэров нападали друг на друга, чтобы захватить скот. Так, племя лик совершает налеты на джикани, ренгьян и другие западные племена; набеги из-за скота постоянно имеют место на пограничных территориях племен, так как считается похвальным «украсть» (*квал*) скот у другого племени. Внутри племени тоже часто происходят столкновения в результате споров из-за скота между отделами племени, между членами одного и того же отдела, одной и той же деревни или домохозяйства. Нуэры вступают в бой при малейшем вызове и с готовностью дерутся в тех случаях, когда речь идет о праве на корову. В таких случаях сражаются даже самые близкие родственники и рушатся семьи. Когда спор идет о праве на скотовладение, нуэры забывают

об осторожности и правилах поведения, ничего не боясь, презирают опасность и прибегают к хитрости и вероломству. Как сказал однажды мой слуга-нуэр: «Нуэру можно доверить любые деньги, ты можешь уехать на несколько лет, и он не украдет ни гроша. Но единственная корова — это иное дело».

Нуэры говорят, что именно скот губит людей, так как «больше людей погибло из-за коровы, чем из-за чего-либо другого». У них есть рассказ о том, как однажды животные разошлись в разные стороны, стали жить независимо, и тогда Человек убил мать Коровы и Буйволицы. Буйволица сказала, что она будет нападать на людей в буше и отомстит за мать. Но Корова сказала, что она останется жить с людьми и отомстит за мать иначе — вызывая бесконечные конфликты из-за долгов, выкупа за невесту, что приведет к столкновениям и гибели людей. Таким образом, борьба между Коровой и Человеком идет с незапамятных времен, и день за днем Корова мстит за гибель матери гибелью людей. Поэтому нуэры говорят о скоте: «Он погибнет вместе с человечеством», т. е. все люди умрут из-за скота и прекратят существование вместе со скотом.

Однако нельзя считать, что нуэры живут в состоянии вечной смуты: то обстоятельство, что они готовы сопротивляться любому посягательству на их права на скот, ведет к осторожности в отношениях между людьми, считающими себя членами одной и той же группы. Кроме того, можно сказать, что уязвимость скота на обширных пространствах, необходимых для его существования, требует безоговорочного признания установленных правил урегулирования споров, иными словами, наличия племенной организации, охватывающей большую территорию, и какого-то чувства общности на еще более широкой территории.

Столкновения из-за права на скот и захват скота за долги и в компенсацию за принесенный ущерб несколько отличаются от набегов с целью захвата того скота, на который у налетчиков нет никаких прав, когда они пользуются лишь правом сильного. Война против других народов в отличие от войны в пределах племени ведется только ради грабежа. Поэтому войны нуэров против динка отличаются тем, что их главная цель — приобретение имущества, так как скот представляет собой такую форму богатства, которая не только долговечна, но и воспроизводит сама себя, причем ее можно легко захватить и перегнать в другое место. Кроме того, налетчики могут жить за счет ресурсов страны, не создавая запасов. Урожай и жилища могут быть уничтожены, но скот легко захватить и угнать домой. Именно поэтому пастушеские народы предпочитают искусство войны, а не искусство мира, и нуэры не зависят полностью от своего собственного скота, а имеют возможность увеличивать численность стад и восстанавливать убытки от чумы. Именно это они и делали на протяжении долгого времени, пополняя свое поголовье, а значит, и запасы продоволь-

ствия с помощью набегов. Все это влияло на становление их характера, экономики и политической структуры. Военная сноровка и смелость считаются высшей добродетелью, набеги — благородным и самым выгодным занятием, а определенная доля политического согласия и единства — необходимостью.

Мы должны сразу же сказать, что было бы упрощением объяснять войны между нуэрами и динка только стремлением захватить скот и пастбища. Враждебность, выражаемая в категориях скотоводства, и стремление овладеть скотом объясняют некоторые характерные черты этих войн и участвовавших в них политических организаций, но сама борьба в целом представляет собой определенный структурный процесс, о котором мы будем говорить позже.

Сейчас мы переходим к краткому обзору той экологической системы, часть которой составляют нуэры и их скот, чтобы понять, в каких условиях люди занимаются здесь скотоводством и в какой мере это занятие в данной окружающей среде влияет на политическую структуру.

Глава II

ЭКОЛОГИЯ

1. С точки зрения европейца, страна нуэров не обладает сколько-нибудь благоприятными условиями, если, конечно, не считать за такое условие ее суровость, ибо у бесконечных болот и обширных равнинных саванн есть свое однообразное и строгое очарование. Этот край всегда жесток и к людям, и к животным, потому что большую часть года он или выжжен, или покрыт топями. Но нуэры считают, что живут в самой прекрасной стране мира, и, надо признать, для скотоводов в ней много преимуществ. Я так и не смог убедить нуэров, что есть другие страны, более удобные для скотоводства, чем их край. Окончательно мои попытки потерпели неудачу, когда нескольких нуэров свозили в Хартум (который они считают родиной всех белых людей), и они, увидев здесь чахлые кустики пустыни, утвердились во мнении, что их край намного лучше нашего.

Наличие трав, необходимых для благополучия скота, зависит от подходящих почвенных и водных условий. Почва в крае нуэров — это тяжелые глины, которые покрыты трещинами от солнечного зноя в засуху и пропитаны влагой в дожди. Глины задерживают воду, что позволяет некоторым видам трав пережить засушливые месяцы и обеспечить пастбища для скота. Однако нуэры и их скот не смогли бы выжить, если бы не было более возвышенных песчаных участков, где они могут спастись во время разливов рек и заниматься огородничеством.

Поверхностные воды появляются частично в результате дождей, а частично от разливов рек, которые пересекают страну нуэров, и их более чем достаточно для произрастания трав. В обычный год дожди начинаются в апреле, когда проносятся несколько ливней и небо покрывается тучами, но только к концу мая дожди бывают в разгаре. При максимуме дождей в июле и августе становится прохладно, а по утрам и вечерам даже холодно. Солнце большей частью закрыто облаками, и преобладает юго-западный ветер. Дожди ослабевают и идут реже в октябре и обычно совсем прекращаются к середине ноября, когда начинает дуть северный ветер. Он непрерывно дует вниз по долине Нила до марта. В марте и апреле жара невыносима. Осадки выпадают довольно равномерно по всему краю нуэров, дожди не так сильны, как дальше к востоку на Эфиопском нагорье или к югу в бассейне оз. Виктория и на

водоразделе Нила и Конго, но последствия дождей здесь более ощутимы, так как глинистый слой удерживает воду, плоский рельеф мешает стоку воды с поверхности, а ежегодные разливы рек происходят одновременно (схема 2).

К главным рекам, оказывающим такое большое влияние на жизнь нуэров, относится сам Нил, известный в этом регионе под названием Бахр-эль-Джебелъ и берущий свои воды с плато Великих озер; его западные притоки Бахр-эль-Газаль и Бахр-эль-Араб, которые питают реки, текущие с водораздела Нила и Конго;

р. Баро, известная в нижнем течении под названием Собат и текущая с Эфиопского нагорья; р. Пибор, текущая в том же направлении и собирающая воды (в меньших масштабах) с плато Великих озер и с суданских равнин. Эз-Зераф — еще одно ответвление Бахр-эль-Джебеля¹⁴. Все эти реки разливаются в сезон дождей, и благодаря плоскому рельефу весь край превращается в огромную трясиину.

Вся страна нуэров — это почти абсолютно плоская равнина, покрытая во время дождей высокими травами, которые достигают до пояса, а около рек, где трава выше и жестче, доходят и до плеча высокорослого нуэра. Страна нуэров занимает окраины типичной суданской саванны. Там и здесь видны островки зарослей колочих кустарников, но чаще нигде не видно ни деревьев, и безлюдная степь тянется до горизонта. Иногда вдоль высоких берегов реки проходит лесной пояс, но он никогда не отделяется от нее. К северу от р. Собат травянистая саванна уступает место кустарниковой, а за самой южной оконечностью восточной части страны нуэров начинается похожий на парк саванный лес, который становится гуще к югу, с приближением к Бахр-эль-Джебелю переходя в болота. Южные границы западной части страны нуэров окаймляют железорудный район, тоже покрытый парковой саванной. Как правило, когда реки разливаются, у них нет берегов, и земли по обе стороны русла превращаются в болота, изрезанные широкими лагунами, часто идущими параллельно главному руслу. Это особенно характерно для Бахр-эль-Джебеля и основной части Бахр-эль-Газалья и Бахр-эль-Араба, так что Джебелъ и Газаль в сезон дождей практически соединены поверхностными водами. Эз-

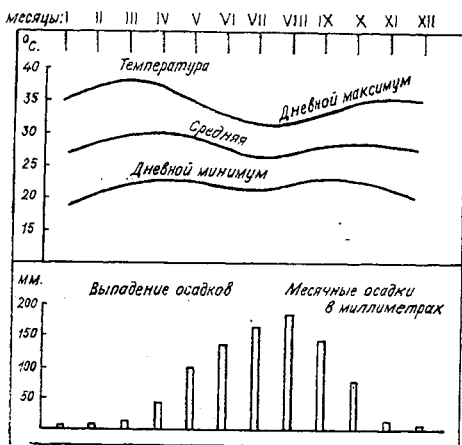

Схема 2. Температура и выпадение осадков в стране нуэров

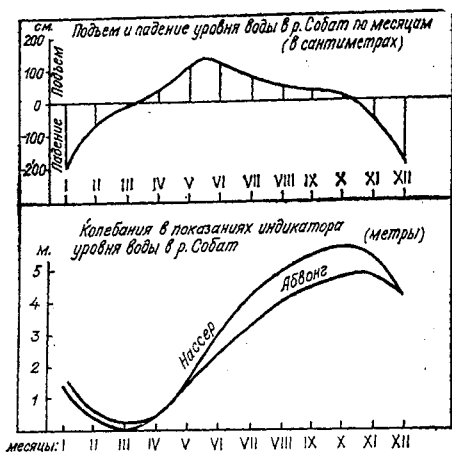

Схема 3. Подъем и падение уровня воды в р. Собат

Зераф в меньшей мере смыкается с болотами, а Собат в нижнем течении вообще не имеет с ними соприкосновения.

Эта обширная равнина повсюду покрыта котловинами, которые тянутся в разных направлениях, а иногда перекрещиваются и соединяются с главными реками. Связанные воедино цепи котловин напоминают небольшие реки, хотя вода в них редко бывает проточной. Когда по всему краю идут дожди, воды главных рек заливают эти котловины, создавая целую сеть водо-

дотоков, мешающих дренажу перенасыщенной влагой земли, и тогда дождевая вода повсюду скапливается в глубоких водоемах, которые постепенно расплзаются, пока, наконец, к середине июля весь край, за исключением некоторых высоток, не оказывается затопленным. До сентября земля остается под слоем воды в несколько дюймов толщиной, и страна нуэров напоминает огромное покрытое травой болото. Повсюду потоки, лагуны, озера; там, где есть гряды и холмы, ютятся деревни. Когда дожди становятся реже, начинает падать уровень воды в реках, особенно быстро в р. Собат (схема 3). Тогда жаркое солнце быстро испаряет поверхностную воду, а протоки, которые до этого служили каналами, по которым из рек вытекали излишки воды, теперь питают реки, и к середине ноября трава настолько высыхает, что ее можно выжигать. К концу декабря большая часть края выжжена, и земля покрывается глубокими трещинами. Таким образом, влажный и сухой сезоны ярко выражены, и переход от одного к другому происходит внезапно.

Скудные дожди, пожалуй, опаснее, чем низкий уровень воды в реках, но и то и другое может привести к голоду у нуэров, так как глинистый слой может не удержать количество воды, достаточное, чтобы травы вновь поднялись после выжигания. Протоки между реками могут быстро высохнуть, и придется передвигаться к озерам и рекам раньше, чем это желательно. Может сказаться нехватка болотных пастбищ, которые обычно и спасают скот в конце сухого сезона. Недостаток дождей может также погубить посевы сорго. Более того, может случиться, что недостаточное выпадение осадков по всей Северо-Восточной Африке одновременно приведет и к скудным дождям, и к

обмелению рек в стране нуэров. Западная ее часть меньше подвержена засухе, чем восточная, и к западу от Нила всегда есть вода, доступная для жителей деревень. Это объясняется главным образом тем, что воды Бахр-эль-Джебеля и Бахр-эль-Газалья не спадают слишком низко, так как они всегда получают воду от невысыхающих речек и из находящихся поблизости болотных и озерных резервуаров. Сильные дожди и половодье также, вероятно, случаются одновременно, и в такие годы наводнений скоту трудно найти пастбище и выжить.

Главные отличительные черты страны нуэров следующие: 1) это край абсолютно плоский; 2) почвы его глинисты; 3) он лишь местами покрыт лесом, причем очень редким; 4) в дожди он покрыт высокими травами; 5) здесь проходят сильные дожди; 6) его пересекают большие реки, разливающиеся ежегодно; 7) когда прекращаются дожди и падает уровень рек, край подвергается страшной засухе.

Эти характерные черты, взаимодействуя друг с другом, создают окружающую среду, которая непосредственно определяет жизненные условия нуэров и влияет на их социальную культуру. Влияние окружающей среды так разнообразно и сложно, что мы на этом этапе не будем пытаться суммировать все его значение, но зададимся лишь весьма простым вопросом: в какой степени жизнь нуэров как скотоводов, рыболовов и земледельцев определяется окружающей средой? Мы уже показали, что их главный интерес обращен на стада, и сначала поговорим о том, как этот интерес в сочетании с физическими условиями требует определенного образа жизни.

Здесь мы сделаем лишь два замечания более общего характера: 1) хотя у нуэров и смешанная скотоводческо-земледельческая экономика, их край больше подходит для скотоводства, чем для земледелия; специфика окружающей среды соответствует направленности их интересов, и это не способствует изменению нынешнего равновесия в пользу земледелия. Если бы не чума рогатого скота (появившаяся недавно), они могли бы жить чисто пастушеской жизнью, но, как мы увидим позже, чисто земледельческая жизнь была бы крайне опасной; 2) нуэры не могут, если не считать нескольких особо благоприятных для жизни районов, жить на одном месте весь год. Разливы заставляют их и их стада спасаться на более возвышенных участках. Отсутствие воды и пастбищ на этих высоких участках вынуждает их уходить во время засухи. Поэтому жизнь нуэров по необходимости носит миграционный характер, и они вынуждены заниматься отгонным скотоводством. Другая причина, заставляющая их сезонно менять место обитания, заключается в том, что в нынешние времена они не могут существовать, пользуясь только продуктами скотоводства. К молоку и мясу необходимо добавлять зерно и рыбу. Самое подходящее место для возделывания сорго — это внутренние районы, на краю слегка возвышенной местности; рыба же находится в ре-

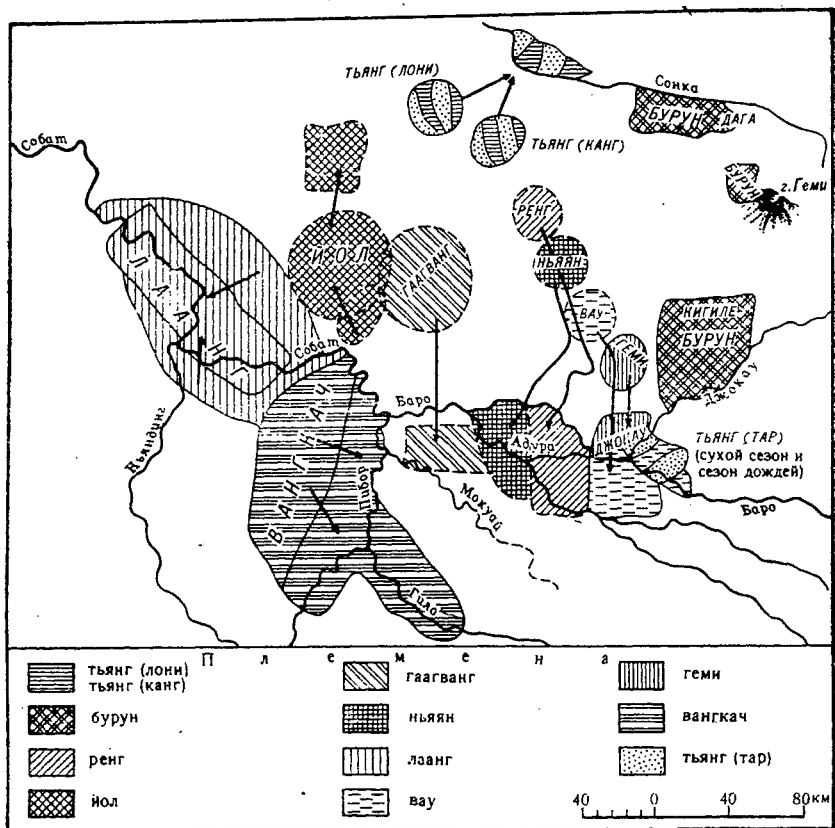

ным явлением, чем сейчас, так как тогда у них не было свободного доступа к открытой воде, которой пользуется сейчас большинство их групп. Колодцы, которые им приходится рыть заново каждый год, достигают 2—3 футов в диаметре и 20—30 футов в глубину, а рытье требует двух-трех дней тяжелого труда. Слой воды достигает глубины примерно в один фут; вода чистая и свежая; колодцы постоянно очищают, для чего в их стенах пробивают ступени. Каждое домохозяйство имеет свой колодец, окруженный мелкими глиняными желобами, из которых три раза в день поят скот. Доставать воду из колодца — работа трудоемкая, и принимаются все меры, чтобы воду не загрязнили овцы и козы, для которых существуют особые желоба. Иногда из-за этих желобов происходят столкновения.

Проблема воды тесно связана с проблемой растительности. Во время своих сезонных передвижений нуэры ищут и пастбища и воду, и они гонят скот туда, где, как им известно, есть и то и другое. Когда пастухи гонят стада из лагеря к пастбищным землям, они ведут их не наугад через равнину, а направляют именно к тем участкам, где есть сочные травы. Вероятно также, что не только ежедневные и сезонные передвижения нуэров определяются местонахождением травянистых участков, но и общее направление экспансии нуэров зависело от окружающей среды. Нуэры утверждают, что они не захватывали край нгок-динка, так как там очень бедные пастбища, и что по той же причине их мало интересует страна шиллуков.

Ранние дожди — это сезон, когда тучнеет скот, так как травы прорастают или возобновляют рост после долгой засухи, и скот может вволю наесться молодыми ростками. С увеличением дождей содержать скот на пастбище становится труднее, так как почва заливается водой и травы сильно разрастаются, что в годы сильных разливов создает серьезную проблему. Скот вынужден обходиться низкорослой травой, растущей на возвышенных грядах, где расположены деревни: такова еще одна причина, заставляющая нуэров занимать во время дождей эти гряды. Когда дожди прекращаются, истощившаяся трава на грядах быстро вянет, сильно же разросшиеся травы на равнинах затрудняют движение стад и больше не предоставляют хороших пастбищ. Поэтому нуэры спешат выжечь их, как только они подсохнут, ибо некоторые виды трав уже через несколько дней после выжигания дают новые ростки, — вероятно, это те виды, у которых достаточно длинные корни, позволяющие доставать воду, сохранившуюся в глинистых слоях почвы, или травы, растущие такой плотной комковой формацией, что до ее центра не доходит огонь. Если бы не это обыкновение, скот не выжил бы в засушливый год, во всяком случае вдали от рек. Когда травы выжжены, скот может бродить повсюду — ему больше не мешают поверхностные воды и густые заросли трав, и он удовлетворяет аппетит молодыми ростками. По мере того как воды становится меньше, а пастбища делаются бед-

Карта 4. Схематическая карта, показывающая сезонное расселение отделов племени восточных джигани (стрелками показано передвижение от деревень к лагерям сухого сезона)

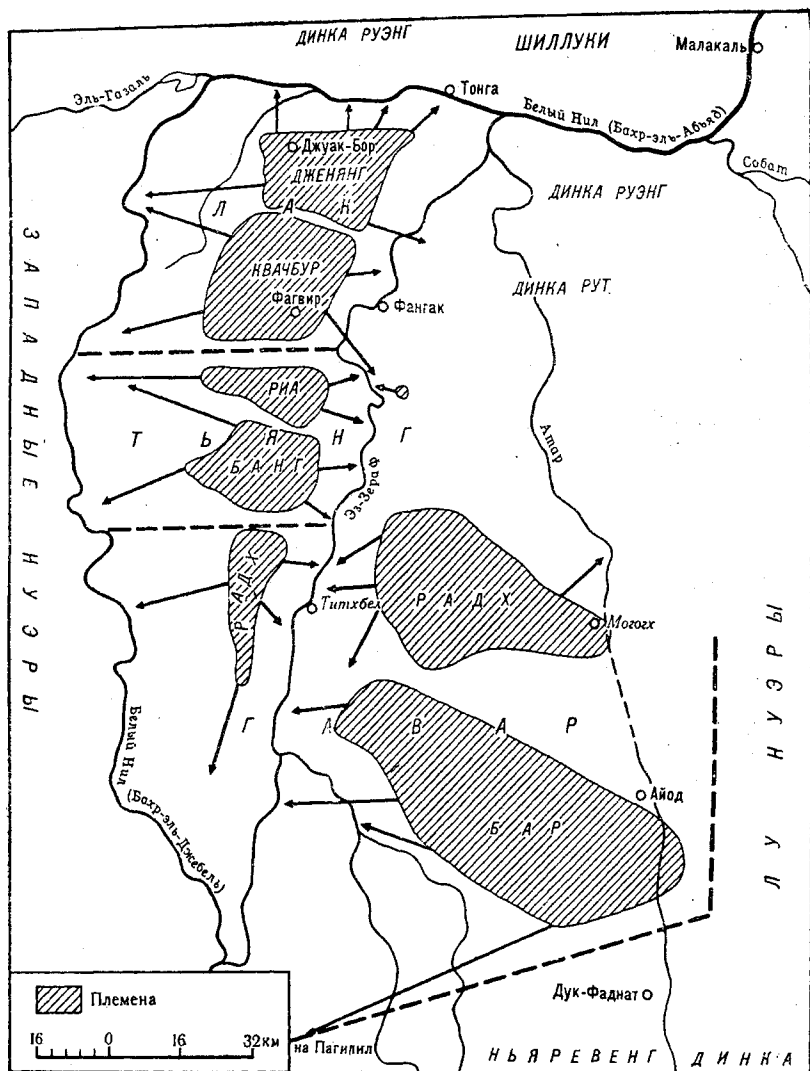
нее, нуэры опять переходят к постоянным водоемам, где они разбивают большие лагеря, а скот может питаться болотистой растительностью, обильно покрывающей бесчисленные котловины, и давать хорошее молоко. В мае, когда снова начинаются дожди, нуэры могут вернуться в деревни. Поскольку у нуэров немного скота, используемая ими территория обширна, а сами они ведут кочевой образ жизни, не возникает опасности чрезмерного истощения пастбищ.

Таким образом, изменчивое состояние водных запасов и растительности заставляет нуэров передвигаться и определяет направление их передвижений. В дальнейшем мы увидим, что эти передвижения учитывают и возможности рыболовства. В конце ноября или начале декабря юноши и часть девушек перегоняют скот из деревень в лагеря на расстояние несколь-

ких миль, оставляя в деревнях пожилых людей, чтобы они собирали второй урожай сорго и чинили загоны и хижины. Обычно оставляют и несколько дойных коров, чтобы у маленьких детей было молоко. Эти ранние лагеря (*веч джиом*) устраивают около водоемов, в тех местах, где до этого выжигали траву. В краю лу их разбивают часто в зарослях колючих кустарников, где в изобилии растет *Balanites aegyptica*, но во многих районах страны нуэров, особенно к западу от Нила, лагеря создают на берегах речек, чтобы можно было рыбачить. Когда собран второй урожай, скот перегоняют обратно в деревню, чтобы он мог питаться стеблями сорго, если только деревня не находится слишком далеко. Как только высыхают водоемы, истощается пастбище или не ловится больше рыба, молодежь разбивает новые лагеря, где к ней присоединяются и женатые нуэры; иногда они переносят лагерь несколько раз, пока не поселятся в январе и феврале на главных лагерных стоянках (*веч мау*) на берегах озер или рек. Ранние лагеря невелики, в них живут лишь несколько сородичей, но с приближением сухого сезона и сокращением водных ресурсов они разрастаются, и в главных лагерях могут жить уже несколько сот человек.

Передвижения лу, восточных джикани и племен с р. Эз-Зераф в сухой сезон показаны на картах 3, 4, 5. Что касается племен с р. Собат, то лу остаются как можно дальше вдали от рек, а в дождливый год живут в «глубинке» даже весь сухой сезон, селясь у более глубоких водоемов, иногда таких больших, что их можно назвать озерами, например: Муот-тот, Муот-дит, Фадинг, Фадон, Гвонг-гвонг, Йоллеи, Теджор и Ньерол. Если им приходится покидать эти водоемы, то отдел гун движется на север, к р. Собат, и на юго-запад, к затопленным равнинам р. Эз-Зераф в край динка-твич, а отдел мор движется на северо-восток, к р. Ньяндинг, и на восток, к рекам Гени и Пибор. В прежние времена часто происходили столкновения, когда лу переходили на эти лагерные стоянки, потому что берега р. Собат были в руках динка-балак, захват племенем лу берегов Гени и Пибор оспаривали ануаки и беир, а их продвижение на юго-запад рассматривалось как вторжение на пастбищные земли динка. Даже земли по нижнему течению р. Ньяндинг принадлежат не лу, а племени гааджок. Поэтому они приходили на эти места только в случае крайней необходимости.

У восточных джикани нет такой нужды в передвижениях, как у лу. Тем не менее все они переходят к рекам и болотам до наступления засухи. Три отдела племени гааджок движутся так: лаанг сосредоточиваются на р. Собат, вангkach идут на юго-восток, к берегам рек Пибор и Гила, а йол становятся лагерем или у слияния рек Вокау и Собат, или к северу, вдоль краев болот Мачар. Гагванг передвигаются к западному краю Хор Маквай. Отделы племени гааджак движутся так: северные тьянг (канг и лони) идут к р. Дага, тогда как южные тьянг

Карта 5. Схематическая карта, показывающая направление сезонного передвижения племен бассейна р. Эз-Зераф в сухой сезон

(тар) и отделы ренг, ньияян, вау и чани устраивают лагеря на берегах рек Баро, Джокау, Адур и Маквей, главным образом в Эфиопии.

Три племени с р. Эз-Зераф переходят к Бахр-эль-Джебелю и Эз-Зераф и к речкам, впадающим в эти реки, как показано на карте 5. Гаавар, живущие на левом берегу Эз-Зераф, мо-

гут строить деревни на возвышенных местах около реки, и им нет надобности уходить далеко во время засухи.

Западные нуэры становятся лагерем главным образом на речках в глубине территории, которые протекают недалеко от их деревень. Карлуал — отдел племени лик — обычно собираются сначала на речке Луг, а затем на речках Кал и Вангтач, которые соединяются с р. Бахр-эль-Газаль. Док устраивают лагерь у скопления воды в руслах внутренних речек. Западные джикани движутся к болотам Джикани у берегов р. Бахр-эль-Газаль. Не вдаваясь в дальнейшие детали передвижений западных нуэров в сухой сезон, о которых я и не знаю, можно сказать, что они передвигаются намного меньше племен восточных нуэров, особенно лу.

Различные деревни и отделы обычно движутся примерно в одно и то же время и каждый год посещают те же водоемы, хотя время и место, а также до некоторой степени и уровень их концентрации меняются в зависимости от климатических условий. Однако главные лагеря сухого сезона обычно создаются ежегодно в одних и тех же местах. Когда в мае начинаются дожди, пожилые люди возвращаются в деревни, чтобы подготовить почву для посева, и в июне к ним присоединяются юноши и девушки, которые пригоняют и скот. Когда молодые люди уходят, весь лагерь снимается за один день, и скот гонят в деревни, стараясь как можно реже делать остановки. Движение из деревень в лагерь, наоборот, проходит не так стремительно и организовано. Молодые люди из двух-трех семей образуют после выжигания травы в ноябре небольшой лагерь там, где им захочется. Несколько дней спустя к ним могут присоединиться и другие люди из той же деревни или же они разобьют отдельный лагерь. На месте расположения деревни все еще сохраняются вода и немного травы и остается незаконченной работа на полях и в усадьбах. Таким образом, если лагеря за один день превращаются в деревни, то деревни превращаются в лагерь медленнее. К разгару засухи все уже в лагере, и деревни затихают и пустеют.

Так год делится на период жизни в деревнях и период жизни в лагерях, а последний делится на ранний отрезок сухого сезона, когда молодые люди передвигаются из малого лагеря в другой малый лагерь, и на поздний отрезок сухого сезона, когда все сосредотачиваются в больших лагерях вокруг постоянных водоемов, которые они не покидают до возвращения в свои деревни.

3. Нуэры вынуждены жить в деревнях, чтобы защитить себя от наводнений и москитов и заниматься земледелием, а из деревень в лагерь их гонят засуха и отсутствие растительности; кроме того, в лагерях они занимаются рыболовством. Я вкратце опишу эти деревни и лагерь.

Некоторые племена обитают в наиболее благоприятных районах. Особенно повезло в этом отношении лу и восточным джикани. В западной части страны нуэров, хотя там и есть много подходящих для поселения гряд, земля затопляется больше и трудно найти возвышенные места, кроме (насколько мне известно по наблюдениям) районов обитания отделов племен лик и док, которым больше повезло, чем племенам, живущим между ними.

В поселении нужна земля не только под строительство, но и для пастбища, и для возделывания растений. Многие деревни гнездятся около разлившихся рек на небольших высотах, поверхность которых покрыта кучами мусора, а скот пасется или на склонах высоток или в ближайших зарослях колючих кустарников, где находятся и возделанные участки. Чаще всего усадьбы строятся в линию вдоль песчаных гряд, длиною в одну-две мили и шириною в несколько сот чодов, что позволяет сохранять между домохозяйствами солидную дистанцию, причем посевы устраивают сзади них, а выпасы спереди. В некоторых районах страны нуэров, особенно в упомянутых мною районах с более благоприятными условиями, возвышенные участки простираются иногда на несколько миль, и тогда люди могут строить жилища где угодно (только не на краю разбросанных повсюду котловин), и небольшие группы скученных усадеб видны то там, то здесь. Их окружают и разделяют огороды и выпасы. Нуэры предпочитают подобную изоляцию и не проявляют склонности к коллективной жизни в деревне.

Строя деревни на возвышенностях, нуэры со своим скотом держатся выше разлившихся вод, которые покрывают лежащую ниже обширную равнину, и как-то спасаются от туч москитов, плодящихся в стоячих водах. В западной части страны нуэров я видел невысокие глиняные запруды у подножия заселенных песчаных гряд, сделанные для того, чтобы удержать воду в дни наиболее сильных разливов. Поскольку нуэры всегда строятся на самых высоких участках, вода проливных дождей, которые льют ежедневно после июня, сбегает со склонов, и земляной пол краалей быстро высыхает. Во время экспедиции по западной части страны нуэров в октябре сравнительно сухого 1936 г. мы в течение семнадцати дней шли почти непрерывно по воде глубиной в несколько дюймов, не говоря уже о том, что переходили и через бесчисленные глубокие котловины. В некоторых районах проживания лу и восточных джикани, особенно у племени гааджак, деревни строят среди зарослей колючих кустарников, но, как правило, нуэры предпочитают ставить деревни на открытых местах, если даже поблизости есть заросли, чтобы защитить скот от диких зверей, насекомых и сырости, а также потому, что сорго не очень хорошо растет в заросшей кустарником местности. Кроме того, строительство деревень на открытых местах, по-видимому, спасает их от термитов.

Нуэрская усадьба состоит из крытого загона для скота и

хижин. Их крытые загоны так велики и искусно сделаны, что вызывали восхищение всех путешественников. Крыши загонов опираются на стволы деревьев, установленные внутри загона. Как загоны, так и хижины сделаны из лозняка, который обмазан глиной, хотя в западной части страны нуэров, где зарослей меньше, в качестве стропил используются связки сорговых стеблей. Строительство и ремонт обычно ведутся в начале сухого сезона, когда есть много соломы для кровли и достаточно сорго, чтобы сварить пиво для всех, кто помогал в работе. Во время дождей строят изгородь, которая идет от загонов вдоль двух сторон краала и вокруг хижин и препятствует бесцельному движению скота, не позволяя ему загрязнять усадьбу и вредить посевам. Выпасы, трава, деревья и т. п. находятся в общем владении всех членов деревенской общины.

Семьи часто переселяются из одного конца деревни в другой, из одной деревни в другую, а что касается небольших деревень, то, если там умерло много людей, болеет скот, возникают конфликты или истощились пастбища и посевные земли, на новое место переходит иногда вся деревенская община. После примерно десятилетнего пользования признаки истощения замечаются как на пастбищах, так и на посевных землях, расположенных на небольших грядах, а через каждые пять лет приходится перестраивать хижины и загоны.

В сухой сезон мужчины спят у ветровых заслонов, а женщины — в ульеобразных хижинах или все вместе спят в этих хижинах. Эти непрочные укрытия сооружаются в нескольких ярдах от воды, устанавливаются обычно или полукругом, или в линию, задней частью к преобладающему направлению ветра. Строятся они очень просто — из корней трав или иногда из стеблей сорго, которые туго связывают и втыкают в узкую канавку так, что получается ветровой заслон. Верхние части стеблей и травы связывают и снаружи обмазывают навозом, чтобы получилась хижина. Весь пол внутри заслона занят очагом в виде кучи золы; здесь, вокруг огня, спят мужчины, а открытый вход устраивается напротив краала. Если нуэры не собираются проводить на этом месте больше нескольких дней, они часто спят на открытом воздухе и не утруждают себя строительством заслонов и хижин. Такие легкие сооружения можно построить за несколько часов.

4. Еще один фактор служит причиной передвижений нуэров — это обилие насекомых, представляющих собой постоянную угрозу. Скоту с утра до ночи нет спасения от жалящих мух и клещей, и животные оказались бы замучены до смерти, если бы их в какой-то мере не защищали хозяева.

В дожди все кишит москитами, особенно неистовствуют они с июля по сентябрь, когда сразу после заката солнца людям и животным приходится прятаться в хижинах и крытых загонах.

Плотно запирают двери хижин, закрывают отдушины и зажигают костры. В центре загона, где находится скот, горят большие костры из навоза, которые заполняют помещение таким густым дымом, что в нем не видно даже животных. Молодые люди спят на платформах над кострами, и, когда дым расходится (двери заперты, но дым просачивается сквозь соломенные крыши), они спускаются подбросить топлива. Таким путем скот ночью может хоть немного отдохнуть. К концу дождей скот еще находится в деревнях, его оставляют в краалях, но как только хозяева идут спать, его переводят в загоны, чтобы уберечь от львов. В этот сезон костры разжигают небольшие, так как москиты уже не очень беспокоят, ибо поверхностных вод нет, сорго сжато, а трава подрезана. Позже, когда большинство людей уходит в лагерь, остающиеся в деревнях строят в краалях ветровые заслоны и проводят ночь на открытом воздухе с теми коровами, что остались в деревне. В сухой сезон москитов нет, кроме как у водоемов и болот, но даже около воды с января до мая они не причиняют беспокойства, и стада могут спать на открытом воздухе. Тем не менее их окружают ветровыми заслонами, и их хозяева спят внутри последних у костров из навоза, дым от которых со всех сторон окутывает лагерь.

Есть одно неприятное насекомое — это муха серут (семейство *Tabanidae Pangonia*). По-видимому, она сезонна и роится в пасмурные дни от мая до июля, хотя иногда появляется и в другие времена года. Муха нападает на скот по утрам, сопровождает его на пастбище, где причиняет животным такие болезненные укусы, что коров, покрытых кровью, приходится гнать обратно в лагерь, где их защищают дымом костров из навоза. В такие дни скот может пастись на пастбище лишь урывками, часа два-три. Другая муха (*Stomoxys calcitrans*) появляется на протяжении всего года, особенно в сухой сезон и в начале дождей. Вероятно, именно эта муха разносит трипаносомоз в некоторых районах страны нуэров, особенно среди восточных джикани, перенося трипаносомы на своем хоботке от животного к животному, так как мухи цеце в стране нуэров нет, за исключением, пожалуй, ее восточных окраин, хотя нуэрам и известно смертельное воздействие укуса мухи цеце. Есть и другие насекомые, досаждающие скоту, но неизвестно, переносят ли они в этих широтах какие-либо болезни. Из них можно упомянуть восьминогую клещу, которого нуэры удаляют со шкуры животного после вечернего возвращения в лагерь (хотя и недостаточно регулярно и часто); насекомое, именуемое *тарквач*, которое, как говорят, живет на туловище животного, хотя его укусы не вызывают кровотечения; муху, именуемую *миек*, и обычную черную муху, похожую на нашу домашнюю муху, которая сильно беспокоит скот в жаркую погоду — сырость и холод, судя по всему, избавляют от нее. Красные муравьи иногда совершают набеги на загоны, так что приходится

удалять скот, чтобы засыпать пол золой, но они редки в стране нуэров. Нуэры почти беспомощны против большинства этих насекомых, хотя, несомненно, дым все же помогает отгонять их.

Из собственного опыта я могу подтвердить, что в стране нуэров человека постоянно мучают насекомые, особенно обыкновенная черная муха и москиты. Несомненно, что скот очень страдает от них и такое постоянное раздражение от насекомых снижает его жизнеспособность и удойность, так как животные почти никогда не имеют покоя. В этих условиях можно только удивляться их выносливости и крепости.

Поскольку некоторые виды мухи цеце в Южном Судане переносят трипаномы, передающие болезнь скоту, стране нуэров повезло, что в ней не встречается муха цеце. Это, несомненно, объясняется отсутствием тенистых лесов, что, в свою очередь, является результатом наводнений и, частично, выжигания травы.

Наличие мухи цеце в лесном поясе, который тянется вдоль предгорий Эфиопии, предотвратило миграцию нуэров далеко на восток, что вполне могло случиться, так как ясно, что одной из причин их ухода из страны ануаков была потеря скота. На нынешней территории нуэры находятся в более выгодном — что касается мухи цеце — положении, чем большинство народов Южного Судана.

Огромное значение имеет также наличие многих микроскопических организмов, вызывающих заболевания у людей и скота. Это вопрос, в котором мы не компетентны. Что касается скота, то следует сказать, что он страдает от множества различных болезней и нуэры лечат его, хотя сомнительно, так ли уж велика терапевтическая ценность их методов лечения. Два наиболее серьезных заразных заболевания — это бычья плевропневмония, которая в некоторые годы ведет к большому падежу животных, и чума рогатого скота. Чума появилась в Судане лет пятьдесят назад, и нуэры говорят о периоде до ее появления, совпавшего с вторжением арабов, как об эпохе, когда была проведена инициация возрастной группы *бойлок*, получившей название «Жизнь скота». У нуэров нет средств борьбы с чумой, когда она уже поразила стадо, но они знают, что зараженное стадо надо изолировать. Они теперь уже настолько привыкли к этой болезни, что предпринимают профилактические меры, разбивая свое стадо в сухой сезон (когда обычно вспыхивает эпизоотия), и держат животных в далеко разбросанных лагерях, чтобы в случае вспышки болезни в одном районе края скот в других районах не заразился. Животное, раз переболевшее чумой, как полагают, становится иммунным к этому заболеванию, и поэтому его ценность возрастает, хотя нуэры знают, что телята от этой коровы не приобретают иммунитета. Мисс Сул рассказывала мне, что нуэры якобы могут установить, болело ли животное чумой, поскоблив кончик рога и взглянув на его цвет. Если рог белого цвета, то животное

иммунно. Хотя чума угрожает нуэрам голодом в годы эпизодов, они встречают эту болезнь покорно.

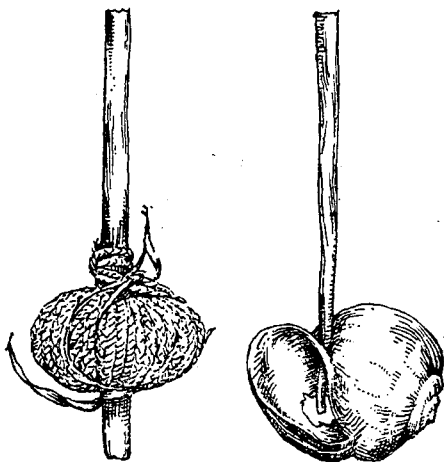
Чума рогатого скота до сих пор наносит ужасающий ущерб скотоводству. Трудно точно определить, какие именно и в каких масштабах произошли социальные изменения в результате этого нарушения экологического равновесия. Поскольку выкуп за невесту выплачивается скотом, вероятно, на какое-то время возникала неурядица в выполнении брачных обязательств, но сейчас стабильность снова достигнута путем сокращения числа голов скота, уплачиваемых за невесту. Однако аналогичной договоренности о компенсации за убийство, по-видимому, не было достигнуто, так как в этом вопросе стороны не проявляют такой же доброй воли, как при браке, и похоже, что виру за кровь теперь требуют в прежних размерах, хотя нуэры и признают, что повышение или снижение выкупа за невесту и виру за кровь должно проводиться одновременно. Точные выводы сделать невозможно, хотя похоже, что традиционную вражду теперь урегулировать не так просто, как в прошлом, что оказывает влияние на отношения между племенами. Можно предположить, что сокращение поголовья скота привело к общему снижению жизненного уровня, так как климатические условия не позволяют компенсировать эти потери приложением дополнительного труда в земледелии. Нет сомнения, что нуэры выращивают больше сорго, чем прежде, но, по-видимому, сократились их общие продовольственные ресурсы, а значит, была подорвана и уверенность в будущем. Позже мы поясним, что нуэры не могут существовать только за счет земледельческого хозяйства, точно так же как (во всяком случае, после появления чумы рогатого скота) они не могут существовать только за счет скотоводства. Они должны иметь смешанное хозяйство и лишь в какой-то незначительной степени могут компенсировать потери в одной области дополнительным трудом в другой. Нуэры старались возместить свои потери путем усиленных набегов на динка, перекладывая на них тяготы от сокращения поголовья. Известно, что нуэры совершали набеги на динка еще до появления чумы, но вполне вероятно, что у них появился и новый стимул к агрессии. Можно отметить и другие последствия, особенно в родственных отношениях, но об их значении можно только догадываться. Поэтому мы ограничимся рассмотрением лишь некоторых явлений, происшедших в хозяйстве и политической жизни нуэров.

5. В главе I говорилось, что нуэры, чтобы существовать, вынуждены вести смешанное хозяйство, поскольку скот не обеспечивает им достаточного питания. Позже мы увидим, что их урожаи сорго часто бывают очень скудными и непостоянными. Поэтому рыба служит незаменимым продуктом питания, и поиски ее также влияют на сезонные передвижения нуэров.

Реки полны съедобной рыбы, которая хорошо пополняет рацион нуэров в сухой сезон и помогает им выжить в те годы, когда случается неурожай или эпизоотия скота. Поэтому при выборе места для лагеря им приходится думать не только о воде и пастбищах, но и о возможностях рыболовства. Тем не менее нуэры не считают себя рыболовами и с презрением относятся к таким народам, как шиллуки, которые, по их словам, живут только рыбной ловлей и охотой на гиппопотамов. Несмотря на этот комплекс превосходства, нуэрам

нравится рыбная ловля, и они получают удовольствие от хорошей рыбной пищи. О том, какими большими бывают их уловы в разгар сухого сезона, можно судить по тому, что вдоль берегов рек Баро и Собат можно найти рыболовецкие лагеря (*кал*) без скота, в которых люди по несколько недель питаются одной рыбой, если не считать горстки зерна, козьего молока и случайно убитого дикого зверя. Это бедняки, у которых нет скота или есть одна-две коровы, отданные на сохранение более богатым родственникам (ни один нуэр, если только это возможно, не будет жить без скота, и таких бедняков презирают, как людей, происходящих от ануаков или динка-балак). Некоторые племена нуэров занимаются рыболовством больше других, поскольку у них есть для этого подходящие условия. Так, в краю лу возможностей для рыболовства меньше, чем в районе восточных джикани, где имеется целая сеть водных артерий. Племена и отделы племен ревниво оберегают свои права на рыболовство, и если кто-нибудь хочет ловить рыбу в водоеме, он должен прежде получить разрешение его владельцев, иначе могут произойти конфликты.

Именно в сезонное половодье благодаря подъему и падению уровня воды в реках и плоскому рельефу местности нуэры могут бить много рыбы, так как ее выбрасывает из рек (в которых из-за примитивной рыбацкой техники нуэрам трудно ее ловить) в протоки и лагуны, где она становится беспомощной. Наиболее благоприятные месяцы — ноябрь и декабрь, когда уровень воды в реках начинает спадать, протоки и лагуны мелеют, и их можно запрудить в подходящих местах. Тогда рыбу, стремящуюся пробиться вниз по течению, бьют копьями. Ловлю рыбы с запруд ведут главным образом ночью, когда за спи-

Приспособления для подманивания рыбы

ной рыбаков зажигают костры, а на воду, выше по течению реки, бросают тонкие ветви деревьев. Рыбаки внимательно следят за этими ветвями и бросают копыя, как только увидят, что рыба, плывущая вниз, задела и пошевелила ветви. Мой друг, покойный Л. Хамер, сделавший фотографию на рассвете, говорил, что за ночь нуэры поймали с запруды около ста рыб. Когда уровень воды падает, запруды сносятся.

По мере установления сухого сезона много рыбы задерживается в озерах и лагунах, из которых нет стока, а когда они начинают высыхать, то водоемы, где скопилась рыба, становятся все мельче и мельче, и рыбаки бьют ее зазубренными копиями и длинными гарпунами. А к концу сухого сезона устраивается массовая ловля с применением багров и корзиночных ловушек. Во время засухи уловы почти всегда велики, особенно в период массовой ловли, а затем они достигают нового пика с началом дождей в апреле и мае, когда реки снова начинают подниматься и выбрасывают рыбу на мелководье, где ее легко бить копиями в тростниках и камышах. После того как нуэры возвращаются в деревни, они почти не занимаются рыболовством (лишь изредка удастся бить рыбу копиями в лагунах, где случайно сохранилась вода), так как деревни находятся далеко от больших рек, а протоки или слишком глубоки, или так кишат крокодилами, что рыбная ловля невозможна. Кроме того, в половодье рыба разбросана по обширной территории и прячется в буйной растительности. Те нуэры, деревни которых расположены по берегам больших рек, иногда бьют рыбу с каноэ-долбленок длинными гарпунами, но хороших каноэ у нуэров очень мало, да и те они выменивают или крадут у ануаков: у них нет ни дерева, ни опыта постройки каноэ; сами они умеют изготавливать лишь выжженные из стволов пальм и сикомор грубые лодки.

Нуэры прекрасно орудуют копиями, но рыбаки они неважные. Лишь иногда им удается молниеносным ударом копия или гарпуна с борта каноэ убить случайно мелькнувшую на поверхности рыбу, но чаще всего они даже не видят добычу и наугад бьют копиями в гущу тростника или камыша, где может быть рыба, или же бросают на воду траву и ветки, которые может задеть рыба. У них есть миф о том, что когда-то вся рыба была видна человеческому глазу, но затем бог сделал так, что она стала невидимой в воде. Главное оружие нуэров — зазубренное копье, хотя часто применяется и гарпун. Когда они бьют рыбу копиями на мелководье, то, чтобы привлечь рыбу, ударяют по воде палкой, к концу которой привязан шар из клубка ниток или раковина гигантской улитки. Рыбу едят печеной или вареной.

6. Страна нуэров богата и дичью, хотя нуэры мало используют этот источник продовольствия. Здесь есть большие стада

антилоп тыянг и кобус (антилопы *Damaliscus Korrigum tiang* и *Kobus ellipsirytmus*), много других антилоп, буйволов, слонов и гиппопотамов. Нуэры едят мясо любых животных, кроме хищников, обезьян, некоторых мелких грызунов и зебр, но на юге края лу, где зебры бродят в сухой сезон, их убивают ради шкуры и хвоста. Львов много, особенно к западу от Нила, и они представляют серьезную опасность для скота, но нуэры убивают их и леопардов (шкуры которых носят вожди) только в тех случаях, когда они нападают на скот в краалях или на пастбищах, что случается довольно часто, особенно в начале сухого сезона. Они редко охотятся на диких животных, если не считать газелей и жирафа, но преследуют лишь тех, что приближаются к лагерям. Таким образом, их нельзя назвать настоящими охотниками и можно даже сказать, что они относятся к охоте немного свысока, считая, что только при отсутствии скота мужчина может заниматься охотой. Скот обеспечивает их мясом, что частично и объясняет отсутствие интереса к охоте, хотя это можно объяснить и характером края, так как на просторных равнинах нелегко охотиться с копьем.

Нуэры не едят рептилий, кроме крокодилов и черепах. Страусы, дрофы, турачи, цесарки, гуси, утки, чирки и другие водоплавающие птицы водятся в изобилии, но нуэры считают, что взрослым позорно есть их мясо, и (если не считать периодов самого страшного голода), вероятно, его едят только дети, бедняки, не имеющие скота, и время от времени старики, но и то редко, тайком, уйдя в буш. Они не держат домашней птицы и выказывают особое отвращение к мысли о возможности есть ее. Не употребляют в пищу и яйца. Насекомых не едят, но мед диких пчел собирают после выжигания травы в декабре и январе и съедают его или в буше или дома с кашей.

Единственное племя, владеющее немногими случайно добытыми ружьями, — это восточные гааджак, которые доставляют их в Эфиопии. Нуэры охотятся с собакой и копьем, полагаясь на свою быстроту, выносливость и смелость. Охотиться во время дождей невозможно, потому что буйная растительность мешает преследованию зверя и звери могут легко скрыться, так как повсюду достаточно воды и растительности. В разгар сухого сезона звери вынуждены пить в тех же водоемах, лагунах и речных протоках, что и люди, и на высохшей голой равнине можно легко бежать за животным, так как нуэры охотятся не по следам, а преследуют видимую глазом дичь, кроме жирафы, которую ищут по следам. В одиночку или вдвоем можно охотиться только на газелей, которых гонят собаки, или на буйволов, которые предпочитают не бежать, а нападать на охотника. Других животных, вроде антилоп тыянг и кобус, убивают только тогда, когда они приближаются к лагерю и большая группа юношей может отрезать им путь к бегству. Я видел, как убили нескольких животных, окружив их на берегу Собат и загнав в камыши, откуда они могли спастись только вплавь через реку.

В этом районе, как, пожалуй, и везде, нуэры, подгоняемые голодом, уходят из лагеря при первых сильных ливнях и ищут следы жирафы, безжалостно преследуя ее, пока не догонят. Это возможно только во время первых дождей, когда животным еще приходится подходить к лагерю напиться и их тяжелые копыта застревают в мокрой земле. Нуэры, особенно с р. Эз-Зераф, известны своим опытом и смелостью в групповой охоте на слонов, которых они окружают и забивают копытами.

Таким образом, охота нуэров так же примитивна, как и их рыбная ловля. Они не проявляют особого умения, и у них нет никаких специальных приспособлений, кроме капкана с шипами. Им пользуются мигранты-динка в большинстве районов страны нуэров и некоторые нуэры-лу, которые все же считают его выдумкой динка и поэтому относятся к нему с пренебрежением, считая, что мужчине, владеющему скотом, не пристало пользоваться капканом. Его, дескать, может применять только бедняк, который таким путем приобретает мясо и даже скот. Поэтому в лагере можно найти лишь нескольких человек, ставящих капканы, тогда как остальные избегают этого. Капканы ставят вокруг питьевых водоемов в конце сухого сезона или в начале дождей, когда поверхностных вод мало и почва еще не настолько увлажнена, чтобы сгнили кожаные петли. В 1930 г. на р. Собат с помощью капкана с шипами было поймано много жираф, но, очевидно, это был исключительный год. Если нуэры и роют ямы-западни, то очень редко, и их можно найти только на границах района племен динка. Также редко практикуется выжигание участков травы, сохранившейся после ежегодного выжигания, для охоты с копьем на спрятавшихся в ней от племени животных. В сухой сезон в западной части страны нуэров, а возможно, и в других районах, но только не на р. Собат, мужчины бьют гарпунами гиппопотамов, идя по их следам, ведущим к ночному пастбищу животного. Однако считается, что на гиппопотамов больше охотятся не нуэры, а шиллуки и некоторые племена динка. Но даже и там, где на них охотятся нуэры, говорят, что этим занимаются только люди, у которых мало скота. В заключение можно сказать, что нуэры не добывают много мяса охотой и что они не слишком ценят это занятие.

7. Как правило, дикie плоды, семена и корни не занимают важного места в рационе нуэров. Край их в основном безлесый, и поэтому плодов мало. Только в некоторых местах к западу от Нила и на более обширных участках к востоку от Нила встречаются «дикие финики» (*Balanites aegyptica*), которые идут в пищу. Эти плоды созревают примерно с января до марта, и в пищу идут как косточки, так и покрывающая их сладкая мякоть. Некоторые другие плоды тоже едят, но главным образом дети. Прошедшие инициацию юноши отказываются есть

большинство из них. Очень нравятся нуэрам семена и корни водяных лилий (*Nymphaea lotus*), которые растут в водоемах и лагунах в начале сухого сезона. Собирают семена «дикого риса» (*Oryza Barthii*), а многие дикие растения, имеющиеся на участках, где стоят деревни, употребляются в качестве приправы к кашам. В голодные годы диким растениям, конечно, уделяют больше внимания. Тогда важное значение приобретают «дикие финики», и люди едят многие дикие плоды, созревающие главным образом в начале засухи (которыми они пренебрегают, когда голод не очень силен), и потребляют дикий ямс, семена дикого сорго и другие травы.

8. Легко заметить, что рыболовство, охота и собирательство — занятия сухого сезона, которые в этот период дают необходимую добавку к недостаточному молочному рациону. В сезон дождей, когда эти занятия становятся малопродуктивными, а удои молока сокращаются, сильные дожди, из-за которых и происходит это сокращение продовольственных ресурсов, создают условия, благоприятные для земледелия, невозможно в засуху. Таким образом, поступление продовольствия на протяжении всего года и достаточное количество его для жизни во все сезоны определяются ежегодным циклом экологических изменений. Без зерна в сезон дождей нуэры оказались бы в опасной ситуации. И поскольку зерно можно хранить, они в какой-то мере имеют возможность запастись им на случай голода в период засухи.

Климатические условия в сочетании с сильными разливами и плоским рельефом не позволяют выращивать в стране нуэров большинство продовольственных культур, растущих в Центральной Африке, и нуэрам особенно не повезло потому, что у них нет корнеплодов, которые можно было бы хранить на случай голода. Весьма сомнительно, что они могли бы выращивать без надлежащей ирригации в сухой сезон какие-либо культуры, кроме тех, что выращивают сейчас. А таких культур немного. Основной из них является сорго (*Sorghum vulgare*), урожай которого они собирают дважды в год; кроме того, они сажают немного кукурузы около хижин и некоторое количество бобов (*Vigna*) — их единственную огородную культуру на полях вместе с сорго. Помимо этих трех продовольственных культур они выращивают немного табака под навесами крыш хижин и сажают тыквы, чтобы их стебли тянулись вверх по изгороди краля. Из сорго варят кашу и пиво; кукурузу в основном пекут, хотя иногда она идет и на кашу; бобы едят или вареными, или вместе с кашей; табак курят в трубках, нюхают и жуют; тыквы в зависимости от сорта или едят, или выращивают для изготовления сосудов различной формы.

Главной культуре — сорго мы должны уделить особое внимание. Когда сорго окончательно прививается, оно выживает

в таких условиях, которые были бы губительны для остальных растений. Кроме того, надо отметить, что в этих широтах растут и дикие виды сорго. Кукуруза тоже вынослива. Она важна для нуэров, поскольку ее урожай собирают раньше других культур, т. е. тогда, когда у людей уже кончаются или истощены все запасы; ее все же выращивают совсем немного, а в больших количествах — только на берегах р. Баро. Нуэры хорошо различают отдельные сорта сорго, главным образом по цвету их семян, и знают, какие из них ранние, какие — поздние; в каком порядке они созревают, какие дают хорошую муку для каши, а у которых сладкие стебли, пригодные для жевания. Сорго прекрасно растет на черных глинах, которые удерживают воду, но вообще оно весьма легко приспосабливается и созревает также и на песчаных участках, на которых нуэры строят деревни, хотя в таких местах у него уменьшается сопротивляемость засухе и второй раз сеять его удается не всегда. Самый лучший для сорго район в стране нуэров — это край восточных джикани, и хотя во многих местах и здесь на земле скапливается слишком много воды, чтобы выращивать второй урожай, это единственное место, где, по моим наблюдениям, можно обычно рассчитывать на урожай, достаточный для прокорма населения. Говорят, что районы племен лак и тьянг на острове Зераф, в которых я не был, тоже пригодны для сорго.

Но даже сорго не может расти в стоячих водах, и приходится устраивать поля на возвышенных местах. Там, где условия позволяют располагать усадьбы на просторных участках земли, поля можно разместить почти что меж домов, но там, где деревни вытянуты в линию на гряде, это труднее, так как поверхность гряды слишком тверда, не сохраняет в себе достаточно влаги и, кроме того, гряде приходится использовать как выпас. Поэтому землю под сорго возделывают позади хижин и загонов, между вершиной гряды и низинной равниной. В краю западных нуэров на более возвышенных участках, имеющих небольшой склон, часто делают маленькие запруды, чтобы вода не стекала с полей. И наоборот, если вода может затопить сорго в том месте, где склон переходит в низину, роют дренажные каналы, иногда в несколько футов глубиной и до 50 ярдов длиной, чтобы лишняя вода стекала в буш. Такие поля образуют непрерывную линию позади усадеб, и, если земли достаточно, больше нигде не сеют. Если же земли недостаточно, ее обрабатывают вдоль гряды за пределами деревни, там, где почва слишком сыра для строительства хижин, но не затоплена водой настолько, чтобы нельзя было растить сорго, или же в ближайших зарослях.

Земли здесь хватает всем, если выращивать продовольственные культуры в тех масштабах, как это делают нуэры; поэтому проблемы землепользования не возникают. Считается само собой разумеющимся, что человек имеет право обрабатывать землю позади своей усадьбы, если только кто-нибудь уже ее

не обрабатывает, и нуэр может выбрать любой участок за пределами деревни, который не занят чужими полями и огородами. Новоприбывшие, как правило, связаны родственными узами с кем-нибудь из жителей деревни, а родичи не вступают в споры из-за земли. Более того, благодаря конфигурации нуэрских деревень существует примерное соответствие между размерами населения и размерами площади, пригодной для обработки земли, так как там, где мало земли для обработки, ее не хватает и для строительства деревень.

Мы уже говорили, что, когда сорго приживется в данной местности, оно становится весьма устойчивым к климатическим колебаниям. Приживается же оно нелегко. Часто случается, что вскоре после посева наступает короткий период засухи, и молодые ростки вянут и гибнут. Иногда это происходит из-за того, что голодающие люди посеяли сорго слишком рано, но избежать этого трудно, потому что, если они слишком задержатся с севом, сорго заражается головней, неправильно созревает и не колосится. Часто случается, что сильные проливные дожди губят ростки, вбивая их в липкую глину или вымывая почву с их корней. Я не помню ни одного сезона в стране нуэров, когда засуха или чрезмерные дожди в той или иной мере не вредили бы посевам сорго. Много ущерба сорго приносят слоны в период, когда появляются его нежные ростки, и я видел в одной деревне поля, которые слоны частично уничтожили три года подряд. Ежегодно, когда созревает сорго, его выклеивают также птицы-ткачи, но нуэры обычно их не отгоняют, если только не слетится такое количество птиц, что они грозят пожрать весь урожай,— тогда на полях сооружаются высокие наблюдательные платформы. В некоторые годы — не знаю, насколько часто, — на страну нуэров налетает саранча, несущая полное опустошение. В определенные периоды роста сорго много ущерба приносят цесарки, вороны, страусы и некоторые антилопы; второй урожай очень любят поедать местные антилопы (*Cobus ellipsirugatus*). Иногда (хотя, как мне кажется, очень редко) нуэры строят на своих полях хижинны (если огород находится далеко от деревни) для охраны сорго, но, как правило, они не проявляют особого беспокойства, рассчитывая, что близость жилищ отпугнет зверей. Если же этого не случается, они с равнодушием, граничащим иной раз с безразличием, воспринимают все последствия.

В схеме 4а даны приблизительные сроки, так как время посева и сбора урожая зависит от начала первых сильных дождей, которое не каждый год приходится на один и тот же период. Для тех, кто смог провести период засухи на берегах рек в своих домах или около них, земледельческий сезон начинается обычно в конце марта, но большинству нуэров приходится дожидаться возвращения в деревни в апреле или мае, чтобы начать расчищать свои поля. Семейные нуэры обычно возвращаются в деревни в первой половине мая и начинают готовить

Апрель   Май   Июнь   Июль   Август   Сентябрь   Октябрь   Ноябрь   Декабрь   Январь

Посев кукурузы

Сбор кукурузы

Первый
посев
сорго

Сбор первого
урожая сорго

Посадка бобов

Сбор бобов

Посев сорго
ДЖААК

Сбор урожая
сорго ДЖААК

Посадка табака

Сбор урожая табака

Второй
посев
сорго

Сбор второго
урожая сорго

Схема 4а. Распределение сельскохозяйственных работ в течение года

почву вокруг домов под посадки кукурузы. В конце месяца или в июне возвращаются молодые люди со скотом и помогают расчищать поля от прошлогодней стерни сорго и мотыжить новые участки. Вместе с сорго буйно растут травы и приходится пропалывать посевы по крайней мере три, а то и четыре-пять раз в год. Чем лучше прополот первый урожай, тем в меньшей прополке нуждается второй урожай.

Пока созревает первый урожай, расчищают смежные полосы земли под второй урожай. При этом посев его ведут незадолго до сбора первого урожая в конце августа или в сентябре, и он растет вместе с новыми ростками, которые появляются от корней первого урожая после того, как срезаны его стебли. В восточной части земли нуэров сорго второго срока сеют прямо на поле, где уже растет сорго первого урожая, или же на участках, являющихся продолжением существующих полей. Но в западных районах и в некоторых частях острова Зераф земля так сильно покрыта водой, что сорго сеют на специально обработанных высотках. Второй урожай тоже пропалывают несколько раз, и, поскольку это же поле будет использовано для первого посева в следующий период дождей, чем тщательнее оно будет прополото, тем меньше будет работы в будущем году. Во многих районах второй урожай сорго бывает не меньше первого, и случается, что там, где местные условия пагубны для одного урожая, они вполне благоприятны для другого. Оказывается, посевы второго урожая сорго требуют много влаги и плохо растут, если дожди прекращаются слишком рано, но сорго, которое прорастает из старых ростков, лучше чувствует

себя в сухих условиях, хотя его могут погубить поздние сильные ливни. Таким образом, обязательно созреет тот или иной урожай, но в благоприятных погодных условиях оба могут оказаться удачными.

В некоторых районах племен лу и восточных джикани культура медленно зреющего сорго, именуемого *джаак* (*Sorghum ditige*), заимствована у динка. Участок, выбранный для его посева, выжигают не во время ежегодного выжигания буша, а в начале предстоящего сезона дождей, когда среди старой травы прорастает и новая. Хотя у этого сорта сорго есть определенные недостатки, он хорошо прижился в некоторых местах, так как требует меньшей расчистки почвы, меньшей прополки и очень вынослив.

Нуэры не имеют представления о севооборотах, так как у них просто нет ни культур для оборота, ни естественных удобрений, хотя, конечно, навоз скота и зола сожженных сорняков употребляются в качестве удобрения. Они никогда не оставляют на год свои поля около усадеб под паром, чтобы могла восстановиться почва, а сеют из года в год, пока почва совсем не истощится, после чего меняют место жительства, переходя на несколько лет в новую деревню. Тем не менее нуэры знают, что ежегодная обработка почвы ведет к ее истощению, и судят об этом по размерам побегов сорго, по величине урожая и появлению некоторых сорняков, которые растут только на истощенной почве. Поле обрабатывается ежегодно в течение пяти-десяти лет, а после того как его оставят на несколько сезонов под паром, определяют, какова почва — твердая и спекшаяся или рыхлая и мягкая, готовая под новый посев. В то же время на полях, которые обрабатывают в буше, вдали от деревень, и которые не стиснуты полями соседей, можно каждый год поднимать новый целинный участок на одном конце поля и покидать истощенный участок на другом конце.

Посевы нуэров очень малы. Цифры не дают ясного представления об их размерах, но можно сказать, что в нормальные годы у населения большинства районов края достаточно зерна, чтобы дожить до следующего урожая, если в сухой сезон соблюдать экономию и ограничиваться в основном молоком и рыбой. В тяжелые годы нуэрам приходится неделями обходиться без каши. Можно также отметить, что нуэры не создают зернохранилищ, но им хватает для хранения зерна находящихся в хижинах небольших глиняных или плетенных из травы сосудов. Однако судить о том, какое значение имеет для нуэров сорго, следует не по его количеству, а по месту в общих продовольственных ресурсах, так как оно представляет собой не только дополнительный, весьма питательный ингредиент рациона, но и жизненно важный продукт, без которого они с трудом могли бы выжить. Нуэры признают это, ни в коей мере не презирают земледелие и в целом являются трудолюбивыми земледельцами.

И все же они считают, что земледелие отнюдь не желательное занятие, а неизбежная необходимость, требующая тяжелого и неприятного труда, и живут в убеждении, что чем больше стадо, тем меньше могут быть поля и огороды. Они скотоводы, а не крестьяне. Когда я обращал их внимание на то, что за полями плохо ухаживают, урожай не защищают от зверей и птиц, это их не трогало. Они считают, что было бы позором лишить заботы скот, но не так уж важно, если запущено поле. Когда я спрашивала, почему они не посеют больше сорго, я получал примерно такой ответ: «Таков уж наш обычай. У нас есть скот».

В заключение я хочу подчеркнуть следующее: 1) нуэры выращивают зерно в таких количествах, чтобы оно составляло один из элементов их продовольственных ресурсов, но не для того, чтобы питаться только зерном; 2) в их нынешнем климате и при имеющейся агротехнике значительное расширение земледелия было бы невыгодным; 3) преобладание скотоводческих ценностей над земледельческими интересами находится в соответствии с особенностями окружающей среды, которые благоприятствуют скотоводству за счет земледелия.

9. Уже упоминалось, что в данных экологических условиях нуэры должны иметь смешанное хозяйство, потому что ни один из источников продовольствия сам по себе не может прокормить их, и преобладающие в каждый сезон работы по производству продовольствия определяются экологическим циклом. Экология определяет и удельный вес отдельных элементов пищевого рациона, их соотношение возможно в грубых чертах планировать заранее.

Молочные продукты, сорго в виде каши и пива, немного кукурузы, рыба и мясо — главные элементы рациона нуэров. Молоко — основной продукт питания в течение всего года, хотя, вероятно, удой уменьшается к концу сезона дождей, так как истощаются пастбища, и, как говорят нуэры, после первого урожая появляется много телят, поэтому на несколько недель раньше прекращается лактация. Если это верно, то причиной тому, вероятно, жаркая погода в феврале и марте, которая вызывает у коров течку. Эти сезонные явления и удельный вес скота и сорго в продовольственных ресурсах нуэров послужили темой рассказа о том, как поспорили Корова и Сорго. Корова говорит, что Сорго ничем не примечательное существо и что только ее молоко поддерживает жизнь людей на протяжении года, причем в голодные времена они могут выжить, употребляя в пищу ее мясо. Сорго отвечает, что Корова несомненно права, но когда сорго созревает, радуются дети, так как они могут жевать его сладкие стебли, шелушить руками и есть его зерна, а кроме того, оно дает много каши и пива. Корова возражает, что каша без молока невкусна, а к тому времени,

когда созревает сорго, кончается ее молоко. Трудно чем-либо подтвердить наличие таких колебаний в удоях молока или установить, велико ли их значение для нуэров, но тенденция к небольшому увеличению в удоях в сухой сезон показана на схеме 4.

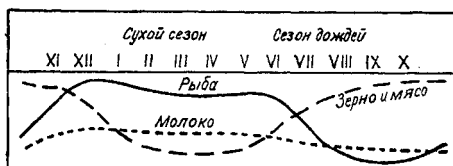

Схема 4. Сравнительное потребление пищевых продуктов в течение года

Сорго потребляют в больших количествах в виде каши и пива в месяцы между первым урожаем и переходом в лагерь сухого сезона. Если урожай был хороший, люди едят кашу в лагерях ежедневно, но когда запасы зерна в лагере подходят к концу, женщины идут в деревни, чтобы пополнить их. Когда лагерь закрывают и люди возвращаются в деревни, потребление сорго увеличивается, снова варят пиво, и в хорошие годы запасов сорго хватает для удовлетворения потребности в нем до созревания нового урожая. В нормальный год нуэры могут пережить эти месяцы, экономя сорго и стараясь не слишком расходовать его в лагере. Только в районах с наиболее благоприятными условиями они могут быть уверены, что запасов хватит на весь год. В большинстве районов от полного удовлетворения потребностей до нужды — только один шаг, и в неурожайные годы нередко начинается голод. Если урожай плохой, нуэры живут за счет молока, рыбы и диких плодов, а в крайнем случае могут убить несколько коров. Значительно серьезнее угроза чумы рогатого скота. Если неурожай и чума приходятся на один и тот же год, люди понимают, что могут вымереть старшие возрастные группы. Много страданий приносят сильные засухи и наводнения, которые губят урожай и пастбища. Таким образом, элемент случайности, удачи или неудачи весьма велик.

Бывают удачные и неудачные годы для рыбной ловли. В целом в большинстве районов страны нуэров в разгар дождей рыбу потребляют очень мало или вообще ее не потребляют. Потребление ее быстро растет с наступлением сухого сезона и, снижаясь после этого пика, остается на период засухи сравнительно постоянным, снова возрастая в начале дождей. Мясо домашних животных едят главным образом после сбора урожая, когда проводятся жертвоприношения и праздники. В сухой сезон скот убивают редко, и, по моим наблюдениям, нуэры редко убивают диких зверей, так что в это время года потребление мяса очень низко; недостаток мяса компенсируют тем, что пускают кровь коровам, а в годы вспышек чумы поедают туши павших от болезни животных. В общем, кривая потребления мяса совпадает с кривой потребления зерна. Можно не принимать во внимание потребление продуктов собирательства

в нормальный год, хотя следует помнить, что они очень полезны в голодные годы, главным образом с января до апреля.

Из схемы 4, которая дает, конечно, лишь приблизительные данные, видно, что с января до июня рыба занимает место зерна и мяса как главного продукта питания, а в период, когда можно ожидать нехватки молока и невозможно ловить рыбу, в изобилии потребляют кашу и пиво. «Голодные месяцы», как их именуют нуэры, это период с мая до августа, когда рыбу ловить все труднее, а кукуруза и сорго еще только созревают. Месяцы изобилия — это период с сентября до середины декабря, когда у нуэров много сорго и, как правило, много мяса, а конец этого периода — лучшее время для рыбной ловли. Нуэры говорят, что они набирают вес в дожди и теряют его в засуху. Можно сказать в заключение, что даже в нормальные годы нуэры не получают достаточного питания. Их рацион хорошо сбалансирован, но он беден в некоторые сезоны, и нет излишков, на которые они могли бы полагаться в голодные годы, случающиеся слишком часто. Многие обычаи и фольклор нуэров определяются именно этой нехваткой продовольствия. В одном из их рассказов содержится поучительная история о том, что когда-то желудок Человека жил самостоятельно в буше и питался мелкими насекомыми, поджаренными на костре, а «Человек был создан без желудка. Желудок был создан отдельно». Однажды Человек, гуляя по бушу, встретил Желудок и поставил его на нынешнее место, чтобы он мог хорошо питаться. Живя независимо, Желудок удовлетворялся крошечными кусочками пищи, а теперь был постоянно голоден. Сколько бы он ни ел, ему все равно вскоре захочется больше.

Сезонные колебания в количестве и качестве питания важны в социологическом смысле по ряду причин, хотя не все эти причины имеют отношение к настоящему исследованию. Однако важно отметить, что именно из-за изобилия сорго церемонии проводятся во время дождей, ибо ритуал редко бывает полноценным без каши и пива, а также без мяса, поскольку для церемонии обязательно жертвоприношение. Свадьбы, инициация и религиозные церемонии различного рода проводятся в дожди и в начале засухи, обычно после сбора первого урожая сорго. Это и самый удобный период для набегов на динка. Нуэры говорят, что голод и война — плохие компаньоны и что в разгар сухого сезона они слишком голодны, чтобы воевать. Характерно, что в это время значительно реже индивидуальные и межобщинные конфликты, чем в дождливые месяцы, когда нуэры насыщаются зерном и мясом, а иногда и хмелеют, особенно во время свадебных танцев. Молодые люди тоже не очень склонны к танцам во время засухи, тогда как в дожди они танцуют сколько душе угодно, не считая затруднительным пройти много миль, чтобы присутствовать на свадьбах, на которых они танцуют с вечера и до самого утра. Темпы жизни в деревне не те, что в лагере. Из-за больших разливов во время дождей

коллективная деятельность имеет место главным образом в начале и конце — даже больше в конце — сезона дождей.

Случающаяся время от времени нехватка пищи и тот факт, что большую часть года от достатка до голода всего один шаг, ведут к высокой степени взаимозависимости членов небольших локальных групп, которые в той или иной мере владеют общими продовольственными ресурсами. Хотя каждое домохозяйство имеет свое собственное продовольствие, варит свою пищу и само удовлетворяет потребности своих членов, все же мужчины — и в меньшей степени женщины и дети — так часто едят в гостях друг у друга, что на первый взгляд может показаться, что вся деревня питается общими запасами. Правила гостеприимства и обычаи, касающиеся дележа мяса и рыбы, ведут к тому, что люди куда охотнее и чаще делятся ими, чем предполагали бы сами по себе принципы собственности на продукты питания. Молодые люди едят во всех соседних загонах; каждое домохозяйство варит пиво, и в гости тогда приходят соседи и родичи; тех же людей кормят и поят пивом, когда они собираются все вместе, чтобы помочь соседу в выполнении трудной и тяжелой работы; в лагерях у мужчин считается долгом вежливости посещать ветровые заслоны друзей, чтобы попить с ними молока; специальный сосуд из тыквы с кислым молоком всегда хранится для гостей; когда приносят в жертву быка или убивают дикое животное, мясом всегда делятся с соседями и родичами; принято также отдавать часть улова рыбы любому человеку, который об этом попросит; люди помогают друг другу, когда не хватает молока или зерна и т. п. Такая взаимопомощь и совместное потребление пищи, особенно в компактных лагерях сухого сезона, относятся скорее к проблеме семейных и родственных отношений, а не к нашей теме. Я хочу подчеркнуть здесь лишь следующее: 1) обычай делиться и делить поровну легко понять, если учесть, что речь идет о группе, где каждый время от времени может оказаться в тяжелом положении. Поэтому скорее нужда, а не недостаток делает людей такими щедрыми: благодаря этому все могут избежать голода. Тот, кто нуждается сегодня, получает помощь от того, кто может попасть в нужду завтра; 2) хотя обычай делиться пищей особенно широко распространен в небольших семейных и родственных группах, взаимопомощь и гостеприимство настолько характерны для жителей деревень и лагерей, что можно говорить о совместном хозяйстве этих общин, которые в данной книге я рассматриваю как самые мелкие политические группы в стране нуэров и внутри которых, естественно, существуют узы родства, свойства, возрастных групп и т. п.

10. Я говорил о продовольственных ресурсах нуэров в связи с их экологией, а сейчас хочу кратко рассказать, с той же точки зрения, и об их материальной культуре. Появляясь на

свет, нуэр вступает не только в окружающую природную среду, но и в культурную среду, являющуюся продуктом человеческого труда. Мир человека, в свою очередь, порожден внешним миром: его форма и содержание строго обусловлены природными ресурсами. В стране нуэров нет тех двух видов сырья, которые играли столь важную роль в изготовлении примитивных орудий, — железа и камня. У нуэров всегда было мало железных изделий. До недавнего времени у них было очень мало железных копий, хранившихся как фамильное сокровище; вместо них они пользовались выпрямленными рогами антилоп и диких козлов, эбеновым деревом и ребрами жираф — все это находит применение и сейчас, хотя почти исключительно в танцах. Деревянные мотыги употреблялись для обработки полей, применяются с этой целью они иногда и сейчас. Железные бубенцы редки и высоко ценятся даже в наше время, а в старые времена железные кольца и браслеты считались ценнейшим имуществом. Их сменили в повседневной жизни деревянные бубенчики, кольца и браслеты из кожи и слоновой кости. Нуэры не имеют представления о плавке железной руды и очень плохо разбираются в кузнечном деле. Я ни разу не видел кузницы, и, хотя в стране нуэров, конечно, есть кузнецы, их изделия очень грубы, а кузнечное дело в целом считается нововведением, во всяком случае в большинстве районов. Копья, купленные у арабских купцов, сделаны методом холоднойковки.

В стране нуэров нет также никакого прочного камня. Вне деревень я никогда не видел ни одного камня. Иногда их приносят из соседних районов и употребляют для полировки металлических украшений, разглаживания шкур и т. д. Молоть зерно, по-видимому, нуэры начали недавно. Скалку делают из древесины колючего кустарника, а жернов — из обожженной болотной глины, смешанной с тонко растолченными обломками керамической посуды. Из глины, земли и песка нуэры делают также горшки, сосуды для хранения зерна, трубки, игрушки, очаги и заслонки от огня, выкладывают стены загонов и хижин, покрывают полы и те части сооружений, которые им хочется сохранить гладкими и чистыми.

Природа, лишившая нуэров железа и камня, не балует их и древесиной. Большие деревья редки. Колючие и низкорослые кустарники дают древесину для строительства, для изготовления древков копий и гарпунов, дубинок, пестиков, подголовников, корзин и т. п. В стране нуэров, пожалуй, нет древесины, пригодной для резьбы, как нет и деревянной утвари. Даже эбеновое дерево, из которого нуэры делают копья, здесь не растет. Дерево амбач (*Aeschynomene elaphroxylon*) растет в некоторых болотистых районах, и из него делают посохи, табакерки, подголовники и сиденья. Для костров в крытых загонах употребляется сушеный навоз, а дерево как топливо употребляется только в кухнях, иногда его заменяют травами и стеблями сорго. Травы, стебли сорго и некоторые растения ис-

пользуются и для других целей: на стропила, ветровые заслоны, кровлю, плетение веревок и корзин и т. д. Тыквы выращивают для изготовления сосудов и домашней утвари.

Поскольку нуэры лишены железа и камня, они пользуются растительными материалами и глиной. Животные также дают ценные материалы, как это видно из приведенного выше перечня вещей, которые нуэры изготавливают из туловища животного и продуктов животноводства. Иногда вместо туши домашних животных используются, но в небольшой мере, и туши диких зверей. Так, шкуры антилоп тьянг и кобус применяются как спальные подстилки, шкура водяного козла натягивается на барабан, шкура жирафы идет на изготовление веревок, рога буйвола — на ложки, а кости и шкуры разных животных и бивни слонов — на ручные и ножные браслеты, кольца на пальцы и т. п. Изредка шкуры диких животных используют для изготовления предметов, на которые шкуры рогатого скота не годятся. Так, из шкур гиппопотама и буйвола делают щиты и сандалии, последние изготавливают и из шкуры слона; из рогов и ребер, как упоминалось выше, — наконечники копий; из шкур леопардов и виверр — одеяния для ритуалов и церемоний и т. д. Из яиц страусов и раковин гигантских земляных улиток изготавливают украшения для набедренных повязок; раковинами также косят колосья сорго во время сбора урожая.

Я рассказал о том, как используются некоторые продукты животноводства и охоты, чтобы дать читателю представление, какие ограничения накладывает окружающая среда на хозяйство нуэров и как им удается преодолеть природную бедность края. Если добавить и приведенный ранее перечень способов использования продуктов домашнего скота, то можно сказать, что нуэры живут не в железном и даже не в каменном веке, а в веке (как бы его ни именовать), в котором все технические потребности удовлетворяются с помощью растений и животных.

Недостаток пищевых продуктов и сырья можно компенсировать торговлей. Однако нуэры ею почти не занимаются. Большая часть их железного оружия и железных украшений перешла к ним через руки динка от так называемых народов джур (группа бонго-митту) и от живущих к западу от Нила племен динка, умеющих обрабатывать железо. Основная часть этих предметов, конечно, трофеи, но кое-что нуэры и выменивали [31, с. 44]. Восточные гааджак выменивали железо на слоновую кость у галла из Эфиопии, но я сомневаюсь, чтобы много железа поступило из этого источника до подчинения эфиопами западных галла в конце XIX в. В начале нынешнего века слоновая кость из страны нуэров продавалась на эфиопских рынках, и так продолжалось до недавнего времени. Немалое расстояние отделяло эти рынки от главного источника слоновой кости на острове Зераф, и люди из района восточных гааджак в сухой сезон (и в другие сезоны) доставляли к р. Эз-Зераф скот, табак и наконечники копий и возвращались со слоновой

костью. За хороший слоновый бивень давали до двадцати голов рогатого скота [20]. Несколько лет назад эту торговлю запретили, и, очевидно, она длилась недолго, так как у ранних авторов нет никаких намеков, позволявших бы предположить, что торговля могла иметь место до второго завоевания Судана египтянами и подчинения эфиопами нынешней Западной Эфиопии. На р. Эз-Зераф с середины XIX в. велась в небольших масштабах торговля слоновой костью между нуэрами и арабами. Взамен кости предлагались, вероятно, металлические украшения и бусы из венецианского стекла. Нуэры, по-видимому, получали немного табака, а иногда каноэ от ануаков с рек Баро и Гила, но вероятнее всего, они приобретали эти предметы в результате набегов. Я не пишу о торговле, которую ведут сейчас в крайне незначительных масштабах арабские торговцы, с трудом влачащие существование в различных районах на берегах главных рек и не получающие чаще никакой выгоды от торговли. Нуэры приобретают у них копья, мотыги, рыболовные крючки, украшения, а иногда наковальни, жернова и т. п., арабы же покупают у нуэров бычьи шкуры, а иной раз и быков. Эта торговля не оказывает заметного воздействия на хозяйство нуэров. Свой труд нуэры не продают.

В заключение можно сказать, что торговля в жизни нуэров — крайне незначительное явление. Есть много факторов, объясняющих это обстоятельство. Я упомяну только несколько из них. Нуэрам нечего продавать, кроме скота, а с ним они не склонны расставаться. Они думают только об увеличении поголовья, но помимо того, что им нечего предложить взамен за скот, они считают, что легче и приятнее приобрести его путем набегов на динка. Они редко поддерживают столь дружественные отношения с соседями, чтобы успешно торговать с ними, и хотя случается, что они ведут обмен с динка и ануаками, большинство предметов, приобретенных от этих народов, — военная добыча. У нуэров нет денег, рынков и никакого транспорта, если не считать носильщиков. Другая причина — и это требуется подчеркнуть — исключительный интерес нуэров к своему скоту. Из-за такого узкого характера интересов нуэров не привлекает продукция других народов, в которой они не нуждаются и к которой чаще всего относятся с презрением.

Внутри самой страны нуэров обмен почти не производится, поскольку хозяйство там малоспециализированно, а сырье во всех районах края одно и то же. Если не считать обмена мелкими предметами и услугами, о чем будет идти речь в следующей главе, то единственный вид торговли, который мне удалось наблюдать, это обмен в голодный год племенем лу скота, главным образом быков, на зерно восточных гааджок. Я не думаю, чтобы подобный обмен производился до оккупации страны англичанами, хотя, как рассказывают нуэры, иногда в тяжелые годы жители одного и того же района меняли скот на зерно.

Надо признать, что низкий уровень техники нуэров, ску-

дость продовольственных ресурсов и ограниченная торговля должны были оказать влияние на их общественные отношения. Как бы то ни было, их общественные связи сужены; жители деревни и лагеря в моральном отношении тесно сплочены, крайне взаимозависимы и склонны к коллективной деятельности. Это особенно хорошо заметно в сухой период, когда скот многих семей стоит на привязи в общем краале и его гонят как единое стадо на пастбище, а вся повседневная деятельность подчинена единому общему ритму жизни.

Может быть, скажут, что я не прав, утверждая, что есть еще одна причина, почему крайне простая материальная культура сужает общественные связи. С одной точки зрения, техника — это экологический процесс: приспособление человеческого поведения к природным условиям. С другой точки зрения, материальную культуру можно рассматривать как часть общественных отношений, поскольку материальные предметы — это цепь, по которой развиваются общественные отношения, и чем проще материальная культура, тем многообразнее выражаемые через нее отношения. Я приведу несколько примеров, не вдаваясь в дальнейшие объяснения. Малая семья привязана к хижине, домохозяйство — к крытому загону для скота, большая семья — к усадьбе, деревенская община — к своей песчаной гряде, а деревенские общины связаны между собой тропами. Стада скота служат теми ядрами, вокруг которых концентрируются родственные группы, и отношения между членами таких групп осуществляются через скот и выражаются категориями скотоводства. Любой небольшой артефакт может служить связующим звеном между людьми. Так, например, копье, передаваемое по наследству от отца к сыну, — это символ их отношений и именно то связующее звено, благодаря которому эти отношения поддерживаются. Таким образом, люди не только создают свою материальную культуру и привязывают себя к ней, но и строят через нее свои отношения и судят о них в ее категориях. Поскольку у нуэров очень мало различных видов материальных предметов и очень мало экземпляров каждого вида, общественное значение предметов возрастает, так как они должны служить средством установления определенных отношений между людьми, вследствие сказанного им часто придаются ритуальные функции. При этом вместо того чтобы рассеиваться по многочисленным цепям материальных звеньев, общественные отношения из-за скудости материальной культуры сужаются до нескольких простых точек, где фокусируются интересы. Можно предполагать, что это ведет к сужению диапазона форм отношений при высоком уровне солидарности внутри небольших локальных и родственных групп, и перед нами должна предстать весьма простая социальная структура.

Можно сказать, что наиболее яркие черты характера нуэров соответствуют низкому уровню их техники и скудным продовольственным ресурсам. Я снова хочу подчеркнуть, что их

жизнь сурова. Но думаю, что все, кто жил среди нуэров, согласятся, что, хотя они очень бедны в материальном отношении, духом они крепки. Выросшие в трудностях и голоде (и то и другое они презирают), они покорно воспринимают любые несчастья и мужественно переносят их. Довольствуясь тем, что имеют, они с презрением относятся ко всему, что находится вне их жизни. Насмешливая гордость нуэров удивляет постороннего наблюдателя. Они полагаются друг на друга и лояльны и щедры по отношению к своим родичам. Можно даже в какой-то мере объяснить их ярко выраженный индивидуализм необходимостью сопротивляться постоянным домогательствам родичей и соседей, которым они не могут противопоставить ничего, кроме своего упрямства. Нуэры и сами высоко ценят упомянутые нами черты их характера — смелость, щедрость, терпеливость, гордость, лояльность, упрямство и независимость, и совершенно ясно, что все эти качества отвечают их простому образу жизни и порождаемой им простой системе общественных отношений.

11. Нет необходимости писать подробнее о том, что мы имеем общим термином — экономика. О ней мы еще скажем при рассмотрении родственных отношений и семейной жизни. Я только попрошу читателя запомнить следующие пункты: 1) нельзя рассматривать хозяйственные отношения нуэров сами по себе, так как они всегда составляют часть прямых социальных отношений общего характера. Так, разделение труда — это часть общих отношений между людьми разных полов и различного возраста, между супругами, между родителями и детьми, между родичами любого порядка и т. д.; 2) специализация существует, хотя она и носит случайный характер, и нет занятий, которые можно было бы рассматривать как профессии. Некоторые женщины делают горшки, жернова и корзины лучше других; только кузнецы умеют изготавливать те или иные предметы; есть лишь немного людей, знающих, как сделать и как надеть на руку тугие браслеты, которые юноши носят, чтобы доказать свою выносливость, и т. д. Люди, желающие получить эти предметы, или просят подарить их в знак родства или дают изготовителю за его работу немного сорго, или же делают ему подарок, когда для этого подвернется удобный случай. Человек, желающий получить предмет, и его изготовитель всегда принадлежат к одной и той же локальной общине, ведут дела друг с другом, не обмениваются предметами через посредство третьего лица, и между ними всегда существуют те или иные общие социальные отношения, а их хозяйственные отношения, если их можно так назвать, должны отвечать этому общему характеру поведения; 3) у нуэров почти нет имущественного неравенства и нет классовых привилегий. Человек не приобретает больше предметов, чем он может использовать.

Если бы он приобрел их, ему оставалось бы только отдать их другим. Правда, можно накапливать поголовье скота, но, если не считать сакральных стад, принадлежащих «пророкам», это не происходит. Как говорилось выше, из-за периодических вспышек чумы стада редуют, и, кроме того, когда стадо достигает определенного размера, его владелец (если можно вообще говорить о владельце стада, на которое имеют определенные права многие люди) морально обязан избавиться от части стада, вступая в брак сам или помогая сделать это своему родичу. Иногда корову или быка дают в долг, и их владелец имеет право получить в уплату долга животных лучше тех, каких он одолжил, например телка за одолженного быка. Но люди дают в долг скот только тем, с кем у них установлены прочные социальные отношения; 4) в узком смысле этого термина малую семью можно назвать хозяйственной единицей, но, как мы видели, она не является самообеспечивающейся, и часто требуется активное участие более широкой группы, как, например, при строительстве жилищ, рыбной ловле и охоте. Совершенно ясно также, что одна семья не может в одиночку пасти свой скот на далеких пастбищах и в то же время пасти телят в другом месте, ухаживать за маленькими телятами в краале, доить коров, пахтать молоко, чистить крааль, готовить навоз на топливо, варить пищу и т. п. Кооперация обнаруживается среди соседей, являющихся одновременно и родственниками. Но и когда не требуется кооперации для проведения каких-либо работ, люди прибегают к взаимопомощи, скажем, при прополке или сборе урожая, так как общепринято просить у людей помощи, и она составляет часть общих родственных отношений; 5) надо признать также, что рыбная ловля, охота, выпас скота и другая описанная мною деятельность всегда в определенном смысле слова является коллективной деятельностью, потому что, если даже и не имеет места активная кооперация, вся община пассивно участвует в этой деятельности. Один человек может выгнать стадо на пастбище, один мальчик может ловить рыбу в мелководье, одна женщина может варить пищу, но все они могут это делать только потому, что принадлежат к общине, и потому, что их действия взаимосвязаны в единой производственной системе. Традиция определяет цели и средства, а организация и потенциальная сила общины обеспечивают согласованность и безопасность, необходимые для достижения этих целей. Мы уже отмечали, что на первый взгляд вся деревенская община потребляет общие запасы продовольствия. Но точно так же можно сказать, что вся община и создает их.

Резюмируя этот вопрос, я повторяю, что хозяйственные отношения нуэров — это часть общих социальных отношений и что эти отношения, будучи в основном семейного или родственного характера, выходят за рамки нашего исследования. Однако я должен подчеркнуть, что между членами различных сегментов деревни существуют тесные хозяйственные отношения

и что у всех жителей деревни есть общие хозяйственные интересы, так как они представляют собой общность, владеющую своими полями, местами рыбной ловли и пастбищными землями, содержащую свой скот в компактном лагере в засуху, действующую заодно при обороне и выпасе скота и участвующую, особенно в мелких деревнях, в коллективном труде и распределении продовольствия. Все это надо принять как нечто неоспоримое при дальнейшем рассказе о деревнях нуэров. Затем необходимо упомянуть, что климатические условия в сочетании с пастушеским образом жизни ведут к тому, что общественные отношения выходят за рамки деревни и придают экономический смысл существованию более широких политических групп. Это утверждение мы разберем несколько позже.

12. Я хочу подчеркнуть следующие соображения общего характера, чтобы суммировать выводы двух первых глав, которые имеют особое отношение к изучению политических институтов нуэров:

1) экологическая среда, судя по всему, находится в равновесии. Поэтому скотоводство, земледелие и рыболовство могут оставаться главными занятиями населения, но улучшить их нельзя. Человек сохраняет свои позиции в этой борьбе, но не идет вперед;

2) необходимость смешанного хозяйства — следствие экологического равновесия. Чума рогатого скота не позволяет полностью зависеть от молочных продуктов; климат мешает полной зависимости от зерна; гидрологические колебания не разрешают полностью полагаться на рыболовство. Эти три элемента, вместе взятые, дают нуэрам возможность жить, и их сезонное расселение определяет их образ жизни в различные периоды года;

3) окружающая среда обуславливает в этом смешанном хозяйстве преобладание скотоводства, и, очевидно, такое преобладание было еще сильнее до появления чумы рогатого скота. Это вполне согласуется с тем местом, какое занимает скот в системе ценностей у нуэров;

4) полностью оседлая и полностью кочевая жизнь одинаково несовместимы с хозяйственной системой нуэров, которая требует отгонного скотоводства. Расположение и размеры деревень сезона дождей и направление передвижений в сухой сезон определяются экологическими условиями. Экологический ритм делит год нуэров на две части — сезон дождей, когда они живут в деревнях, и сухой сезон, когда они живут в лагерях; а жизнь в лагере делится на две части — ранний период небольших временных лагерей и поздний период крупных концентраций людей на местах, которые они занимают из года в год;

5) нехватка продовольствия, низкий уровень техники и отсутствие торговли создают прямую взаимозависимость между

членами небольших локальных групп, способствуют превращению их в экономические общности (а не просто группы, объединенные единым местом жительства), которые приобретают определенное политическое содержание. Те же самые условия и пастушеский образ жизни в трудных условиях порождают косвенную взаимозависимость между людьми, живущими в более обширных районах, и вынуждают их создавать политические структуры;

б) существовавшая ранее тенденция к миграции, нынешняя система отгонного скотоводства и желание компенсировать потери в поголовье скота путем набегов на динка увеличивают политическое значение единиц, более крупных, чем деревни, так как изолированные деревни не могут — по экономическим и военным причинам — добиться самообеспеченности. Это позволяет нам говорить о политической системе как о системе структурных отношений между территориальными сегментами, более крупными, чем деревенские общины.

Глава III

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО

1. В этой главе мы вернемся к рассказу об интересе нуэров к скоту и об их отношении к окружающему миру, а также сделаем шаг вперед к рассмотрению их политической структуры. Экология разнообразно влияет на социальные отношения у нуэров; при этом значение, придаваемое экологическим отношениям, важно для понимания и социальных связей, которые образуют подсистему внутри экологической системы, частично зависящую от нее, а частично существующую автономно. В итоге почти все концепции времени и пространства определяются физическим окружением, но воплощаемые ими ценности являются лишь одной из многих возможных реакций на это окружение и зависят также от структурных принципов, относящихся к реальности иного порядка. В этой книге мы описываем не космологию нуэров, а их политические и другие институты, и поэтому нас интересует главным образом влияние экологических отношений на эти институты. Например, мы не рассказываем о том, как нуэры классифицируют птиц по линиджам по образцу своей собственной линиджной структуры. Итак, настоящая глава служит своеобразным мостиком между двумя частями книги, но мы пойдем по нему только в одном направлении.

При описании концепций времени, существующих у нуэров, мы делаем различие между теми, что являются отражением их отношения к окружающей среде (их мы именуем экологическим временем), и теми, что являются отражением отношений нуэров друг с другом в социальной структуре (их мы называем структурным временем). И то и другое время указывает на происходившие в определенной последовательности события, которые представляли такой интерес для общины, что запечатлелись в памяти и оказались связанными друг с другом концептуально. Более продолжительные периоды времени почти полностью структурные, потому что происходящие в эти периоды события — это изменения в отношениях между социальными группами. Более того, исчисление времени, основанное на изменениях в природе и реакции человека на эти изменения, ограничивается годичным циклом, и поэтому оно непригодно для различения периодов более длительных, чем сезоны. И то и другое время имеет ограниченный и твердо установленный порядок исчисления. Сезонные и лунные изменения повторяются из года в год, так что нуэр, находящийся в любой временной точ-

ке, имеет представление о том, что его ожидает, и может предвидеть и организовать должным образом свою жизнь. Структурное будущее человека тоже заранее твердо зафиксировано и распределено по определенным периодам, так что можно предвидеть те общие изменения, которые произойдут в статусе мальчика за время предначертанного ему продвижения через социальную систему, если он проживет достаточно долго. Человеку, продвигающемуся в социальной системе, структурное время представляется поступательным, но, как мы увидим, это, пожалуй, иллюзия. Экологическое время представляется — и является на самом деле — циклическим.

Экологический цикл — это год. Его характеризует четкое ритмическое передвижение нуэров из деревень в лагеря и обратно. В году (*руон*) имеются два главных сезона — *тот* и *маи*. *Тот* длится примерно с начала марта до середины сентября и отчасти соответствует подъему кривой выпадения осадков, хотя он и не захватывает весь период дождей. Сильные дожди могут пролиться в конце сентября и начале октября, и край останется затопленным в эти месяцы, хотя они уже входят в половину года *маи*. Последняя начинается с уменьшением дождей (но не в конце их) и отчасти соответствует нижним точкам кривой, относящимся примерно к периоду с середины сентября до середины марта. Поэтому два названных сезона лишь приблизительно совпадают с нашим делением года на дожди и засуху; нуэрская же классификация хорошо суммирует их представление о движении времени, а особое внимание к месяцам, промежуточным между сезонами, отражает фактические климатические условия. Как бы то ни было, в середине сентября нуэры начинают думать о жизни в пастушеских лагерях с их рыбной ловлей, и им кажется, что жизнь в деревне и земледелие уже позади. Они начинают говорить о лагерях так, будто они уже существуют, и ждут не дождутся, когда можно будет двинуться в путь. Это беспокойство еще сильнее заметно к концу засухи, когда, увидев, как тучи затягивают небо, люди начинают думать о жизни в деревнях и готовятся к тому, чтобы снять лагерь. Таким образом, промежуточные месяцы можно отнести и к *тот*, и к *маи*, поскольку в них осуществляется один вид деятельности, но уже предвидится другой вид; концепция же сезонов порождена скорее социальной деятельностью, а не климатическими изменениями, и год для нуэров — это период жизни в деревне (*чъенг*) и период жизни в лагере (*веч*).

Я уже отмечал важные физические изменения, связанные с дождями и засухой, и их можно видеть на схемах 2 и 3. В последней главе я также описал происходящее вслед за этими изменениями экологическое движение — в той мере, в которой оно отражается на жизни человека. Сезонные изменения социальной деятельности, на которых и основаны нуэрские концепции времени, также мною упомянуты, а о их экономическом значении я говорил уже довольно подробно. Главные характерные черты

Май Июнь Июль Август Сентябрь Октябрь Ноябрь Декабрь Январь Февраль Март Апрель

ДОЖДИ

ЗАСУХА

ПОДЪЕМ ВОДЫ В РЕКАХ

ПАДЕНИЕ ВОДЫ В РЕКАХ

ОГОРОДНИЧЕСТВО

Подготовка участка
для первого посева
сорго и под кукурузу

Подготовка участка
ко второму посеву
сорго

Сбор
кукурузы

Сбор первого
урожаея сорго

ВЫЖИГАНИЕ БУША

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ

СТРОИТЕЛЬСТВО И РЕМОНТ

Сбор второго
урожаея сорго

ОХОТА

И СОБИРАТЕЛЬСТВО

НЕДОСТАТОК ПИЩИ

ИЗОБИЛИЕ ПИЩИ

ДЕРЕВНИ

Взрослые Молодежь
возраста- возвраща-
ются в ется в
деревни деревни

ЛАГЕРИ

Молодежь в раянних
лагерях

Все в лагерях сухого сезона

Свадьбы, инициации, похороны и другие церемонии

Главный сезон набегов на динка

Схема 5. Распределение сельскохозяйственных работ в течение года

этого трехпланового ритма — физического, экологического и общественного — показаны на схеме 5.

Нуэры наблюдают за движением не только солнца и луны, но и других небесных тел, за направлением и изменениями направления ветров, за миграцией некоторых видов птиц, но они не регулируют по ним свою деятельность и не пользуются ими как точками отсчета при сезонном исчислении времени. Сезоны точнее всего определяются по тем явлениям, которые влияют на передвижения людей: выпадение дождей, наличие растительности, передвижение рыбы и т. д. Именно потребности скота и колебания в продовольственных ресурсах преобразуют экологический ритм в социальный ритм года; именно контраст между образом жизни в разгар дождей и в разгар засухи дает концептуальные полюсы при исчислении времени.

Нуэры считают, что кроме двух главных сезонов — *тот* и *маи* — между ними есть еще два переходных, второстепенных периода. У четырех сезонов нет четких границ, они накладываются один на другой. Так же как мы делим год на зиму и лето и говорим о весне и осени, нуэры делят год на *тот* и *маи* и говорят о сезонах *рвил* и *джиом*. *Рвил* — это время перехода из лагеря в деревню, время расчистки полей и посева — примерно с середины марта до середины июня, т. е. до того, как дожди достигнут своего пика. Этот период считается частью полугодия, именуемого *тот*, хотя он и отличается от собственно *тот* — периода полнокровной деревенской жизни и земледелия, длящегося примерно с середины июня до середины сентября. *Джиом* (это означает «ветер») — период, когда постоянно дует северный ветер и люди собирают урожай, ловят рыбу в запрудах, выжигают буш и создают ранние лагеря — примерно с середины сентября до середины декабря. Этот период считается частью полугодия, именуемого *маи*, хотя он и отличается от собственно *маи* — времени примерно с середины декабря до середины марта, когда создаются главные лагеря. Поэтому, грубо говоря, есть два главных сезона по шесть месяцев или четыре малых сезона по три месяца. Однако такое деление года нельзя считать абсолютным, потому что эти сезоны не точные единицы времени, а скорее расплывчатое концептуальное осмысление изменений в экологических отношениях и социальной деятельности, которые незаметно переходят из одного состояния в другое.

На схеме 6 линия, идущая от середины марта к середине сентября, — это ось года, приближенно совпадающая с линией

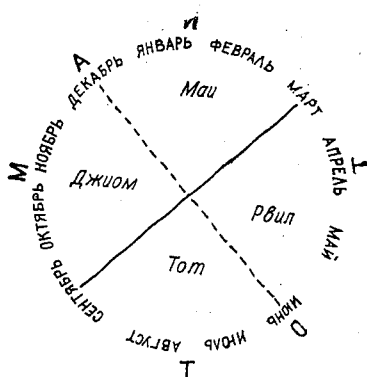
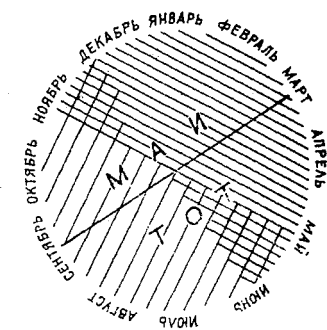

Схема 6. Деление года на сезоны и месяцы

 Часть года, проводимая в деревнях
 Часть года, проводимая в лагерях

Схема 7. Жизнь в деревнях и лагерях по сезонам

раздела между двумя противостоящими системами экологических отношений и социальной деятельности. Но это не полное совпадение, как видно из схемы 7, где показано, в какие сезоны нуэры живут главным образом в лагерях, а в какие — в деревнях. Нуэры, особенно молодые люди, все еще находятся в лагере часть периода *тот* (большую часть *рвил*) и остаются (особенно пожилые люди) в деревне часть периода *маи* (большую часть *джиом*), но во время собственно *тот* все находится в деревнях, а в период собственно *маи* все живут в лагерях. Поскольку слова *тот* и *маи* не являются точными единицами исчисления времени, а означают вид социальной деятельности, характерный или для разгара засухи, или для разгара

дождей, то нуэр иногда говорит, что он будет «делать» *тот* или *маи* в том или ином месте.

В году двенадцать месяцев, по шесть в каждом главном сезоне, и большинство взрослых нуэров могут перечислить их по порядку. В приведенном ниже списке месяцев мы не могли совместить название каждого месяца нуэров с европейским названием месяца, потому что наши римские месяцы не имеют никакого отношения к луне. Однако видно, что месяц нуэров охватывает период от середины одного до середины следующего европейского месяца, но большая часть его совпадает с первым, а не со вторым из них:

тир	сентябрь — октябрь
лат	октябрь — ноябрь
кур	ноябрь — декабрь
тиоп/индит	декабрь — январь
тиоп/ин/тот	январь — февраль
пет	февраль — март
дуонг	март — апрель
гваак	апрель — май
дват	май — июнь
корнюот	июнь — июль
паятнки (пайиене)	июль — август
тоор	август — сентябрь

Нуэры быстро запутались бы в своем лунном календаре, если бы постоянно подсчитывали фазы луны¹⁵, но с каждым месяцем связана определенная деятельность, и об этой связи свидетельствует иногда название месяца. Календарь связывает цикл различного рода видов деятельности и концептуальный цикл. Эта связь не может нарушиться, так как концептуальный

цикл зависит от цикла видов деятельности, определяющего его значение и функции. Таким образом, двенадцатимесячная система не доставляет неудобств нуэрам, поскольку календарь крепко привязан к циклу экологических изменений. В месяце *кур* строят первые запруды для рыбной ловли и создают первые лагеря для скота, так что если люди заняты этой деятельностью, значит, это и есть *кур* или примерно тот же период. Точно так же во время месяца *дват* снимают лагерь и возвращаются в деревни, а поскольку люди совершают такой переход, это должен быть *дват* или примерно тот же период. В результате календарь остается довольно стабильным, и во всех районах страны нуэров текущий месяц называют одинаково.

По своему опыту я знаю, что нуэры не часто произносят название месяца для обозначения времени, когда произошло то или иное событие, указывая обычно лишь главный вид деятельности, которым характеризуется данное время, например: во время ранних лагерей, во время свадьбы, во время сбора урожая и т. п. Это вполне объяснимо, так как время для нуэров есть отношение между различными видами деятельности. Так, в период дождей они часто определяют время события, ссылаясь на стадию роста сорго или на работы, проведенные по обработке полей сорго. На скотоводческую деятельность, поскольку она примерно одинакова во все месяцы и сезоны, редко ссылаются при исчислении времени.

Между месяцем и сутками нет никаких промежуточных единиц времени. Говоря о событии, происшедшем за день или два, нуэры ссылаются на какое-либо другое событие, которое происходило в то же время, или подсчитывают, сколько прошло «снов» или, реже, «солнц». Есть термины, обозначающие «сегодня», «завтра», «вчера» и т. д., но они крайне неточны. Когда нуэр хочет назвать время предстоящего через несколько дней события, например танцев или свадьбы, он указывает на фазы луны: новолуние, первая четверть, полнолуние, последняя четверть, яркость луны в последней четверти. Если же он хочет определить день события точнее, то указывает, в которую именно ночь фазы роста или фазы убывания луны оно произойдет, считая по пятнадцать дней в каждой фазе и по тридцать дней в месяце. Нуэры говорят, что только скот и ануаки могут видеть луну во время ее невидимого периода. Что касается ночных лунных фаз, то имеются только термины, описывающие внешний вид луны незадолго до и во время полнолуния.

Движение солнца часто используется для исчисления времени, и, как правило, говоря о предстоящем событии, указывают на ту часть неба, где будет в то время находиться солнце.

Есть также много терминов (различной степени точности), которые обозначают положение солнца на небе, хотя, по моим наблюдениям, в основном употребляют только те из них, которые относятся к ярко выраженным положениям солнца: первый луч зари, восход солнца, полдень и закат. Пожалуй, зна-

чительным является тот факт, что к периоду от 4 до 6 часов утра относится больше солнечных терминов, чем ко всему остальному дню. Это, очевидно, объясняется резкими контрастами, возникающими в эти два часа в результате изменения положения земли по отношению к солнцу, но можно также заметить, что чаще всего ссылаются на различного рода деятельность в эти два часа, так как именно в это время люди отправляются в путешествия, просыпаются, привязывают скот в краалях, охотятся на газелей и т. п. К другим периодам дня, особенно к спокойному времени между 1 и 3 часами дня, такие ссылки на деятельность применяются реже. Есть и несколько терминов для обозначения ночного времени. Лишь незначительная часть их связана с движением звезд. Но и в этом случае терминология, относящаяся к переходному периоду между днем и ночью, богаче, чем для остальной ночи, что можно объяснить теми же причинами. Есть также термины для того, чтобы провести различие между ночью и днем, между поздним утром и послеобеденным временем, между уже прошедшей частью дня и той, что еще впереди.

Если не считать самых распространенных терминов для отдельных периодов дня, то можно сказать, что названные выше термины употребляются намного реже терминов, описывающих виды повседневной деятельности. Ежедневным хронометром служит скот и весь цикл скотоводческих работ, так что течение времени на протяжении дня для нуэров — это прежде всего последовательность таких работ и связь одного вида работы с другим. Наиболее ярко выраженные этапы дня — это перегон скота из загона в крааль, доение, перегон взрослого скота на пастбище, доение коз и овец, перегон коз, овец и телят на пастбище, чистка загона и крааля, перегон домой коз, овец и телят, возвращение взрослого стада, вечерняя дойка и возврат скота в загон. Именно сроками таких работ, а не конкретными положениями солнца на небе нуэры определяют последовательность событий. Так, человек говорит: «Я вернусь во время доения», «Я отправлюсь, когда вернутся телята» и т. п.

Экологическое исчисление времени в итоге полностью определяется движением небесных тел, но только некоторые его элементы основываются непосредственно на этих движениях, например: месяц, день, ночь и некоторые части дня и ночи. На таких элементах сконцентрировано внимание, и их выбирают как точки исчисления времени только потому, что они важны для социальной деятельности. Именно сама деятельность, прежде всего хозяйственная, лежит в основе этой системы и составляет большинство ее элементов, а течение времени воспринимается как последовательность отдельных видов деятельности. Поскольку движение небесных тел имеет значение только по отношению к социальной деятельности, то часто при определении времени события ссылаются или на то, или на другое. Так, человек может сказать: «В сезон *джиом*» или «в ранних лагерях»,

«месяц *дват*» или «возвращение в деревни», «когда солнце начнет пригревать» или «во время доения». Движение небесных тел позволяет нуэрам ссылаться на естественные точки отсчета, которые имеют значение для социальной деятельности. Так, ночи, или скорее «сны», — более точные единицы времени, чем дни, или «солнца», потому что это не дифференцированные элементы социальной деятельности. Месяцы, или скорее «луны», хотя и являются дифференцированными единицами природного времени, употребляются реже как точка отсчета, потому что месяцы не являются четко дифференцированными элементами деятельности, тогда как день, год и его главные сезоны — это единицы, которые целиком связаны с теми или иными работами нуэров.

Из рассказа о представлениях нуэров о времени можно сделать некоторые выводы. Время имеет различную ценность на протяжении года. Так, хотя ежедневные скотоводческие работы в лагерях сухого сезона следуют одна за другой в том же порядке, что и в дожди, они проводятся в иные сроки в более жестком порядке, поскольку из-за суровых сезонных условий, особенно когда речь идет о воде и пастбищах, они требуют больше координации и совместных действий. В то же время жизнь в сухой сезон, как правило, не богата событиями, выходящими за рамки повседневной работы, и экологические и социальные отношения более однообразны, чем в дожди, когда часто устраиваются празднества, танцы и церемонии. Когда время рассматривается как отношение между различными видами деятельности, надо помнить, что в дожди и в засуху под ним подразумевается не одно и то же. В засуху дневное исчисление времени более единообразно и точно, а лунному исчислению уделяется меньше внимания, что видно хотя бы по более редкому употреблению названий месяцев, меньшей уверенности в перечислении их по порядку и по общему для Восточной Африки обычаю именовать два месяца сухого сезона одним названием (*тиоп ин дит* и *тиоп ин тот*), причем порядок этих названий может меняться. Соответственно может меняться и темп времени, поскольку представление о времени есть функция систем его исчисления, но мы не в состоянии сказать об этом что-либо определенное.

Хотя я и говорил о времени и о единицах времени, у нуэров нет термина, эквивалентного слову «время» в европейских языках, и поэтому они не могут, как мы, говорить о времени как о чем-то реально существующем, о том, что оно проходит, что его можно зря расходовать, что его можно экономить и т. п. Не думаю, чтобы они когда-либо испытывали ту же необходимость, скажем, выиграть время или сопоставить деятельность с абстрактным отрезком времени, поскольку они выражают время главным образом через саму деятельность, которая, как правило, носит неторопливый характер. События идут в логическом порядке, но они не контролируются какой-либо абстрактной си-

стемой, ибо не существует никаких автономных точек отсчета времени, с которыми точно совпадала бы их деятельность. Нуэрам повезло.

Точно так же у них весьма ограничены возможности исчисления сравнительной продолжительности периодов времени между событиями, поскольку у них мало точно установленных или систематизированных единиц времени. Не имея понятия о часе или других мелких единицах времени, они не способны измерять периоды между отдельными положениями солнца на небе или между повседневными работами. Год действительно делится на двенадцать лунных единиц, но нуэры не рассматривают их как части какого-либо единого целого. Они могут сказать, в каком месяце произошло событие, но с большим трудом выражают абстрактными числовыми символами отношения между событиями. Им намного легче думать категориями различных видов деятельности и последовательности производимых действий, а также категориями социальной структуры и структурных различий, чем понятием о чистых единицах времени.

Мы можем сделать заключение, что нуэрская система исчисления времени в пределах годового цикла и частей этого цикла — это серия концептуализаций природных изменений и что выбор точки отсчета определяется тем значением, которое имеют эти изменения для человеческой деятельности.

2. В определенном смысле всякое время — структурное время, поскольку оно есть концептуализация параллельных, координированных и совместных действий — передвижений группы. Иначе такого рода концепции времени не могли бы существовать: они должны иметь одинаковое значение для каждого члена группы. Время доения и время еды примерно одинаково для всех людей, обычно находящихся в контакте друг с другом, а передвижение из деревень в лагеря имеет примерно одинаковый смысл повсюду в стране нуэров, хотя оно может иметь и особое значение для определенной группы лиц. Однако на определенном этапе мы можем сказать, что время больше не определяется экологическими факторами, а все больше определяется структурными взаимоотношениями, отражая после этого рубежа не зависимость человека от природы, а взаимодействие социальных групп.

Год — самая крупная единица экологического времени. У нуэров есть слова, выражающие понятие позапрошлого года, прошлого года, нынешнего года, будущего года и года, следующего за ним. Таким образом, события, происшедшие за последние несколько лет, являются точками отсчета при исчислении времени, но точки эти различны в зависимости от того, какая группа людей ими пользуется: большая семья, деревня, отдел племени, племя и т. п. Один из наиболее распространенных способов определения года, в который произошло то или иное событие, за-

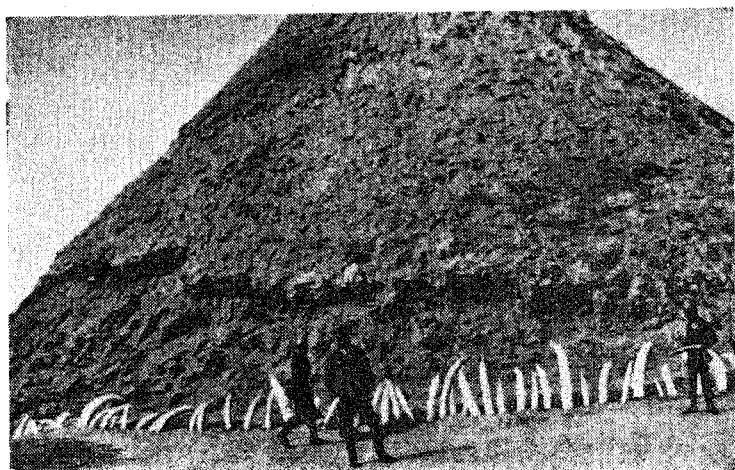

Часть лагерного крааля (лу)

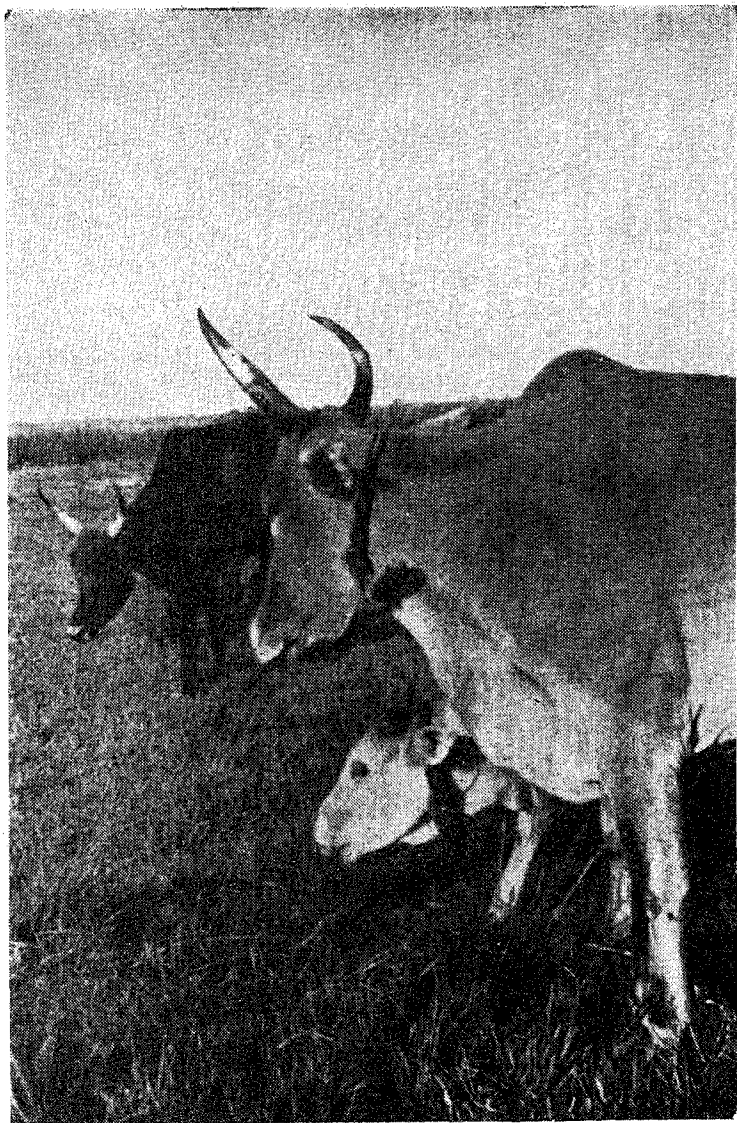
Усадьбы на возвышении (лу)

Пирамда Нгунденга (лу)

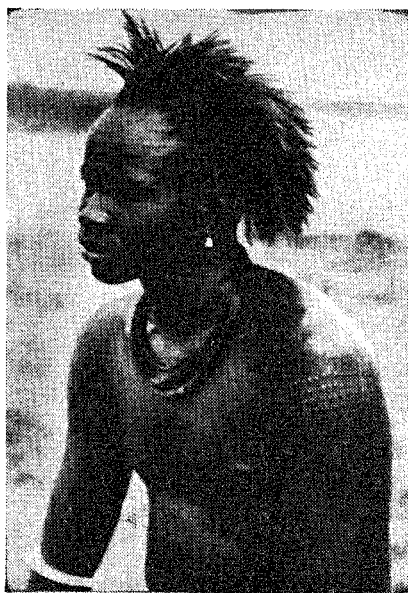
Часть усадьбы и крааль
(восточные гааджак)

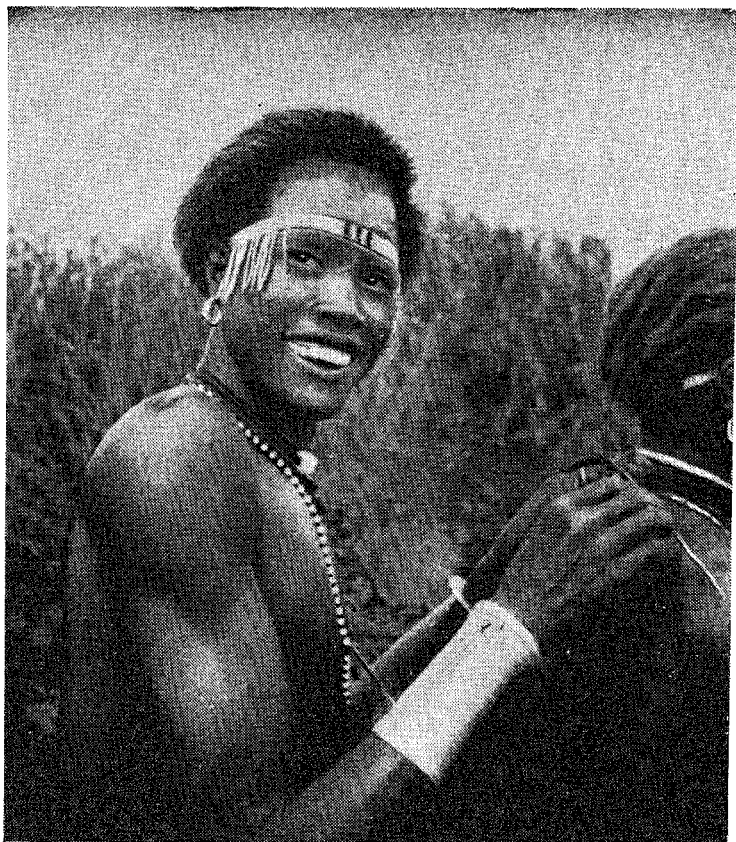
Скот на переходе (лу)

Девочка за доением (лу)

Юноша после того, как он
очистился от прически
из золы

Юпоша, надевающий
своему другу ожерелье
из волос жирафа

Булк с кисточками
на рогах (лу)

ключается в том, что нуэры говорят, где жители деревни устраивали свои лагеря сухого сезона, или же ссылаются на какое-либо бедствие, поразившее скот. Большая семья может определить время по рождению телят в ее стаде. Свадьбы и другие церемонии, столкновения и набеги тоже могут быть точками отсчета времени, хотя в отсутствие численных датировок никто не сможет — не проделав сложнейших подсчетов — сказать, сколько лет назад произошло то или иное событие. Более того, поскольку время для нуэров — это последовательность событий, имевших особое значение для какой-либо группы, то у каждой группы есть своя система точек отсчета, в результате чего возникает соотношение времени со структурным пространством, и время приобретает различное значение в различных местах. Это становится очевидным, если мы взглянем, какие названия дают отдельным годам различные племена (иногда соседние): наводнение, эпидемия, голод, война и т. д. Иными словами, название дается по событиям, которые пережило племя. С течением времени названия отдельных лет забываются, и все события, происходившие за рамками этого грубого исторического исчисления, стираются из памяти и уходят в туманную даль давным-давно минувшего времени. Историческое время в значении последовательного ряда событий, имевших большое значение для племени, уходит в прошлое намного дальше, чем историческое время более мелких групп, но, вероятно, пятьдесят лет являются пределом, и чем дальше в прошлое мы удаляемся от нынешних дней, тем более расплывчатыми и немногочисленными становятся временные ориентиры.

Однако у нуэров есть и другой способ грубо определять, когда произошли те или иные события: не по числу лет, а по системе возрастных групп. Промежуток между событиями в этом случае исчисляется не в понятиях времени, как мы их представляем, а категориями структурного расстояния, отражающего отношения между группами индивидов. Поэтому оно полностью соотносится с социальной структурой. Так, нуэры могут сказать, что событие имело место после рождения возрастной группы *тут* или в период инициации возрастной группы *бойлоч*, но никто не сможет сказать, сколько лет прошло с тех пор. В этом случае время исчисляется по возрастным группам. Если мужчина из возрастной группы *дангунга* говорит, что событие произошло в период инициации возрастной группы *тут*, значит, он имеет в виду, что оно произошло за три возрастных группы до его группы, или шесть групп тому назад. Мы расскажем подробнее о возрастных группах в главе VI. Здесь нужно только сказать, что исчисление времени по возрастным группам нельзя точно перевести на исчисление по годам. Тем не менее мы знаем, что промежуток между началом следующих друг за другом возрастных групп составляет приблизительно десять лет. Существоют шесть возрастных групп, их названия не цикличны, и порядок, в каком одна за другой шли исчезнувшие группы, быстро

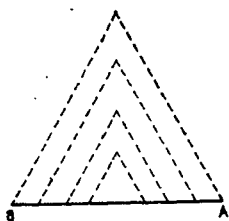

Схема 8. Схема счета времени по поколениям

Структурная система исчисления времени — это или выбор точек отсчета, имеющих значение для локальных групп и составляющих общую и отличительную историю этих групп, или промежутки времени между определенными группами в системе возрастных групп, или же установление последовательности в системе родства и линиджей. Четыре ступени поколений (*кат*) в системе родства представляют собой дифференцированные отношения — дед, отец, сын и внук, и внутри небольшой родственной группы эти отношения дают ее членам возможность ощутить глубину времени и те точки отсчета в генеалогической линии, которыми определяются и обозначаются их отношения. Любые родственные отношения должны иметь точку отсчета в восходящей линии предков, т. е. общего предка, так что такие отношения всегда имеют временное значение, выраженное в структурных категориях. За рамками такой узкой родственной системы это временное значение выражается категориями линиджной системы. Поскольку данный вопрос разбирается в главе V, мы ограничимся пояснительным комментарием к схеме 8. Основание треугольника — это данная группа агнатов, а пунктирные линии, представляющие их призранных агнатных предков, сходятся в верхней точке линиджной структуры — на общем предке каждого члена этой группы. Чем больше мы будем расширять границы этой группы (и тем самым растягивать линию основания), тем дальше в глубь времен будет уходить общий предок (тем самым все дальше от основания будет вершина треугольника). Таким образом, изображенные на схеме четыре треугольника показывают, насколько глубоко в прошлое восходят агнатные отношения (если четыре раза расширять границы группы), и эти треугольники представляют собой минимальный, малый, большой и максимальный линиджи клана. Таким образом, генеалогическое время линиджа — это структурное расстояние между группами индивидов на линии АВ. Поэтому структурное время нельзя понять, не узнав структурного расстояния: оно есть отражение последнего, и мы должны просить читателя извинить нас за столь туманные рассуждения и подождать с критикой, пока у нас не появится возможность точнее объяснить, что подразумевается под структурным расстоянием.

Выше речь шла о системах исчисления времени у нуэров, но мы не говорили о том, как представляет себе время отдельный индивид. Эта проблема изобилует трудностями. Так, индивид может исчислять истекшее время, указывая на внешние физические черты и статус других индивидов, а также на изменения

в своей жизни, но такой метод исчисления времени не имеет большой ценности для коллектива. Надо, однако, сознаться, что наши наблюдения здесь ограничены, и более полный анализ не в наших силах. Мы просто указали на те аспекты проблемы, которые непосредственно относятся к приведенному ранее описанию способов жизнеобеспечения и к описанию политических институтов, о чем речь будет впереди.

Мы отмечали, что движение структурного времени — это в некотором смысле иллюзия, так как структура остается вполне постоянной, а восприятие времени — это не больше чем продвижение индивидов в социальной структуре. Так, возрастные группы сменяют друг друга вечно, но никогда не бывает одновременно больше шести возрастных групп, и сравнительные позиции, занимаемые этими шестью группами в какое-либо время, — это твердо установленные структурные точки, через которые реально существующие группы индивидов проходят в бесконечной последовательности. Точно так же по причинам, которые мы объясним позже, систему линиджей у нуэров можно считать неизменной, так как существует постоянное число ступеней между живущими индивидами и основателем их клана, а линиджи занимают постоянное положение по отношению друг к другу. Сколько бы поколений ни сменяли друг друга, границы линиджей во времени и пространстве не изменяются, если только не произошли структурные изменения.

За пределами исторического времени мы вступаем в область традиций, где определенные исторические факты могут смыкаться со сферой мифологии. Здесь, как мы говорили, точки отсчета времени являются структурными. С одной стороны, эта область традиции смыкается с историей, с другой — переходит в миф. Временная перспектива здесь является не подлинным выражением реальных расстояний (как при применении нашей техники датирования), а отражением отношений между линиджами. Поэтому излагаемые традицией события должны были происходить во время, которому на генеалогической линии соответствуют точки, где смыкаются данные линиджи. Таким образом события имеют определенное место в структуре, но не имеют точного места в историческом времени, как мы его понимаем. За пределами традиции находится сфера чистого мифа, который рассматривается всегда в одной и той же временной перспективе. Одно мифологическое событие не предшествовало другому, потому что мифы объясняют обычаи всеобщего социального значения, а не взаимоотношения определенных сегментов, и потому они не стратифицированы в структурном отношении. Объяснения всяческих свойств природы или культуры черпаются из этой интеллектуальной окружающей среды, и поэтому мир нуэров ограничен и замкнут, а отдельные элементы этого мира становятся недоступными пониманию нуэров. Мир, народы и культуры — все они начинали существование в одном и том же далеком прошлом.

Следует отметить, что временное измерение у нуэров весьма неглубоко. Осязаемая история кончается лет сто назад, а традиция уводит нас назад лишь на 10—12 поколений в линейной структуре. И если наше утверждение, что линейная структура никогда не растет, верно, то, значит, и промежутки между возникновением мира и нынешним временем остаются неизменным. Таким образом, время — это не континуум, а постоянное структурное отношение между двумя точками, первым и последним человеком в генеалогической агнатной линии. Насколько неглубоко представление нуэров о времени, можно судить по тому факту, что дерево, под которым зародилось человечество, все еще стояло несколько лет назад в западной части их страны.

За рамками годичного цикла исчисление времени — это концептуализация социальной структуры, а точки отсчета времени — проекция в прошлое реальных отношений между группами индивидов. Это способ не столько соотнесения событий, сколько соподчинения отношений.

3. Мы пришли к выводу, что структурное время — это отражение структурного расстояния. В последующих разделах мы полнее объясним, что подразумевается под структурным расстоянием, и дадим формальную, предварительную классификацию нуэровских территориальных групп политического типа. Мы дали классификацию социально-временных категорий нуэров. Теперь мы начинаем классификацию их социально-пространственных категорий.

Если бы человек пролетел над страной нуэров, он увидел бы белые пятна, на которых находятся какие-то крошечные грибовидные наросты. Это местоположения деревень с хижинами и крытыми загонами. Он увидел бы, что между такими пятнами находятся коричневые и черные пространства; коричневые — это открытая травянистая саванна, а черные — котловины, превращающиеся в болота во время дождей. Белые пятна больше по размерам и чаще встречаются на одних участках, нежели на других. Такое распределение земли отвечает определенным реалиям жизни нуэров, которые и составляют их политическую структуру.

Можно было бы точно измерить расстояние между хижинами, деревнями, районами отдельных племен и т. д. и занимаемую каждым из них площадь. Мы получили бы данные о пространственных измерениях в чисто физических величинах. Само по себе это не имело бы особого значения. Экологическое пространство есть нечто большее, чем просто физическое расстояние, хотя последнее, конечно, оказывает на него влияние: экологическое пространство измеряют также по характеру земель, находящихся между локальными группами, и по его отношению к биологическим потребностям их членов. Широкая река

сильнее разделяет два племени нуэров, чем многие мили безлюдной саванны. Расстояние, кажущееся небольшим в сухой сезон, представляется совсем иным, когда земля залита водой во время дождей. Деревенская община, имеющая под рукой постоянный водный источник, находится в ином положении, чем та община, членам которой приходится ходить далеко к воде, пастбищам и местам рыбной ловли. Пояс обитания мухи цеце создает непреодолимый барьер, и между людьми возникает огромное экологическое расстояние, а от наличия или отсутствия скота у соседей нуэров зависит и экологическое расстояние между ними и нуэрами. Экологическое расстояние в этом смысле — это отношения между общинами, определяемые плотностью населения и его распределением, а также наличием воды, растительности, животных, насекомых и т. д.

Структурное расстояние — это расстояние иного порядка, хотя оно всегда находится под влиянием экологических условий, а в политическом плане в значительной степени определяется ими. Под структурным расстоянием подразумевается (как мы отметили в предыдущем разделе) расстояние между группами индивидов в социальной системе, выраженное в ценностных категориях. Природа края определяет размещение деревень, а поэтому и расстояние между ними, но социальные реалии определяют размещение деревень в структурных категориях и дают другую систему расстояний. Деревня нуэров может находиться на равном расстоянии от двух других деревень, но если одна из них принадлежит иному племени, а другая тому же племени, то можно сказать, что в структурном отношении она находится дальше от первой, чем от второй. Племя нуэров, отделенное от другого племени нуэров расстоянием в 40 миль, в структурном отношении ближе к нему, чем к племени динка, находящемуся от него на расстоянии только 20 миль. Когда мы говорим о линиджах и возрастных группах, структурное пространство в меньшей степени определяется условиями окружающей среды. Один линидж ближе к другому, чем к третьему. Одна возрастная группа ближе к другой, чем к третьей. Реалии, которые связаны с местом жительства, родством, линиджем, полом и возрастом, дифференцируют группы индивидов путем сегментации, и положение сегментов по отношению друг к другу дает перспективу, позволяющую нам говорить об их подразделениях как о подразделениях структурного пространства. Установив, что такое структурное пространство, мы можем приступить к описанию его политических подразделений.

4. Из-за отсутствия полноценных статистических данных о населении и итогов обследований мы не можем дать карту, которая показала бы плотность населения у различных племен, но приблизительные подсчеты для страны нуэров в целом сделать можно. Джексон утверждает, что площадь их края к во-

стоку от Нила равна примерно 26 тыс. кв. миль* [26, с. 62], а недавние переписи населения дают цифру в 144 тыс. человек, т. е. 5,5 человека на 1 кв. милю. Район к западу от Нила также малозаселен, и, вероятно, плотность населения здесь меньше. Вся площадь страны нуэров равна приблизительно 30 тыс. кв. миль, а все население составляет около 200 тыс. человек. Мы можем полагать, что плотность населения в разных племенах колеблется от 4 до 10 человек на 1 кв. милю, а в среднем по всему краю приходится от 5 до 6 человек на 1 кв. милю. Если учесть гидрологические условия и нынешнюю экономику нуэров, то весьма сомнительно, чтобы здесь могло прокормиться большее число людей, чем сейчас. Это в особенности относится к району к западу от Нила, и, возможно, как предполагают сами нуэры, их миграция на восток была вызвана перенаселением. Несмотря на низкую плотность населения некоторых районов, в отдельных местах может быть большая концентрация населения, потому что в подсчеты входят обширные земельные пространства, где нет деревень и лагерей и где лишь пасется скот во время засухи; по этим землям нуэры просто проходят во время сезонных передвижений. Степень фактической плотности населения в этом смысле колеблется от племени к племени, от одного отдела племени к другому, от сезона к сезону.

Я не могу дать более точных данных о распределении населения, чем это сделано на картах 4, 5 и 6. Как мы уже видели, размеры деревни зависят от размеров участка, пригодного для строительства, выпаса скота и земледелия. Ее усадьбы поэтому или скучены, или вытянуты в линию, образуя в большинстве деревень небольшие скопления хижин и крытых загонов, которые мы именуем хуторами. Хутора отделены друг от друга полями и незанятой землей, где пасутся телята, овцы и козы. Население деревни — мы не можем дать точных цифр — может быть от пятидесяти до нескольких сот душ, а деревня занимает участок протяженностью от нескольких сот ярдов** до нескольких миль. Обычно контуры деревни хорошо очерчены, поскольку ее строения скученны, а участки буша, леса и болот отделяют ее от соседей. По своему опыту я знаю, что в большинстве районов страны нуэров расстояние от одной деревни до другой может составлять от пяти до двадцати миль. Во всяком случае, так обстоит дело в восточной ее части. В то же время там, где позволяет рельеф, деревни могут быть ближе друг к другу. Они разбросаны на обширных пространствах, следуя одна за другой с небольшими промежутками. Так, большая часть племени лусконцентрирована в радиусе тридцати миль от Муот-тот, большая часть док — в радиусе десяти миль от Лера, тогда как лак, тьянг и частично гаавар растянули свои поселения почти непрерывной линией вдоль широкой горной гряды между Нилом и

---

* 1 кв. миля = 2,57 кв. км (примеч. отв. ред.).

** 1 ярд = 0,914 м (примеч. отв. ред.).

Эз-Зераф. Деревни всегда соединены тропами. Во всех частях края имеются обширные районы, которые затопляются во время дождей и где совсем нет или очень мало деревень. На тех участках, которые на картах оставлены белыми или заштрихованы, чтобы показать, чем занимается население в сухой сезон, часто вообще нет деревень, а в западной части страны все пространство между Нилом и р. Бахр-эль-Газаль лишь кое-где отмечено точками, изображающими мелкие деревни. То же, вероятно, относится и к району к северу от Бар-эль-Газалья.

Я вынужден говорить о размещении лагерей сухого сезона так же неопределенно, как и о размещении деревень. Ранние лагеря можно найти почти повсюду, и они часто состоят из нескольких домохозяйств. Но местоположение больших лагерей, создаваемых позже в тот же сезон, можно определить заранее, потому что существует лишь несколько мест с достаточным запасом воды. Размеры этих лагерей зависят главным образом от количества воды и размеров пастбищ, и их население колеблется примерно от ста до тысячи с лишним человек. Такие концентрации никогда не охватывают все племя, а состоят из более или менее крупных его секций. Лагерь, раскинувшийся вокруг озера, может быть разделен на несколько участков, находящихся на расстоянии сотен ярдов друг от друга, либо же это сплошной лагерь. Во всех лагерях некоторые ветровые заслоны стоят рядом, почти вплотную друг к другу, и с первого взгляда можно понять, что обитающая здесь группа представляет собой отдельную единицу со своей секцией общего крааля. На левом берегу р. Собат и правом берегу р. Баро с борта парохода можно повсюду увидеть лагеря, отделенные друг от друга расстоянием всего в 1—2 мили. Но по мелким рекам, вроде Ньядинга и Филуса, где сохраняются лишь изолированные водоемы, лагерь разделяет несколько миль. Между некоторыми лагерями в глубине края лу более чем на двадцать миль тянутся участки буша.

Через страну нуэров протекают большие реки, и часто именно эти естественные границы совпадают с линиями политического деления. Река Собат отделяет племя гааджок от племени лу; р. Пибор отделяет племя лу от ануаков; р. Эз-Зераф отделяет тыянг и лак от динка; р. Бахр-эль-Газаль отделяет первичный отдел карлуал племени лик от двух других его первичных отделов и т. д. Болота и затопляемые дождями участки земли тоже разделяют политические группы. Болота Мечар отделяют восточных гааджак от гааджок и гаавганг. Покрытые водой полосы земли отделяют в сезон дождей ренгьян от вот, бор и т. д.

Эти данные о распределении населения являются неполными, но можно легко суммировать главные его особенности:

1) физические условия, порождающие нехватку продовольствия и примитивную технику, являются также причиной и низкой плотности населения, и редкого расположения населенных районов. Недостаток политической сплоченности и политического развития может зависеть от степени плотности населения у нуэ-

ров; теми же условиями можно объяснить и их структурную простоту в целом;

2) размеры возвышенных участков земли и расстояния между ними обуславливают в некоторых частях страны нуэров большую и более плотную концентрацию населения, чем в других частях. Что касается более крупных племен, то их многочисленное население часто вынуждено в силу природных условий строить свои жилища на небольшой территории;

3) там, где в дожди бывает сравнительно большая плотность населения, в засуху люди стремятся уйти пораньше и подальше на новые пастбища. Эта потребность вынуждает признавать существование общих для всего племени ценностей на обширных территориях и позволяет нам лучше понять, почему, несмотря на явный недостаток политической сплоченности внутри племен, численность их населения часто очень велика и почему они занимают такую большую территорию.

5. Мы говорили о том, что структурное расстояние — это расстояние между группами индивидов в социальной структуре, и оно может быть различного вида. Сейчас нас интересуют такие его виды, как политическое расстояние, линиджное расстояние и возрастно-групповое расстояние. Политическое расстояние между деревнями третичного отдела племени меньше расстояния между третичными сегментами вторичного отдела племени, а оно меньше расстояния между вторичными сегментами первичного отдела племени и т. д. Этому вопросу посвящена глава IV. Линиджное расстояние между сегментами малого линиджа меньше расстояния между малыми сегментами большого линиджа, а оно меньше расстояния между большими сегментами максимального линиджа и т. д. Этому вопросу посвящена глава V. Возрастно-групповое расстояние между сегментами возрастной группы меньше расстояния между следующими одна за другой возрастными группами, а оно меньше расстояния между возрастными группами, которые не следуют одна за другой. Этому вопросу посвящена глава VI. Для развития наших доводов, а также чтобы избежать анализа, который заставлял бы читателя постоянно возвращаться к уже высказанным утверждениям, мы сейчас рассмотрим только политическое расстояние, да и то только некоторые его характерные черты.

Нуэры вкладывают особое значение в расселение локальных групп. Казалось бы, легко выяснить, в чем заключается это значение, но, поскольку оно выражается словами, следует учитывать амплитуду их значений. Для этого обязательно серьезное знание языка народа, способ употребления слов: их значения меняются в зависимости от социальной ситуации и могут относиться к самым различным локальным группам. Тем не менее можно дифференцировать и грубо классифицировать их, как мы это и сделали на схеме 9.

Схема 9. Пространственно-социальные категории нуэров

Каждую жилую хижину (*двил* или *ут*) занимают женщина и ее дети, а иногда и ее муж. Они составляют простую локализованную семейную группу. Семейную усадьбу, состоящую из крытого загона и хижин, может занимать простая семейная группа или полигамная семья, а часто там же живут один-два родича. Такую группу, которую мы именуем «домохозяйство», часто называют *гол*, т. е. «очаг». Хутор с полями и окружающей его пустошью называется *дхор*; каждый хутор имеет особое название по какому-либо ориентиру на местности или по имени живущего здесь старшего родича. Хутор обычно занимают близкие агнатные родичи, часто братья, и их домохозяйства, и мы называем эту группу индивидов большой семьей. Поскольку мы не рассматриваем в книге эти группы, мы больше не будем говорить о них. Однако надо помнить, что деревня не является монолитной единицей, а представляет собой отношение между несколькими более мелкими единицами.

Деревня — это вполне обособленная единица. Иногда ее называют *тур*, т. е. «гряда на возвышенном грунте», но обычно *чбэнг*, т. е. словом, которое можно перевести как «дом», но которое имеет много значений (мы посвятим им особый раздел). Деревня представляет собой общину, связанную общим местожительством и сетью родственных и свойственных уз, члены которой, как мы видели, создают общий лагерь, сотрудничают в различных работах и едят друг у друга в загонах и ветровых заслонах. Деревня нуэров не обязательно родственный коллектив, но она непременно является политической единицей. Жители деревни обладают чувством крепкой солидарности по отношению к населению других деревень, они очень привязаны к своему участку земли. Несмотря на бродячий образ жизни, люди, рожденные и выросшие в какой-либо деревне, ощущают ностальгию по ней и стремятся вернуться и осесть в ней даже после многих лет жизни в другом месте. Члены деревни сражаются плечом к плечу и поддерживают друг друга в традиционных конфликтах. Когда юноши деревни идут на танцы, они

вступают в танец в едином военном строю (*деп*), распевая свою особую военную песню.

Лагерь для скота, который жители деревни создают во время засухи и в котором живут также жители соседних деревень, называется *веч*. Хотя это слово означает «лагерь» в противоположность *чьенг* («деревня»), оба слова употребляются в одном и том же смысле (как «локальная община»). Так, если говорят, что у какого-то клана нет *веч*, то нужно понимать, что члены клана не представляют ни в отделе племени, ни в деревне господствующего ядра общины и что поэтому ни одна локальная община не называется по их имени. Большой лагерь именуют по названию господствующего в нем линиджа или занимающей его деревенской общины, а мелкие лагеря иногда называют по имени влиятельного старца, который установил там свой ветровой заслон. Мы уже видели, что социальный состав в лагере изменяется в различные периоды засухи от населения хутора до населения деревни или ряда соседних деревень и что люди иногда селятся здесь с родичами, которые не живут в лагерях своих собственных деревень. В результате, хотя локальные общины сезона дождей имеют тенденцию сохраняться в виде таких же локальных общин и в засуху, их состав все же может измениться. Мы снова подчеркиваем, что люди живут в лагере более компактной группой, чем в деревне, но что при жизни в лагере наблюдаются более частые контакты между его обитателями и более тесная координация их деятельности. Они вместе пасут скот, доят коров в одно и то же время и т. д. В деревне все домохозяйства пасут скот в отдельных стадах — если они вообще его пасут — и ведут работы в доме и краале автономно и в разное время. В засуху наблюдается большая концентрация людей и работы ведутся более согласованно, как требует этот суровый сезон.

Иногда мы называем округом совокупность деревень или лагерей, которые постоянно общаются друг с другом. Жители этих деревень участвуют в одних и тех же танцах, породняются путем брака, улаживают конфликты, вместе совершают набеги, живут в одних

лагерях сухого сезона или разбивают лагерь в одной и той же местности и т. д. Такая неопределенная совокупность контактов не означает существования особой катего-

Копье из рога и эбенового дерева

рии или политической группы нуэров, потому что люди не ощущают себя единой общиной (посторонние тоже не считают их таковой). «Округ» — это термин, который мы употребляем для определения сферы социальных контактов человека или социальных контактов населения деревни, поэтому он относится к данному человеку или данной общине. В этом смысле «округ» скорее совпадает с третичным или вторичным сегментом племени, в зависимости от размеров последнего. В самых малых племенах все племя является «округом» человека, и «округ» может пересекать племенные границы. Поэтому в крупном племени пограничная деревня может иметь больше контактов с соседними деревнями другого племени, чем с отдаленными деревнями своего собственного племени. Таким образом, сфера социальных контактов человека может не совпадать полностью с какой-либо структурной категорией.

Несколько смежных деревень (число и величина занимаемой территории которых зависят от размеров племени) группируются в мелкие отделы племен, а те — в более крупные. В крупных племенах удобнее различать первичные, вторичные и третичные отделы племени. Эти отделы любого размера, как и деревня, именуется *чьенг*. Поскольку следующая глава посвящена этим сегментам племени, больше мы здесь не будем говорить о них.

6. Главные племена нуэров показаны на карте 2. Название *джагеи*, указанное к западу от Нила, охватывает несколько мелких племен — ланг, бор, ренгьян и вот. Кое-какие мелкие племена (неизвестно, можно ли их вообще назвать племенами, поскольку исследований в этом районе проводилось мало) находятся недалеко от нуэров-док, это беег, джаалог (гаан), квач и рол. По крайне неполной переписи населения, проводившейся различными правительственными учреждениями, численность наиболее крупных племен была, по сравнительно недавним данным, следующая:

нуэры с р. Собат: гааджак — 42 тыс., гааванг — 7 тыс., гааджок — 42 тыс., лу — 33 тыс.; нуэры с р. Эз-Зераф: лак — 24 тыс., тьянг — 9 тыс., гаавар — 20 тыс.; западные нуэры: бул — 17 тыс., лик — 11 тыс.; три племена западных джикани — 11 тыс.; различные племена джагеи — 10 тыс.; док — 12 тыс.; нуонг — 9 тыс. человек. Вероятно, эти цифры точнее для восточных нуэров, чем для западных. Данные подсчеты обнаруживают серьезные расхождения, и многие цифры взяты почти наугад. По опубликованным сведениям, нуэры с р. Собат насчитывают 91 тыс. человек, нуэры с р. Эз-Зераф — 53 тыс., а западные нуэры — 70 тыс., и таким образом все население страны нуэров составляет 214 тыс. человек. Что касается сегментов племен, то известна численность лишь немногих из них. Среди лу первичный отдел гун имеет примерно 22 тыс. человек, первичный отдел мор — около 12 тыс. У гаавар первичный отдел радх насчитыв-

вают около 10 тыс., а первичный отдел бар — около 10 тыс. человек. Среди племени лак первичный отдел квачбур насчитывает около 12 тыс., а первичный отдел дженьянг — около 12 тыс. человек.

Надо отметить, что по размерам племени западной части края обычно меньше племен с р. Эз-Зераф, а те меньше племен с р. Собат. Чем дальше на восток, тем племена крупнее, больше по размерам и занимаемые ими территории. Можно предположить, что более многочисленное население племен восточных нуэров является результатом ассимиляции во времена завоеваний, в частности, ассимиляции большого числа динка. Вместе с тем, как нам кажется, этим нельзя объяснить тот факт, что здесь на столь обширной территории при отсутствии какого-либо центрального правительства сохраняется своего рода племенное единство. Очевидно, что размеры племен непосредственно связаны с наличием и распределением возвышенностей, необходимых для жизни в сезон дождей, так как племена вроде лу, восточных гааджок и гааджак могут концентрировать свои домохозяйства и деревни на больших возвышенных участках, но такой возможности лишены мелкие племена западной части земли нуэров, на территории которых есть лишь очень небольшие и далеко отстоящие друг от друга возвышенные гряды, пригодные для строительства деревень. Но мы полагаем, что этот факт сам по себе не определяет линий политического деления, которое можно понять, только приняв во внимание зависимость участков, занимаемых деревнями, от запасов воды в сухой сезон, пастбищ и мест рыбной ловли. Мы уже говорили, как отделы племен движутся из деревень к пастбищам сухого сезона, и каждый в дожди занимает обособленное пространство, которое он удерживает за собой в засуху. В западной части края всегда много воды, пастбищ и мест для рыбной ловли неподалеку от деревень, и деревенские общины, изолированные друг от друга во время дождей залитыми пространствами, могут сохранять свою самостоятельность и в лагерях сухого сезона. Однако на территории таких крупных племен восточной части края, как лу, засушливые природные условия требуют большей концентрации населения и сезонного передвижения по обширным пространствам, в результате чего плотность населения (и, если можно так сказать, моральная плотность) деревенских общин больше в засуху, чем в дожди. Кроме того, им приходится смешиваться друг с другом и совместно пользоваться водой, пастбищами и местами рыбной ловли. Самостоятельные деревни стоят рядом около водоема. Более того, членам одного отдела приходится пересекать территорию других отделов, чтобы добраться до своих лагерей, которые могут быть расположены около деревень третьего отдела племени. Семьи и большие семьи часто становятся лагерем вместе с родичами и свойственниками, которые принадлежат к совсем другой деревне, и широко распространена практика содержания скота в двух или нескольких

местах данного района, чтобы все стадо не погубила вспышка чумы, часто случающаяся в сухой сезон. Поэтому понятно, что локальные общины, вынужденные во время засухи (хотя они и изолированы во время дождей) вступать в такие отношения, которые порождают чувство определенного единства и заставляют признать определенные общие обязательства и интересы, должны иметь свое место в общей структуре племени. Чем суровее условия сухого сезона, тем больше потребность в установлении тех или иных контактов, а значит, и в проявлении сдержанности, и в признании взаимозависимости. Племена с р. Эз-Зераф передвигаются меньше, чем племена с р. Собат, но больше, чем племена западных нуэров, а племя гаавар передвигается больше, чем племена тьянг и лак. Мы можем еще раз подчеркнуть, что в целом там, где достаточно возвышенных участков земли, способствующих концентрации населения во время дождей, больше и потребность в крупных концентрациях в сухой сезон, поскольку вода, места для рыбной ловли и пастбища находятся далеко от этих возвышенностей.

Эти факты, по-видимому, до некоторой степени объясняют политическое превосходство пастушеских народов в Восточной Африке. Может быть, здесь широко разбросаны общины и низка плотность населения, но здесь же имеют место и сезонное сосредоточение людей, и широкая взаимозависимость. Различия в передвижениях, связанных с отгонным скотоводством, позволяют нам также объяснить и различия в размерах племен нуэров. Можно отметить, что, хотя размеры и степень сплоченности племен колеблются в отдельных частях их края, нигде условия окружающей среды не допускают такой полной автономии и исключительности мелких деревенских групп, которые мы находим у ануаков, и такой высокой плотности населения и развитых политических институтов, какие мы видим у шиллуков.

Так, с одной стороны, условия окружающей среды и пастушеская деятельность определяют формы распределения и концентрации населения, которые ведут к возникновению линий политического деления и мешают политической сплоченности и политическому развитию. Но, с другой стороны, они создают потребность в таких обширных племенных территориях, в рамках которых возникает чувство общности и готовность к сотрудничеству.

У каждого племени есть название, которым именуют как его членов, так и его район обитания (*рол*): лик, гаавар, лу, лак и т. д. У каждого племени своя территория, оно владеет своими участками, на которых строит деревни, пастбищами, водными ресурсами и водоемами с рыбой и обороняет их. Не только большие реки и обширные пространства необитаемой земли разделяют смежные отделы соседних племен, но, более того, во время засухи эти отделы стараются разойтись в разных направлениях. В качестве примера мы можем взять племя гаавар, которое стремится двигаться на восток к р. Эз-Зераф и не всту-

пать в контакт с первичным отделом гун племени лу, который концентрируется вокруг внутренних озер или движется к рекам Собат и Пибор. Другой пример — отдел мор племени лу, который движется к р. Ньяндинг и верховьям р. Пибор по направлению к племени гааджок. Последнее не объединяется с ним, а идет к верховьям р. Собат и низовьям р. Пибор. Западные джикани передвигаются по направлению к болотам Нила, тогда как лик идут на север, к месту соединения р. Бахр-эль-Газаль со своими протоками и лагунами.

Члены племен питают общие чувства к своему краю, а следовательно, и к своим соплеменникам. Эти чувства выражаются в той гордости, с какой они говорят о своем племени, в их шутовском пренебрежении к другим племенам и в их ссылках на те культурные особенности их племени, которые символизируют его исключительность. Член племени взирает на людей другого племени как на недифференцированную группу, к которой он и относится как к чему-то целому, тогда как себя он считает членом определенного сегмента своего племени. Так, когда лик говорит, что такой-то — это нач (ренгьян), он сразу же определяет свое к нему отношение. Племенная лояльность основана как на оппозиции к другим племенам, так и на общем названии, общей территории, совместных действиях в войне и общей линиджной структуре господствующего клана.

Насколько сильно привязанность к племени, можно судить по тому, что иногда люди, собирающиеся покинуть родное племя и поселиться постоянно на территории другого племени, берут с собой горсть родной земли и пьют воду, в которой растворена эта земля, постепенно прибавляя к раствору все большее количество земли своего нового края, тем самым разрушая мистические узы со старым и создавая мистические узы с новым. Мне говорили, что, если человек этого не сделает, он может умереть от *нуир*, т. е. от наказания за нарушение определенных ритуальных обязательств.

Племя — это самая большая группа, члены которой считают своим долгом объединяться для набегов и оборонительных действий. Юноши племени еще совсем недавно проводили совместные экспедиции против динка и вели войну против других племен нуэров. Войны между племенами происходили реже, чем нападения на динка, но в позднейшей истории нуэров есть много примеров пограничных споров между племенами и даже набегов одного племени на другое с целью захвата скота, причем такие столкновения у нуэров носят традиционный характер. Племя лик совершало набеги на племена джикани и джагеи, а один из членов племени лик сказал мне: «Скот, который мой отец получил на свадьбе, это был скот гее (джагеи)». Понсе пишет: «Эллиаб (док) сражаются с эньян (нуонг) на юге и с рейан (ренгьян) на севере, а рор из глубинных районов — с последними и биор (бор) с Газалю. Все их конфликты происходят из-за спорных пастбищ, что не мешает им ездить друг

к другу без всякой опаски, если только не надо мстить за каких-либо предков» [31, с. 39]. Теоретически племя рассматривалось как военная единица, и если два отдела различных племен конфликтовали между собой, каждый из них мог полагаться на поддержку других отделов того же племени. Но на практике они обычно объединялись только в том случае, если противник получал поддержку собственных соседних отделов. Когда для ведения войны объединялось все племя, споры внутри его границ временно прекращались.

Племена, особенно мелкие, часто объединялись для набегов на чужеземцев. Лик объединялись с джагеи и западными джикани, а лу — с гаавар для нападения на динка; лу — с восточными джикани для нападения на ануаков и т. п. Эти военные союзы между племенами, часто под эгидой бога неба, говорящего устами его «пророка», были кратковременными; никаких моральных обязательств, ведущих к созданию их, не было, и хотя племена действовали согласованно, каждое из них сражалось отдельно под руководством своих лидеров и жило на вражеской территории в отдельных лагерях.

Столкновения между нуэрами различных племен носили иной характер, чем столкновения между нуэрами и динка. Межплеменные столкновения считались более жестокими и губительными, но в них соблюдались определенные условности: женщин и детей не трогали, хижины и загоны не уничтожали, и пленных не брали. Помимо прочего, другие нуэры не считались, как динка, людьми, которые самой природой предназначены в жертву нуэрам.

Еще одна отличительная черта племени заключается в том, что внутри племени существует *чут* — вира за кровь, т. е. компенсация за убийство. Так, члены племени лу говорят, что в их среде устанавливается вира за кровь, но между ними, гааджок и гаавар этого не существует. Именно таким путем по всей стране нуэров неизменно определяется лояльность своему племени. Среди членов племени существует также *руок* — компенсация за иные правонарушения (не убийство), но на этом обязательстве не часто настаивают, а иногда его вообще не выполняют. Между двумя различными племенами такие обязательства не признаются. Поэтому мы можем сказать, что в пределах одного племени существует законность в ограниченном и относительном ее смысле (который мы разъясняем в главе IV), но между племенами не действуют никакие законы. Если человек совершит преступление против соплеменника, то отношения между ним и его родней, с одной стороны, и потерпевшим с его родней — с другой, могут быть урегулированы в соответствии с законами племени, а возникшие в результате этого враждебные действия могут быть прекращены путем выплаты компенсации скотом. Если же человек совершит тот же поступок против члена другого племени, то это не считается нарушением закона, и нет никаких обязательств по урегулированию конфликта, нет

и механизма, который мог бы его урегулировать. Локальные общины классифицируются как племена или сегменты племени по тому, признают ли они обязательство виры за кровь или нет. Так, гун и мор рассматриваются как первичные сегменты племени лу, тогда как восточные гааджок, гааджак и гаагванг считаются тремя племенами, а не тремя первичными сегментами единого племени джикани.

Могло случаться и так, что пограничные споры между различными племенами иногда улаживали путем выплаты компенсации, хотя у меня нет таких данных. Но если и удавалось достичь такого урегулирования, то это ни в коей мере не опровергает нашего определения структуры племени. Однако надо помнить, что мы определяем племя самым формальным методом и что, как мы увидим позже, признание правовой ответственности внутри племени не означает, что на практике компенсацию за обиду легко получить. Внутри племени солидарность слаба, и имеют место частые случаи длительной традиционной вражды. Более того, традиционная вражда — февд — это характерный институт племенной организации.

Племя выделяется на основе: 1) общего и отличного от других племен названия; 2) общего самосознания; 3) общей и четко установленной территории; 4) морального обязательства объединяться в войне; 5) морального обязательства улаживать традиционную вражду и другие споры путем посредничества. К этим пяти пунктам можно добавить еще четыре отличительные черты, о которых будет говориться позже: 6) племя — это сегментная структура, причем существует оппозиция между его сегментами; 7) внутри каждого племени есть господствующий клан, и отношения между линиджной структурой этого клана и территориальной организацией племени имеют важное структурное значение; 8) племя — это единица в системе племен; 9) возрастные группы организованы по племенному признаку.

7. Смежные племена противостоят друг другу и борются друг против друга. Иногда они объединяются против динка, но такие комбинации — это непрочные и временные союзы с определенной разовой целью, не имеющие какой-либо ясно выраженной политической ценности. От случая к случаю племя разрешает отделу другого племени жить в лагере на его территории, а между индивидами в пограничных деревнях может быть больше контактов, чем между территориально разобщенными общинами одного и того же племени. У первых может быть больше социальных контактов; вторые ближе друг к другу в структурном отношении. Но у племен нуэров нет общей организации или центральной администрации, а из-за этого нет и политического единства, которое мы могли бы назвать национальным. Тем не менее смежные племена и динка, которые живут совсем рядом, представляют собой отдельные политические системы, поскольку

ку внутреннюю организацию каждого племени можно полностью понять только через их взаимную оппозицию и их совместную оппозицию к граничащим с ними динка.

Вне рамок этих систем непосредственных политических отношений нуэры в целом считают себя в своем роде единой общиной, а свою культуру единой. Оппозиция к соседям порождает у них сознание своей особенности и сильное чувство исключительности. Нуэр узнается соседями как нуэр по своему языку, по отсутствию у него нижних резцов, а если это мужчина, то по шести надрезам на лбу. Все нуэры живут на одной компактной территории. Изолированных отделов нет. Однако их чувство общности глубже просто признания культурной исключительности. Между нуэрами, откуда бы они ни были родом и даже если они не знают друг друга, при встрече за пределами своего края немедленно возникают дружественные отношения, потому что нуэр никогда не может быть таким чужаком для другого нуэра, каким он является по отношению к динка или шиллуку. Их чувство превосходства, то презрение, которое они проявляют ко всем чужеземцам, и готовность сражаться с ними — это символ их общности, а их общий язык и система социальных ценностей позволяют им быстро вступать в общение друг с другом.

Нуэры хорошо знают о существовании других районов их края, если даже они там никогда не бывали, и все они рассматривают территорию к западу от Нила как свою общую родину, с обитателями которой у них до сих пор сохраняются отдаленные родственные узы. Люди пускаются в путь, чтобы посетить родичей в других племенах, и часто селятся надолго вдали от дома, иногда в других племенах, в состав которых — если они там достаточно долго пробудут — их принимают навсегда. Через границы смежных племен идет постоянное социальное общение, которое объединяет их членов, особенно членов пограничных общин, множеством нитей родства и свойства. Если человек меняет племя, он может сразу же включиться в систему возрастных групп принявшего его племени, и возрастные группы смежных племен часто координируют свою деятельность. Какой-либо клан может господствовать на территории более чем одного племени; господствующие кланы сплочены в единую клановую систему, а наиболее влиятельные кланы имеются в любой части страны нуэров. Мы уже отмечали, что в эпоху торговли слоновой костью торговцы из племени гааджак проходили через территории других племен, добираясь даже до р. Эз-Зераф.

Поэтому границы племени не являются границами социального общения, так как существует множество уз между членами одного племени и членами другого. Благодаря клановой системе и территориальной близости члены одного племени могут считать себя ближе ко второму племени, чем к третьему. Так, три племени восточных джикани чувствуют определенную близость к лу, а бор и ренгьян — к лик. Но и отдельные индивиды,

а через них родственные группы и даже деревня поддерживают постоянные социальные отношения, которые выходят за линии раздела племен, так что путник, пересекающий границу своего племени, всегда может обнаружить какие-нибудь связи с индивидами того племени, которое он посещает, и ему окажут гостеприимство и покровительство. Если его обидят, то защитой его интересов по закону будет заниматься не он сам, а его хозяин. Однако существует нечто вроде международного права, признающего имеющиеся в некоторых вопросах обычаи и условности и действующего вне рамок политических границ и границ формального права. Так, хотя заключение брака за пределами племени считается более рискованным, чем внутри него (развод может оказаться невыгодным, ибо могут не вернуть выкуп за невесту), все же правила брака признаются по обе стороны границы, и нарушить их, пользуясь политическим делением племен, считается недостойным.

Таким образом, в политическом отношении племена — это исключительные группы, которые не совпадают со сферой социальных отношений индивида, хотя эта сфера так же обнаруживает тенденцию следовать линиям политического раздела, как и «округ», где живет индивид, приближается к границам его племенного сегмента. Связь между политической структурой и общими социальными отношениями рассматривается в следующих главах. Здесь мы лишь отметим, что желательно делать различие между 1) политическим расстоянием в смысле структурного расстояния между сегментами племени как самой крупной политической единицы и между племенами в системе политических отношений; 2) общим структурным расстоянием в смысле неполитического расстояния между различными социальными группами в общине, говорящей на языке нуэров: неполитические структурные отношения крепче всего между смежными племенами, но общая социальная структура охватывает всю страну нуэров; 3) социальной сферой индивида, т. е. областью тех или иных его контактов с другими нуэрами.

8. Политическую структуру нуэров можно понять только в соотношении со структурой их соседей, с которыми они составляют единую политическую систему. Соприкасающиеся племена динка и нуэров являются в той же мере сегментами в рамках общей структуры, что и сегменты одного и того же племени нуэров. Их социальные отношения — это отношения враждебности, а выражаются они в войне.

Народ динка — враг нуэров с незапамятных времен. У обоих этносов схожая экология, культура и социальные системы, и поэтому индивиды, принадлежащие к одному из них, легко ассимилируются с индивидами другого. Когда же сбалансированная конфронтация между политическим сегментом нуэров и политическим сегментом динка переходит в отношения, при которых

сегмент нуэров становится полностью господствующим, результатом становится не образование классовой структуры, а слияние.

Вражда между этими двумя народами существовала во все времена, известные нам из истории и из уходящих в незапамятные времена мифов. Почти всегда агрессорами были нуэры, набеги на динка у них считаются совершенно нормальным явлением и даже долгом; у них есть миф, который объясняет и оправдывает такую враждебность. В этом мифе нуэр и динка воплощены в образе двух сыновей бога, который обещал динка свою старую корову, а нуэру — молодого теленка. Динка пришел ночью к загону для скота и, подражая голосу нуэра, выпросил теленка. Когда бог узнал, что его обманули, он рассердился и обязал нуэра отомстить за мошенничество и совершать до конца времен набеги на динка, отнимая у них скот. Этот рассказ, известный каждому нуэру, не только отражает политические отношения между двумя народами, но и дает представление об их характерах. Нуэры совершают набеги и открыто захватывают скот силой оружия. Динка воруют его или приобретают, прибегая к коварству. Все нуэры считают их ворами, и даже сами динка, по-видимому, принимают этот упрек, если мы правильно понимаем утверждение, которое сделал динка — хранитель алтаря Денга-дит в Луанг Денге К. Струве в 1907 г. Пересказав миф о корове и теленке, он сказал: «И до сего дня динка живут грабежом, а нуэры — войной».

Война, как и скотоводство, один из главных видов деятельности и интересов всех мужчин-нуэров, а набеги на скот динка — одна из главных форм времяпрепровождения. Иногда словом *джаанг* (динка) называют любое племя, на которое нуэры совершают набеги и членов которого они берут в плен. Мальчишки мечтают о том времени, когда они смогут сопровождать старших в набегах на динка, и как только юноши проходят инициацию, они начинают планировать нападение, чтобы обогатиться и завоевать репутацию воинов. Любое племя нуэров по крайней мере раз в два-три года совершало набег на динка, а на некоторые районы земель динка набеги, должно быть, совершались ежегодно. Нуэры с презрением относятся к динка и насмехаются над их военными способностями, говоря, что у них нет ни ловкости, ни смелости. *Кур джаанг* (война с динка) считается таким пустяковым испытанием мужества, что во время набега даже не берут щитов и не обращают внимания на численное превосходство противника. Это представляет разительный контраст с *кур нат*, т. е. войной между самими нуэрами.

Ранние путешественники писали, что в руках нуэров были оба берега Нила, но вполне возможно, что когда-то весь о-в Зераф занимали динка, и с уверенностью можно сказать, что весь край от р. Эз-Зераф до р. Пибор, а к северу от р. Собат от границ страны шиллуков до эфиопского уступа, за исключением поселений ануаков на берегах рек, находился в руках динка до конца прошлого столетия, когда нуэры захватили его, ведя экс-

пансию по двум направлениям — к северу и к югу от р. Собат. Об этом известно из рассказов как нуэров, так и динка, из генеалогических преданий, из записей путешественников, которые часто упоминали о борьбе между двумя народами, о господствующем положении нуэров среди соседей и т. д. [21, с. 82—83; 37; 27, с. 232; 31, с. 18, 26, 39, 41—42, 44; 30, с. 6; 23, с. 104; 32, vol. I, с. 118—119; 5, vol. I, с. 57]. Завоевание, которое, судя по всему, привело скорее к поглощению и смешению, а не к уничтожению соседних народов, было таким быстрым и успешным, что теперь весь этот обширный край, за исключением нескольких районов динка на реках Собат, Руль-Лус и Атар, находится в руках нуэров. Помимо этого в восточной части края нуэров есть много общин, которые признают, что они происходят от динка, а мелкие линиджи, происходящие от динка, можно найти в каждой деревне и лагере. Некоторые племена динка искали убежища у соплеменников на юге, где на них продолжали совершать набеги гаавар и лу. Западные нуэры тоже упорно нападали на все граничившие с ними племена динка, особенно на юге и западе, заставив их отступать все дальше и дальше от их границ. К западу от Нила, как и на востоке, пленные динка ассимилировались, и в каждом племени есть много мелких линиджей, происходящих от динка, которые часто даже преобладают в локальных общинах. Из всех динка не трогали только племя нгок, к югу от р. Собат, вероятно, потому, что у них было очень мало скота и пастбищ.

Самым подходящим временем для набегов на динка считался конец периода дождей, хотя на них нападали и в начале этого периода. Члены племени лик говорили мне, что когда они нападали на динка на юго-западе, то первую ночь проводили около деревень племени вот, а вторую ночь — в буше. Они не брали с собой пищи и ели только рыбу, которую удавалось по пути наспех убить копьями. Они шли очень быстро день и часть ночи. На третий день на рассвете они атакывали деревни или лагеря динка. Динка редко оказывали сопротивление, они отвязывали свой скот и старались угнать его подальше. Никто не захватывал скот, пока враг не был рассеян. Затем каждый хватал попавшую ему в руки добычу, даже не привязывая животное, а просто делая надрез на крестце в знак того, что оно принадлежит ему. После этого коров привязывали во вражеском краале, а быков чаще всего забивали на мясо. Если динка удавалось собрать подкрепление и вернуться на поле сражения, их встречали в полном боевом порядке. Нуэры сражаются тремя отрядами, расположенными на расстоянии двухсот-трехсот ярдов друг от друга. Пока один отряд сражается, два других, в зависимости от того, насколько удачно идет бой, то наступают, то отступают параллельно первому отряду. Впереди центрального отряда находится группа разведчиков, они атакуют врага, бросают в него копья и отступают к основному отряду.

Нападающие проводили несколько недель в стране динка,

а иногда оставались там весь сухой сезон, питаюсь молоком и мясом захваченного скота, награбленным зерном и рыбой. Пользуясь захваченным краалем как базой, они совершали набеги на отдаленные лагеря. По-видимому, сходным образом проходили и миграции нуэров, причем они прочно селились на земле динка, систематическими набегами вынуждая тех отступать все дальше и дальше от занятой ими территории. В следующий сезон проводилась очередная серия набегов, и этот процесс повторялся до тех пор, пока динка не вынуждала искать убежища у их родичей в другом племени. Однако если нуэры не намеревались здесь поселиться, то они, убедившись, что трофеи достаточно велики, уходили обратно на свои земли.

Перед тем как снять лагерь, проводилась церемония, свидетельствующая о понимании нуэрами принципов равенства и справедливости. Признавалось, что весь их отряд обеспечивал успех набега, и поэтому трофеи должны быть перераспределены. Санкцией для набега были предсказания «пророка» и поэтому он обходил лагерь и выбирал в каждом домохозяйстве корову для божественного духа, выразителем воли которого он являлся. К этому времени в каждом домохозяйстве скапливалось до пятидесяти голов скота, и поэтому одним животным можно было без ущерба пожертвовать. После этого начиналась всеобщая свалка: все бросались к стаду, стараясь поставить на животных свое клеймо. Тот, кто первым схватывал животное, привязывал его к колышку, надрезал ему ухо, и становился его полным хозяином. У человека, захватившего животное в сражении, было то преимущество, что оно стояло на привязи у его ветрового заслона, но, если он и члены его домохозяйства захватили слишком много животных, они не успевали поставить клейма до того, как другие расхватывали скот. Можно предположить, что в этой свалке люди получали раны, так как если два человека хватали одну корову, то они решали свой спор дубинами. Пользоваться копьем в этих случаях не дозволялось. В распределении скота участвовали жители соседних лагерей, и, конечно, это вызывало большую сумятицу. Пленные — женщины брачного возраста, мальчики и девочки — принадлежали тому, кто их захватил. Старух и младенцев забивали дубинами, а если это был набег на деревню, их тела бросали в горящие загоны и хижины. Пленных держали в центре лагеря, а женщин иногда на всякий случай связывали. На половые сношения во время набега налагали табу. Не мог нуэр и есть вместе с пленными. Пленный мальчик не имел права даже принести ему воды. Только после возвращения домой, когда в честь духов приносили в жертву быка и нуэров уведомляли, что в их домохозяйства прибыли чужеземцы, они получали право иметь половые сношения с пленницами или есть вместе с пленными.

Хотя отношения динка с нуэрами крайне враждебны и войны между ними можно назвать уже установившимся институтом, они тем не менее иногда объединялись для войны против

египетского правительства; временами даже происходили совместные праздничные сборища. В периоды голода динка часто селились в стране нуэров, и их с готовностью принимали и включали в племена нуэров. Да и в мирные времена динка посещали своих родственников, взятых в плен или осевших в стране нуэров, и, как говорилось ранее, в некоторых районах между двумя народами даже велась определенная торговля. Социальные связи, которые часто перекрывают границы смежных племен нуэров и проходят через все пространство края, тянулись, таким образом, при случайных контактах с чужеземцами кое-где и за пределы его.

Все динка подпадают под категорию *джаанг*, и нуэры считают, что эта категория ближе к ним, чем другие чужеземцы. Последние в целом именуется *бар* (за исключением племени беир), т. е. народы без скота или народы, имеющие мало скота. Еще одна категория — это *джар*, народ без скота, который, по убеждению нуэров, живет на самой окраине их мира; как, например, группы народов бонго-митту, азанде, арабы и европейцы. Однако у нуэров есть и отдельные названия для каждого из этих народов.

Мы говорили, что, по мнению нуэров, динка ближе к ним, чем другие чужеземцы, и в связи с этим мы хотим привлечь внимание к тому факту, что нуэры все же проявляют больше враждебности к динка и чаще нападают на них, хотя они во всех отношениях ближе к ним, чем любые иные народы. В какой-то степени это объясняется тем, что нуэры без всякого труда расхищают стада динка. А частично это можно объяснить и тем, что из всех соседних территорий только страна динка не представляет серьезных экологических препятствий для ее освоения пастушеским народом. Но можно также предположить, что войны такого рода, как между нуэрами и динка, с ассимиляцией пленных и социальными контактами обоих народов в промежутках между набегами, должны были вести к признанию культурной близости и общих ценностей. Война между динка и нуэрами не просто столкновение интересов, но и структурные отношения между двумя народами, а такие отношения требуют определенного признания обеими сторонами того, что каждая в какой-то мере разделяет чувства и обычаи другой. Это утверждение ведет к признанию того, что политические отношения во многом зависят от степени культурной дифференциации нуэров и их соседей. Чем ближе народ к нуэрам по своему образу жизни, языку и обычаям, чем ближе считают его сами нуэры, тем легче они переходят к враждебности к нему и тем легче сливаются с ним. На культурную дифференциацию сильно влияют экологические различия, особенно важно, в какой степени соседние народы являются пастушескими. А это, в свою очередь, определяется почвенными условиями, водными ресурсами, наличием насекомых и т. п. Но в какой-то мере подобная дифференциация независима от экологических

обстоятельств, будучи автономной и исторически возникшей. Можно считать, что культурное сходство нуэров и динка во многом определяет их структурные отношения, точно так же как и отношения между нуэрами и другими народами во многом определяются ярко выраженными культурными различиями. Культурные расхождения меньше всего между нуэрами и динка; они чуть глубже между нуэрами и народами, говорящими на языке шиллуков; они глубже всего между нуэрами и такими народами, как кома, бурун и народы бонго-митту.

Нуэры чаще воюют против народа, имеющего сходную с ними культуру, чем между собой или против народов, культура которых резко отличается от их собственной. Соотношения между социальной структурой и культурой не ясны, но, возможно, если бы нуэры не могли проводить экспансию за счет динка и совершать на них набеги, их отношения с близкородственными народами были бы более антагонистичными, возникшие в результате этого структурные изменения привели бы в стране нуэров к большей культурной гетерогенности, чем сейчас. Может быть, это пустые домыслы, но, во всяком случае, можно сказать, что существование поблизости похожего на них народа, обладающего богатыми стадами, которые легко грабить, наверное, и привело к тому, что нуэры не нападали на своих соотечественников. Хищнические инстинкты, характерные для нуэров, как и для других кочевников, находят выход в борьбе против динка. Это, возможно, объясняет не только тот факт, что между племенами нуэров было так мало войн, но и в какой-то мере исключительно большие размеры самих племен, которые не смогли бы сохранить даже нынешней степени единства, если бы их отделы совершали друг на друга набеги с таким же постоянством, с каким они нападают на динка.

9. У нуэров было мало контактов с шиллуками, поскольку в большинстве районов их разделяет буферная территория динка, а там, где у них общая граница, военные действия, по-видимому, ограничивались лишь инцидентами между пограничными лагерями. На могучее княжество шиллуков, хорошо организованное и с населением свыше ста тысяч человек, нельзя нападать так же безнаказанно, как на племена динка. Но сами нуэры объясняют это иначе: «У них нет скота. Нуэры совершают набеги только на народы, имеющие скот. Если бы у них был скот, мы бы нападали на них и отнимали его, потому что они не умеют сражаться так, как сражаемся мы». Между этими двумя народами нет ни реальной, ни мифологической вражды.

Ануаки, тоже принадлежащие к группе шиллуков-луо, граничат с нуэрами на юго-востоке. Хотя сейчас они занимаются почти исключительно земледелием, в прошлом у них были стада и, по мнению нуэров, на их территории пастбища лучше, чем в стране шиллуков. Более полувека назад нуэры захватили их

территорию вплоть до подножий эфиопского уступа, но вскоре ушли оттуда, вероятно, из-за мухи цеце, так как ануаки почти не оказали сопротивления. Еще тридцать лет назад нуэры совершали на них набеги, но затем ануаки получили винтовки из Эфиопии и смогли оказывать более упорное сопротивление и даже предпринимать контрнаступление. Несмотря на две неудачи, им в конце концов удалось вторгнуться в район обитания лу, где они перебили много народа и захватили множество детей и скота, что заставило правительство двинуть войска к р. Пибор и прекратить столкновение. Есть много свидетельств того, что одно время территория ануаков распространялась далеко на запад от нынешнего их места расселения и что нуэры изгнали их с этой территории или ассимилировали их.

О других народах, с которыми нуэры имеют контакты, можно упомянуть лишь вкратце, так как эти контакты не имеют особого политического значения. На юго-востоке соседом нуэров является народ беир (мурле). Насколько мне известно, нуэры не часто нападали на них, а те, кто немного знаком с беир, уважают их как заядлых скотоводов. К северо-востоку от земли нуэров племя гааджак уже несколько десятилетий поддерживает отношения с галла Эфиопии. Отношения носят мирный характер, и между этими двумя народами велась некоторая торговля. Отсутствие конфликтов можно в значительной мере объяснить наличием разделяющего эти народы «коридора смерти»: когда галла спускаются со своего плато, они быстро заболевают малярией, а нуэры в попытках продвинуться на восток натолкнулись на территории, зараженные мухой цеце, которые идут вдоль подножий гор. Гааджак совершали набеги на бурун и кома (обычно им вместе дают неопределенное название «бурун»), чтобы взять пленных, но эти народы из-за своей малочисленности и неорганизованности не могли сопротивляться. На северо-западе племена джикани, лик и бул время от времени нападали на арабов и на обитателей гор Нуба. Если судить по заявлениям Жюля Понсе, то столкновения, которые происходят ныне между нуэрами и арабами из-за пастбищ и воды в сухой сезон, имели место и в прошлом [31, с. 25].

Арабские торговцы рабами и слоновой костью, причинившие столько несчастий и разрушений народам Южного Судана после завоевания в 1821 г. Северного Судана Мухаммедом Али, очень мало беспокоили нуэров. Иногда они грабили деревни по берегам рек, но я не слышал никаких упоминаний о том, чтобы они проникали в глубь страны нуэров, и лишь более доступные отделы племен с р. Зераф в какой-то мере страдали от их грабежей. Не думаю, чтобы нуэров где-либо серьезно затронули контакты с арабами [6]. Ни египетское правительство, ни, позднее, махдистское правительство, которые, как считалось, правили Суданом с 1821 г. до конца столетия, не осуществляли над нуэрами никакого контроля; между тем на окраинах их страны были установлены военные посты. Нуэры иногда совершали

набеги на такие посты, иногда же арабы, опираясь на них, совершали набеги на нуэров [5, с. 221], но в целом можно сказать, что нуэры жили, не обращая внимания на посты.

Так продолжалось и после вторичного завоевания Судана англо-египетскими войсками и установления новой администрации. Нуэры были последним крупным народом, попавшим под контроль новой администрации, и нельзя сказать, чтобы до 1928 г. контроль был эффективным. Он сводился к тому, что на землях нуэров время от времени появлялись случайные патрули. Характер местности затруднял коммуникации и препятствовал установлению постов внутри страны нуэров, сами же нуэры не хотели вступать в контакт с чужеземцами на границе их края. Контроль почти не осуществлялся, и заставить население выполнять какие-либо решения администрации было невозможно. Трудность заключалась и в том, что не было нуэров, которые путешествовали бы за границами своего края и знали бы арабский язык, и их место как переводчиков и проводников занимали динка и ануаки, которым нуэры — не без оснований — не доверяли и которые постоянно жаловались на нуэров.

Агрессивность и замкнутость нуэров соответствуют их культуре, социальной организации и характеру. Самообеспечивающее хозяйство, простота их культуры и сосредоточение всех интересов на скоте объясняют, почему они не хотели и не хотят принимать никакие европейские нововведения и почему они отвергали мир с соседями, мир, который мог лишить их жизнь всякого смысла. Форма и прочность их политической структуры зависели от сбалансированного антагонизма, который находил выход только в войне против соседей. Из-за признания войны как главной ценности, гордости за прошлые победы и глубокого чувства равенства в своей среде, а также превосходства над другими народами нуэры не могли добровольно признать чье-либо господство, которого они до этого не знали. Если бы эти особенности нуэров были лучше известны, можно было бы, начиная с более раннего времени, вести по отношению к ним иную политику [2, с. 39—42; 1, с. 15; 19, vol. I, с. 133; 6; 36, с. 222; 34, с. 215, 256—257; 26, с. 60; 29, с. 174—175].

В 1920 г. против восточных джикани велись крупномасштабные военные операции с бомбардировками и обстрелом лагерей из пулеметов, было много убитых, было уничтожено много имущества. В дальнейшем патрули время от времени посылались снова, но подчинить нуэров не удавалось. В 1927 г. члены племени нуонг убили окружного комиссара, лу открыто не подчинились правительству, а гаавар напали на полицейский пост в Дук Файйюле. С 1928 по 1930 г. велись длительные операции против всего этого беспокойного края, в результате чего земли нуэров оказались под более жестким контролем правительства.

10. Рассказывая о системе исчисления времени у нуэров, мы отмечали, что, с одной стороны, эта система представляет

собой концептуализацию фаз хозяйственной деятельности, имеющих для них особое значение, при помощи различных видов деятельности или изменений природной среды. С другой стороны, мы отмечали, что это концептуализация структурных отношений, когда единицы времени соотносятся с единицами структурного пространства. Мы дали краткое описание единиц структурного пространства в его политическом, или территориальном, измерении и обратили внимание читателя на влияние экологии на распределение населения, а следовательно, и на те ценности, которые связываются с подобным распределением. Однако эта система не так проста, как мы ее изложили, ибо не просты и ценности, и сейчас мы попытаемся разоблачить в некоторых затруднениях, которые мы до сих пор обходили молчанием. Мы начнем с вопроса о том, что имеют в виду нуэры, говоря о своем *чьенг*.

Ценности воплощаются в словах, через которые они влияют на поведение. Когда нуэр говорит о своем *чьенг*, своем *дохор*, своем *гол* и т. д., он осмысляет свои ощущения структурного расстояния, отождествляя себя с локальной общиной и тем самым отделяя себя от других общин того же вида. Тщательный разбор слова *чьенг* поможет нам увидеть самую главную характерную черту локальных групп нуэров, да и вообще всех социальных групп — их структурную относительность.

Что имеет в виду нуэр, когда говорит: «Я человек из такого-то *чьенга*»? *Чьенг* означает «дом», но точное значение слова меняется в зависимости от того, в какой ситуации его применяют. Если встретить англичанина в Германии и спросить, где его дом, он может ответить: «В Англии». Если встретить того же человека в Лондоне и задать ему тот же вопрос, он скажет, что его дом в Оксфордшире, а если встретить его в этом графстве, он назовет город или деревню, где он живет. Если задать ему тот же вопрос в его городе или деревне, он назовет определенную улицу, а находясь на этой улице, он укажет свой дом. Так же обстоит дело и с нуэрами. Нуэр, встреченный за пределами своего края, скажет, что его дом — это *чьенг* Нат, страна нуэров. Он может сослаться как на свой *чьенг* и на район обитания своего племени, хотя чаще всего его определяют словом *рол*. Если спросить, где его *чьенг*, когда он находится в районе племени, он назовет соответствующую деревню или отдел племени. Обычно он называет или третичный отдел племени, или свою деревню, но может назвать и свой первичный или вторичный отдел. Если задать тот же вопрос, когда нуэр находится в своей деревне, он даст название своего хутора или покажет на свое домохозяйство или на тот конец деревни, где оно находится. Итак, если человек говорит: «ва *чьенгда*» («я иду домой»), находясь вне деревни, он имеет в виду, что возвращается в деревню. Если это происходит в деревне, он имеет в виду, что идет в свой хутор. Если он находится в последнем, то имеет в виду, что он идет в свое домохозяйство. Таким образом, *чьенг*

означает домохозяйство, усадьбу, деревню и отдел племени самых различных размеров.

Разные значения слова *чъенг* объясняются той относительностью групповых ценностей, о которых идет речь. Я подчеркиваю эту характерную черту структурного расстояния сейчас, потому что понимание ее необходимо, чтобы разобраться в рассказе о различных социальных группах, которые мы собираемся описать. Если понять ее, то будет ясно, что встречающиеся в нашем рассказе противоречия — это противоречия в самой структуре, точнее, отличительная черта этой структуры.

Человек является членом какой-либо политической группы в силу того, что он не является членом других групп того же рода. Он рассматривает последние как отдельные группы, и их члены рассматривают его как члена определенной группы, а его отношения с другими группами контролируются структурным расстоянием. Но сам человек не рассматривает себя как члена определенной группы, поскольку он является членом ее сегмента, который находится вне других ее сегментов и противостоит им. Так человек может быть членом группы и все же не быть им. Это основной принцип политической структуры нуэров. Таким образом, человек является членом своего племени, когда речь идет об отношениях этого племени с другими племенами, но он не является им, когда речь идет об отношениях его сегмента племени к другим сегментам. Точно так же человек является членом своего сегмента племени, когда речь идет об отношениях этого сегмента к другим сегментам, но он не является его членом, когда речь идет об отношениях его деревни к другим деревням того же сегмента. Отсюда характерная черта всякой политической группы — ее неизменная тенденция к расщеплению и взаимная оппозиция ее сегментов. Другая ее характерная черта — тенденция к слиянию с другими группами того же рода в оппозиции к более крупным политическим сегментам. Таким образом, политические ценности, говоря структурным языком, всегда находятся в конфликте. Одна из них привязывает человека к его группе, другая — к ее сегменту в оппозиции к другим ее сегментам. Ценность же, которая определяет его действия, — это функция социальной ситуации, в которой он оказывается. Ибо человек рассматривает себя как члена какой-либо группы только в оппозиции к другим группам, а члена другой группы он рассматривает как члена целостного социального объединения, если даже оно и расколото на находящиеся в оппозиции друг к другу сегменты.

Схема 9 иллюстрирует политическую структуру очень грубо и формально, что вполне понятно. Эту структуру нелегко изобразить графически, ибо политические отношения относительны и динамичны. Их лучше рассматривать как тенденцию к соответствию определенным ценностям в определенных ситуациях, причём ценность определяется структурными отношениями людей, которые оказались в данной ситуации. Так, на чьей стороне сра-

жается человек во время конфликта, зависит от структурных отношений людей, замешанных в конфликте, и собственного отношения данного человека к обеим сторонам.

Мы должны коснуться еще одного важного принципа политической структуры нуэров: чем меньше локальная группа, тем сильнее чувства, объединяющие ее членов. Лояльность внутри племени слабее, чем лояльность внутри одного из его сегментов, а лояльность в сегменте слабее, чем лояльность во входящей в него деревне. Логически так оно и должно быть, ибо если единство внутри группы — это функция ее оппозиции к группам того же рода, то можно предположить, что чувство единства внутри группы должно быть сильнее чувства единства внутри более крупной группы, в которую та входит. Но так же очевидно, что чем меньше группа, тем больше контактов между ее членами, тем разнообразнее эти контакты, тем больше кооперация внутри нее. В большой группе (например, в племени) контакты между ее членами не часты, а корпоративная деятельность ограничивается случайными военными предприятиями. В мелкой группе (например, в деревне) не только осуществляются повседневные контакты ее обитателей, но члены ее, помимо этого, объединены тесными агнатными, когнатными и свойственными узами, которые могут выражаться во взаимодействии. Чем шире группа, тем слабее и реже проявляются такие узы, и сплоченность политической группы несомненно зависит от количества и силы связей неполитического характера.

Нужно также сказать, что политические реалии запутаны и противоречивы. Они запутаны, потому что не всегда — даже в политическом контексте — согласуются с политическими ценностями и потому что в той же самой сфере действуют социальные связи различного рода, иногда укрепляющие политические реалии, а иногда действующие против них. Они противоречивы, потому что определяющие их ценности из-за относительности политической структуры сами находятся в конфликте. Логичность политических реалий можно увидеть, только поняв динамизм и относительность политической структуры и приняв во внимание отношение политической структуры к другим социальным системам.

Глава IV

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

1. Племена нуэров разбиты на сегменты. Самые крупные сегменты мы называем первичными отделами племени; они, в свою очередь, делятся на вторичные отделы племен, а те — на третичные отделы. Опыт показывает, что «первичный», «вторичный», «третичный» — термины вполне достаточные для определения отделов, а для самых мелких племен требуется еще меньшие термины. Третичный отдел племени охватывает несколько деревенских общин, которые состоят из родственных и домовых групп.

Так, племя лу, как видно из схемы 10, делится на первичные отделы гун и мор. Первичный отдел гун делится на вторичные отделы румджок и гаатбал. Вторичный отдел гаатбал, в свою очередь, делится на третичные отделы ленг и ньярквач. На схеме показаны только несколько сегментов: помимо этого, вторичный отдел гаалиек (первичный отдел мор) делится на ньяак и бут; румджок делится на фалкер, ньяджикани, квачгьен и т. д.

Схема 11 показывает первичные отделы племен восточных джикани — племени восточных гаагванг и первичные и вторичные отделы племен восточных гааджак и гааджок. Я постарался привести эти данные с максимальной точностью. Но тот, кто знает, насколько трудно разобраться в сложной системе деления племен нуэров, не удивится, что некоторым отделам даны не те названия, которые ему известны, а известные ему названия не упомянуты.

Племя гаагванг (принадлежащее к западным джикани) рассматривают как часть племени гааджок, территория которого протянулась по обоим берегам р. Бахр-эль-Газаль, тогда как племя гааджак живет к югу от этой реки. Первичные отделы этих двух племен — гаагвонг, ренг, тьянг, лаанг, вангквач и йол — те же, что и к востоку, но некоторые вторичные отделы, занимающие видное место к северу от р. Собат, здесь не встречаются, если не считать мелких скоплений на р. Бахр-эль-Газаль, и наоборот. Это объясняется тем, что некоторые линиджи мигрировали на восток, тогда как другие оставались на родине.

Убедившись в том, что сегментация других племен нуэров подобна сегментации племен лу и джикани, я не стал составлять подробных схем их деления. Однако я привожу схему 12,

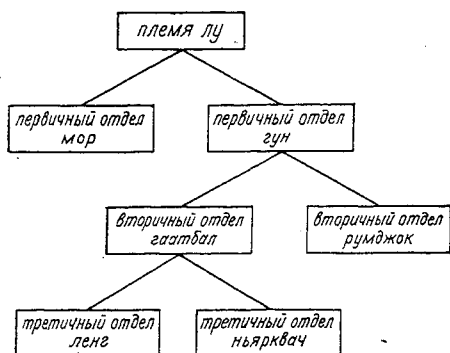

Схема 10. Структура племени лу

показывающую сегментацию племен в районах гаавар, лак и тьянг.

Можно заметить, что я не пытался привести список всех отделов каждого племени, но просто дал представление о характере сегментации, чтобы в следующей главе были более понятны отношения между делением племен и линиджами.

личительное название, сознание общности и особая территория. Как правило, каждый отдел племени отделяет от другого широкая полоса буша или река. Как показано на картах 3, 4 и 5, сегменты одного племени обычно расходятся в различных направлениях к своим пастбищам сухого сезона, так что существующее между ними в сезон дождей расстояние сохраняется, а в засуху даже увеличивается, хотя, как мы указывали, в районах более крупных племен, к востоку от Нила, из-за суровых природных условий возникают более тесные взаимоотношения, чем у мелких племен на западе.

Чем меньше сегмент племени, тем компактнее его территория, тем сплоченнее его члены, тем разнообразнее и крепче их общие социальные связи, а поэтому сильнее и ощущение единства. Как мы увидим, сегмент племени кристаллизуется вокруг линиджа господствующего клана племени и, чем меньше сегмент, тем теснее генеалогические отношения между членами этого фрагмента клана. Точно так же, чем меньше сегмент, тем сильнее влияет система возрастных групп на поведение людей, стимулируя внутри сегмента корпоративную деятельность. Таким образом, политическая сплоченность не только различна в зависимости от изменений политического расстояния, но и является функцией структурного расстояния других типов.

Каждый сегмент также расколот, и между его частями существует оппозиция. Члены каждого сегмента объединяются для войны против смежных сегментов того же порядка и объединяются с этими смежными сегментами против более крупных отделов. Так, нуэры говорят, что если третичный отдел ленг племени лу сражается против третичного отдела ньярквач (между ними действительно была длительная вражда), то на борьбу объединяются деревни, составляющие все отделы. Но если вспыхнет ссора между третичным отделом ньярквач и вторичным отделом румджок (как это случилось недавно из-за пра-

2. У сегментов племени много черт, характерных для самого племени: от-

племя гааджок		племя гаагванг	племя гааджак						
первичный отдел лаанг	вторичный отдел тиур вторичный отдел двонг вторичный отдел квит	первичный отдел гаатчика	первичный отдел гаагванг	вторичный отдел ньяйян ¹ вторичный отдел чани вторичный отдел вау					
					первичный отдел вангквач	вторичный отдел миньял вторичный отдел ванг вторичный отдел ньятол	первичный отдел ньинги	первичный отдел ренг	вторичный отдел конг ² вторичный отдел чол вторичный отдел дхиллеак ⁴

Схема 11. Структура племен восточных джикани

¹ Вместе с ньяджаани; ² Также называется ньяруни; ³ Также называется тиек в яар; ⁴ Также называется чинг

ва на пользование водой в Фадинге), то ленг и ньярквач объединятся против их общего врага — румджок, которые, в свою очередь, создадут коалицию различных сегментов, на которые они разделены. Если произойдут столкновения между первичными отделами мор и гун, то румджок и гаатбал объединятся против совместных сил отделов мор — гаалиек, джимач и джааджоа. Если вспыхнет война против гааджок и гаавар, то первичные отделы гун и мор — во всяком случае, теоретически — объединятся и все племя лу вступит в бой, поскольку оба отдела принадлежат к одной и той же политической группе и поскольку их господствующие линиджи принадлежат к одному и тому же клану. И действительно, они объединялись в набегах на динка.

Что касается восточных гааджок, то отделы миньял, ванг и ньятол объединяются против йол. Отделы тиур, двонг и квит тоже объединяются для войны. Хотя в основе столкновений между отделами племен и возникающей из них традиционной вражды лежит территориальный принцип, они часто отражают и деление на линиджи, поскольку существует тесная связь между территориальными и линиджными сегментами и нуэры обычно выражают социальные обязательства в понятиях родства. Так, рассказывая мне, что вангквач и йол наверняка объединят-

ПЛЕМЯ ГААВАР

<i>первичный отдел радх</i>	<i>первичный отдел бар</i>
<p><i>вторичный отдел керфаил</i> <i>вторичный отдел ньядаквон</i> <i>вторичный отдел пер</i> <i>вторичный отдел ньянгуа</i> <i>вторичный отдел джитхеиб</i></p>	<p><i>вторичный отдел лидх</i> { <i>третичный отдел банг</i> <i>третичный отдел джамогх</i></p> <p><i>вторичный отдел чатква</i> { <i>третичный отдел чаам</i> <i>третичный отдел чатква</i></p>

ПЛЕМЯ ЛАК

<i>первичный отдел дженьянг</i>	<i>первичный отдел квачбур</i>
<p><i>вторичный отдел кудвон</i> <i>вторичный отдел ньянир</i></p>	<p><i>вторичный отдел тобут</i> { <i>третичный отдел ньявар</i> <i>третичный отдел донгриал</i></p> <p><i>вторичный отдел лак</i> { <i>третичный отдел тьянг</i> <i>третичный отдел кар</i> <i>третичный отдел нуак</i></p>

ПЛЕМЯ ТЬЯНГ

<i>первичный отдел риа</i>	<i>первичный отдел банг</i>
<p><i>вторичный отдел джуал</i> <i>вторичный отдел маньял</i> <i>вторичный отдел гцин</i></p>	<p><i>вторичный отдел ньянгур</i> { <i>третичный отдел гул</i> <i>третичный отдел бедид</i> <i>третичный отдел двонг</i></p> <p><i>вторичный отдел квот</i> <i>вторичный отдел чуол</i></p>

Схема 12. Структура племен гаавар, лак и тьянг

ся для войны против любого иного отдела, нуэры, по сути дела, утверждали, что линиджи Ванкач и Йол, являющиеся господствующими линиджами в этих отделах, объединятся, потому что их предки были сыновьями одной и той же матери.

Принцип сегментации и оппозиции между сегментами одинаков для любого отдела племени и распространяется за пределами племени на отношения между племенами, особенно между мелкими племенами западных нуэров, которые легче и чаще объединяются для набегов на динка и для борьбы друг с другом,

чем более крупные племена к востоку от Нила. Так, член отдела фаданг племени бор привел мне такой пример: «Мы сражаемся против ренгьян, но если мы (или они) сражаемся против третьей стороны, то мы с ними объединяемся». Этот принцип иллюстрируется схемой 13: если Z_1 сражается против Z_2 , другие отделы не участвуют в борьбе. Когда Z_1 сражается против Y_1 , то Z_1 и Z_2 объединяются в Y_2 . Когда Y_1 сражается против X_1 , Y_1 и Y_2 объединяются так же, как X_1 и X_2 . Когда X_1 сражается против A , то X_1 , X_2 , Y_1 и Y_2 объединяются в B . Когда A совершает набег на динка, A и B могут объединиться.

Более крупные отделы племен были почти автономными группами и, как таковые, участвовали в союзах или в военных действиях. Они то сражались друг с другом, то объединялись против третьей стороны. Я приведу несколько примеров борьбы между отделами племен. Одна из самых серьезных войн в истории нуэров произошла при жизни последнего поколения между группами гун и мор из племени лу. Она была известна под названием *кур луни як* («война выпущенной на волю гиены»), потому что было убито так много людей, что трупы оставляли на съедение гиенам. Говорят, что в этой войне люди проявляли невиданную жестокость, например, отрезали руки, чтобы быстрее овладеть браслетами из слоновой кости. Позже долгое время длилась традиционная вражда между третичными отделами ленг и ньярквач племени лу, которая продолжается и поныне. Она была последствием более раннего столкновения между тьянг и йол, которые когда-то являлись подотделами ньярквач. Предки господствующих линиджей в группах ленг и йол были братьями, тогда как предок господствующего линиджа в группе тьянг был сыном их сестры. Долгое время йол и тьянг жили вместе мирно, но лет тридцать назад между ними начались столкновения, и потерпевший поражение отдел тьянг стал искать защиты у отдела ленг. Отдел йол предупредил отдел ленг, чтобы он не принимал его врагов и не давал им убежища.

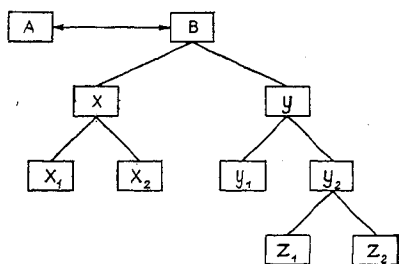

Схема 13. Взаимоотношения отделов племен нуэров

Люди ленг ответили, что предок линиджа Ленг был дядей по материнской линии предка линиджа Тьянг и что они не могут отказать в убежище сыновьям их сестер. Это заставило йол (ньярквач) начать вторую войну, на этот раз против союза ленг и тьянг. В племени лу недавно происходили и другие столкновения — между группами фалькер и ньяджикани вторичного отдела румджок и между различными локальными общинами первичного отдела мор, особенно между двумя группами вторичного отдела джимач.

В краю восточных гааджок первичный отдел йол присоединился к племени гагванг (которые, видимо, настолько отождествили себя с племенем гааджок, что к западу от Нила мы можем говорить о них почти как о едином племени, отделенном от гааджак обширными болотами Мачар) в борьбе против нескольких, а может быть, и всех отделов племени гааджак. Йол сражались против ньяян, а гагванг сражались против ренг и канг. Примерно сто лет назад долгое время враждовали первичные отделы лаанг и вангkach племени гааджок; шла также война между отделами йол и вангkach, в которой победили йол, поддержанные союзным племенем гагванг. Вангkach потерпели такое тяжелое поражение, что перешли на юг, к берегам р. Пибор. Здесь, как говорят, на них напали туруки (какие-то арабы), и они вернулись на север к родным местам. Они были слишком истощены, чтобы возобновить борьбу с йол.

Несмотря на подобные внутренние раздоры, в случае, если какой-нибудь отдел племени гааджок вступает в войну с племенем лу, все другие отделы гааджок приходят на помощь оказавшемуся в опасности отделу. Враждебные действия имели место и между отделами восточных гааджак, например между тьянг и ренг. Когда сражаются два племени, остальные племена сохраняют нейтралитет, а если два отдела племени сражаются друг против друга, другие отделы племени не вмешиваются — в том случае, если силы этих отделов равны и они не просят помощи. Некоторые информанты мисс Суль указывали, что, когда несколько лет назад произошли столкновения между отделом йол племени гааджок и отделом лони племени гааджак, их силы были примерно равны, но если бы у лони не хватило сил сражаться в одиночку, то каанг и тар, а может быть, и другие отделы племени гааджак пришли бы ему на помощь, а в этом случае отделы племени гааджок присоединились бы к силам йол. Они также указывали, что в настоящее время существует вражда между отделом лулуаа и отделом ванг. Враждебные действия имеют место также между различными отделами вангkach. Если лулуаа и ванг начнут сражаться, то отделы вангkach уладят свои разногласия и присоединятся к лулуаа.

Как и другие племена к западу от Нила, племена западных гааджок и гааджак не только мельче размерами, но и менее сплочены, чем восточные гааджок и гааджак. В обоих племенах на берегах р. Бахр-эль-Газаль часто происходили ожесточенные

внутренние столкновения. Имели место жестокие битвы между подотделом гаи из первичного отдела гагвонг и двумя другими подразделениями того же отдела — квот и бор, господствующие линиджи которых происходят от одной матери. Квот и бор потерпели поражение, мигрировали на юг и осели в Кваче — в краю ренгьян. У того же подотдела гаи были столкновения с первичным подотделом ренг, после чего он перешел в край карлуал. В племени гааджак происходили и многочисленные другие столкновения. Племя гааджок когда-то жило полностью на левом берегу р. Бахр-эль-Газаль, а на правом берегу оно поселилось в результате миграции, вызванной традиционной враждой.

Племя лик целиком жило когда-то на правом берегу р. Бахр-эль-Газаль. Здесь два его первичных отдела — чуаг и денг, жившие к западу от р. Гани, — вошли в столкновение с третьим первичным отделом — кеуньянг (карлуал), жившим к востоку от реки. Потерпев поражение, они перешли Бахр-эль-Газаль и поселились на его левом берегу. Существует предание о том, что аристократы из отделов ньяпир и ньява употребляли в песнях оскорбительные выражения в адрес друг друга. Эти песни привели к столкновениям между юношами, причем было убито по одному человеку с каждой стороны. Конфликт разросся и в конце концов денг и чуаг перешли через реку. На следующий год в сухой сезон они снова пересекли Бахр-эль-Газаль, чтобы стать лагерем на правом берегу, и во время возвращения к деревням гнали перед собой стада, принадлежавшие кеуньянг. Шесть девушек пришли, чтобы взять оставленные ими в лагере сосуды для доения, но их убили люди кеуньянг. Этот акт был расценен как грубое нарушение правил войны, так как нуэры не убивают женщин. Тогда денг проклинали противников, и отныне аристократам кеуньянг, переходящим через Бахр-эль-Газаль и селящимся среди денг или чуаг, а также аристократам из денг или чуаг, переселяющимся на юг и селящимся среди кеуньянг, запрещается строить крытые загоны обычного типа. Когда правительственные войска предприняли экспедицию против карлуал (кеуньянг), многие линиджи карлуал перешли реку, чтобы поселиться в краю денг и чуаг. Ныне многие денг и чуаг проводят сухой сезон в краю карлуал, так как на их собственной территории пастбища бедны хорошей травой — там растет в основном малопитательная болотная трава.

Внутри всех этих первичных отделов традиционная вражда — постоянное явление. Так, в краю карлуал отделы риааг, гом, джиом, ньян, джикул и нгвол часто враждуют друг с другом. Едва ли стоит перечислять эти мелкие конфликты и их последствия. Я хочу лишь пояснить, что деревни, занимаемые этими малыми отделами — тутгар (нгвол), ньянг (рилаг), ньюсни (джуак), кол (джикул) и др., находятся лишь в нескольких милях от ближайших соседей и все они расположены на территории с пятимильным радиусом. Столкновения и традиционная

вражда чаще всего имеют место между деревнями и третичными отделами племени.

Я мог бы привести много примеров традиционной вражды, но в этом нет нужды, так как и приведенные примеры хорошо иллюстрируют недостаток политического контроля в племенах нуэров. Можно сказать в заключение, что племя требует от человека верности только в межплеменной борьбе и войнах против динка. В обычное время человек мыслит и действует, как член наиболее мелких локальных групп.

3. Можно воспользоваться схемой 13 для анализа противоречий в политической структуре нуэров. Член третичной секции Z_2 племени В считает себя членом Z_2 по отношению к Z_1 ; все члены Z_2 считают себя членами этой группы по отношению к Z_1 , и таковыми их считают члены Z_1 . Но он считает себя членом Y_2 , а не членом Z_2 по отношению к Y_1 , таковым его считают и члены Y_1 . Точно так же он считает себя членом Y , а не Y_2 по отношению к X и членом племени В, а не его первичного отдела Y по отношению к племени А. Каждый сегмент считает себя самостоятельной единицей по отношению к другому сегменту того же отдела, но рассматривает оба сегмента как нечто единое по отношению к другому отделу. А отдел, который с точки зрения его членов состоит из противостоящих сегментов, считается членами других отделов несегментированной единицей. Таким образом, как мы указывали ранее, всегда существует противоречие в дефиниции политической группы, ибо она является группой только по отношению к другим группам. Сегмент племени — это политическая группа по отношению к другим подобным сегментам, и вместе они образуют племя только по отношению к другим племенам нуэров и смежным чужим племенам, являющимся частью той же политической системы. Без учета этих отношений понятия сегмента племени и самого племени почти не имеют смысла. Здесь мы говорили о том же, о чем говорили при рассмотрении слова *чьенг*: политические ценности относительны, политическая система — это равновесие между противоположными тенденциями к расщеплению и слиянию, между тенденцией всех групп к сегментации и тенденцией всех групп к объединению со сходными сегментами. Тенденция к слиянию заложена в сегментном характере политической структуры нуэров. Хотя всякая группа имеет тенденцию к расщеплению на противостоящие части, эти части должны стремиться к слиянию по отношению к другим группам, поскольку они составляют часть сегментной системы. Поэтому расщепление и слияние в политических группах — это два аспекта одного и того же сегментного принципа, а племя и его отделы у нуэров надо понимать как равновесие между этими двумя противоположными, но дополняющими друг друга тенденциями. Окружающая среда, способ жизнеобеспечения, бедность коммуникаций,

примитивная техника и скудные продовольственные ресурсы, т. е. все, что мы именуем экологией, до некоторой степени объясняют демографические черты политической сегментации нуэров, но саму тенденцию к сегментации следует считать фундаментальным принципом их социальной структуры.

Поэтому наша формальная дефиниция племени по перечисленным выше признакам в чем-то произвольна. Политическая система — это все расширяющаяся сеть противостоящих друг другу сегментов: от отношений внутри самого мелкого отдела племени до межплеменных и внешних отношений. Оппозиция между сегментами самого мелкого отдела, на наш взгляд, имеет тот же структурный характер, что и оппозиция между племенем и его соседями динка, хотя формы их выражения и различны. Часто нелегко решить, рассматривать ли группу как племя или как сегмент племени, так как политическая структура крайне динамична. Применяя в качестве главного критерия виру за кровь, мы рассматриваем восточных гааджок и гааджак как отдельные племена, потому что у них нет компенсации за убийство, но сами они считают себя единой общностью по отношению к лу. По всей территории лу все еще признают единство племени, но на деле отделы гун и мор более или менее автономны, и сомнительно, чтобы они выплачивали друг другу компенсацию за убийство, хотя они и говорят, что ее следует платить. Оказывается, что в традиционной вражде между первичными отделами йол и вангкач племени гааджок было убито так много людей, что всякие выплаты виру за убийство прекратились. В то же время мне говорили, что в период, когда влияние «прококов» племени лу — Нгунденга и Гвека — было особенно велико, лу и гааджок платили друг другу компенсацию. В более крупных племенах сегменты признают формальное единство, но на деле они не очень сплочены. Такая реалья, как племя, все еще признается, но фактические отношения вступают с ней в конфликт, поскольку они основаны на локальных связях внутри племени, и, по нашему мнению, именно этот конфликт между противоречащими друг другу ценностями внутри территориальной системы и составляет суть политической структуры.

Племена нуэров — это ценностные воплощения территориального распределения народа, а межплеменные и внешние отношения — стандартизованные модели поведения, через которые находят выражение такие ценности. Чувство единства племени поэтому относительно и в каждый данный момент связано с определенным новым звеном расширяющейся сети структурных отношений. Более того, оно относительно не только потому, что то, что сегодня мы называем племенем, завтра может оказаться двумя племенами, но и потому, что оно определяет поведение, лишь когда в действии находится целая сеть структурных отношений, главным образом враждебных актов между сегментами племени и между племенем и другими группами того же структурного порядка. Племя очень редко функционирует по

корпоративному признаку; более того, чувство единства племени определяет поведение в строго ограниченной сфере социальных отношений. То же относится и к сегментам племени. Поэтому мы бы предложили давать дефиницию политическим группам нуэров в категориях их ценностей, согласно связям между их сегментами и их взаимоотношениям как сегментов более крупной системы в определенных социальных ситуациях, а не просто как частей какой-либо прочно установившейся системы, в рамках которой живут люди.

Мы не сомневаемся, что есть взаимозависимость между отношениями различных отделов племени и всей политической системой, часть которой эти отделы составляют, но это нелегко показать наглядно. Уже говорилось, что чем меньше локальная группа, тем она сплоченнее и тем больше разнообразных контактов между ее членами. Чем больше расширяем мы круг — от деревни до смежных племен, тем слабее солидарность. Поэтому можно предположить, что оппозиция между двумя группами всегда сильнее, чем между сегментами каждой группы, и что сегменты держатся вместе в силу этого внешнего давления. Однако у нас нет фактов, подтверждающих сказанное, потому что между деревнями, группами деревень и третичными отделами племени больше вражды, чем между более крупными отделами племени и между племенами. Вероятно, набеги, совершаемые племенем и союзами племен против динка, имели интегрирующее действие, но динка не проявляли агрессивности в отношении нуэров, и, похоже, сохранение племенной структуры скорее следует приписать оппозиции между мелкими сегментами племени, чем внешнему давлению. Если это так, а существование института традиционной вражды подтверждает это, то мы приходим к заключению, что чем разнообразнее и чаще контакты между членами сегмента, тем интенсивнее оппозиция между его частями. Как ни парадоксально выглядит этот вывод, мы приходим к нему путем наблюдений и раздумий о том, что составляет сегментную систему.

4. Мы употребили в последнем разделе термин «традиционная вражда» в значении «длительные враждебные действия между локальными общинами внутри племени». Этот несколько расплывчатый термин кажется допустимым, потому что он общепринят, а также потому, что, хотя отвечают за убийство и обязаны мстить только близкие агнатные родичи убийцы и убитого, общины, к которым принадлежат обе стороны, оказываются в той или иной степени вовлеченными в возникающие враждебные действия, а нередко и в войну, которая может вспыхнуть в результате конфликта. Однако, строго говоря, этот термин было бы правильнее употреблять для описания отношений между родичами с обеих сторон в той ситуации, когда произошло убийство, ибо тогда он обозначает специфический институт. Поэтому

му иногда мы говорим о «кровной вражде», чтобы подчеркнуть именно это более узкое и более четко определенное значение.

Кровная вражда — это племенной институт: она может возникнуть только в том случае, когда признается нарушение законности: только таким путем можно получить возмещение. Боязнь вызвать кровную вражду — это самая важная юридическая санкция внутри племени и главная гарантия жизни и имущества индивида. Если община одного племени пытается отомстить за убийство общине другого племени, то начинается война между племенами, а не просто традиционная вражда, и тогда нет никаких путей урегулирования конфликта путем посредничества.

Поскольку нуэры склонны воевать, людей часто убивают. Редко увидишь мужчину без шрамов от дубины или копья. Один из нуэров перечислил мне следующие причины столкновений: споры из-за коровы; корова или коза поедает сорго и его хозяин бьет ее; человек наносит удар маленькому сыну другого человека; прелюбодеяние; нарушение прав на водопользование в сухой сезон; нарушение права на пользование пастбищем; человек пользуется какой-либо вещью, особенно украшением для танцев, без разрешения ее владельца. Нуэры сразу же лезут в драку, если считают, что их оскорбили, так как они очень чувствительны и обидчивы. Если человек приходит к выводу, что его обидели, ему некому пожаловаться, так как нет власти, которая могла бы дать ему удовлетворение, и он сразу же вызывает обидчика на поединок, и этот вызов должен быть принят. Другого способа урегулирования спора нет, и в случае вызова человека может защитить только его личная смелость. Нуэр не решается бросать вызов лишь в тех случаях, когда применению оружия мешает близкое родство или возрастной статус обидчика. Ему не приходит в голову сначала попросить совета, и к непрошеному совету никто не прислушивается. С самого раннего возраста взрослые поощряют ребенка решать все споры дракой, и дети привыкают к мысли, что военная сноровка — это самое необходимое качество, а мужество — величайшая добродетель.

Мальчики дерутся, используя браслеты с острыми шипами. Мужчины из одной и той же деревни или лагеря дерутся дубинами, так как по установленному обычаю близкие соседи не могут пользоваться в драке копьями: если один из них будет убит, кровная вражда приведет к расколу общины. Принято также, что третий человек не должен вмешиваться в драку, если даже в ней участвует его близкий родственник. Когда драка началась, ни та, ни другая сторона не могут уступить, и драться надо до тех пор, пока один из участников не будет серьезно ранен, если только — как это обычно и случается — присутствующие не растащат громко протестующих драчунов и не встанут между ними.

Когда происходят столкновения между людьми из разных де-

ревень, в ход пускают копыя. В таких конфликтах участвуют все взрослые мужчины обеих общин, и столкновение не прекращается, пока не будет убито несколько человек. Нуэры знают это и, если только они не очень разгневаны, не склонны затевать драку с соседней деревней, нередко позволяют вмешаться в дело вождю — носителю леопардовой шкуры или старейшинам. Я видел, как такого рода столкновение было предотвращено через посредничество старейшин обеих сторон, но было совершенно ясно, что их посредничество ничего бы не дало, если бы молодые люди действительно хотели затеять драку. Ныне такие столкновения случаются реже, так как люди побаиваются вмешательства правительственных сил, но я видел, как лагеря и даже отдели племен собирались и готовились начать войну. А когда-то столкновения были очень частыми.

Племена иногда совершали набеги друг на друга ради захвата скота, но военные столкновения между ними были редки. Межобщинные столкновения и являющаяся их следствием традиционная вражда — это часть тех политических отношений, которые существуют между сегментами и общей организацией племени. Так, один из лик говорил мне: «Мы деремся между собой, и гааджок дерутся между собой. Мы не деремся с гааджок. Мы деремся друг с другом. У них свои драки». В этих столкновениях гибнут люди, и с них начинается кровная вражда. Внутри племени существует метод прекращения вражды с помощью посредничества.

5. Мы вкратце описываем процедуру урегулирования кровной вражды, не вдаваясь в детали ритуала. Как только человек убьет другого, он спешит в дом вождя — носителя леопардовой шкуры, чтобы очиститься от пролитой им крови и найти убежище от возмездия. Он не пьет, не ест, пока кровь убитого не будет выпущена из его тела, ибо считается, что она туда каким-то образом проникла. Для этого вождь делает на его руке вниз от плеча два вертикальных надреза острием копыя, которым бьют рыбу. Убийца подносит вождю вола, барана или козла, которых вождь приносит в жертву. Этот ритуал и метка на руке именуется *бир*. Как только родные убитого узнают о его гибели, они стараются отомстить убийце, ибо месть — это самое важное обязательство родства по отцовской линии и воплощение всех обязательств. Считается позорным, если родичи не предпримут усилий, чтобы отомстить за убийство. Пока убийца живет у вождя — с момента операции с надрезами и до окончательного урегулирования, — он находится в надежном убежище, так как вождь священен и в его усадьбе нельзя проливать кровь. Возможно, что люди ищут убежища у вождя только в случае большой опасности, но, судя по всему, это общепринятая практика.

Пока убийца находится в доме вождя, мстители караулят

его (*бим*), время от времени проверяя, не покинет ли он убежище и не будет ли возможности ударить его копьём. Они пользуются любым шансом для его уничтожения, но на деле не очень усердно ищут таких шансов. Такая ситуация может длиться несколько недель, после чего вождь начинает переговоры с родственниками убитого об урегулировании конфликта. Его попытки примирения не встречают доброжелательного отклика до завершения похоронных церемоний и до того, как несколько утихнут страсти. Переговоры ведутся неторопливо. Прежде всего вождь узнает, сколько скота у родичей убийцы (*джитхунга*) и сколько они готовы отдать в порядке компенсации. Не думаю, чтобы они часто отказывались платить скотом за кровь, разве что они живут очень далеко от родичей убитого или же между данными отделами существуют неулаженные конфликты. Правда, может случиться, что у родичей убийцы и нет намерения отдавать весь скот. Затем вождь посещает родичей убитого (*джиран*) и просит их принять скот в уплату за жизнь убитого. Обычно они отказываются, ибо это дело чести и им положено поупрямиться. Но отказ не означает, что они не хотят принять компенсацию. Вождь знает это и настаивает на согласии, даже угрожает проклятием, если они не уступают, и его просьбы поддерживают советами дальние родственники по отцу и когнатные родственники, которые не получают скота и которым негнужды упрямяться, но в силу родственных отношений с убитым они имеют право сказать свое слово. Компромисса требуют и сами обычаи. Тем не менее близким родичам убитого положено отказываться слушать вождя, пока наконец он не истощит своих доводов. Тогда наконец они заявляют, что согласны принять скот только из уважения к вождю, а не потому, что это плата за жизнь убитого родственника.

В принципе должны отдавать 40—50 голов скота, но едва ли весь скот передают сразу, и выплата долга может растянуться на годы. После передачи примерно 20 голов скота совершаются искупительные церемонии, после чего родичи убийцы могут не опасаться нападения из-за угла, по крайней мере на время, так как, пока не передан весь скот, они еще не избежали мести. Может быть, им будут мстить и после этого. Вождь перегоняет скот к дому убитого. Родственники убийцы не решаются идти с ним. Скот частично распределяют между родичами убитого, а частично платят им за жену, которую берут от имени убитого, чтобы у него были наследники. Даже если убито по человеку с обеих сторон, все равно обе стороны расплачиваются скотом (хотя каждая платит только 20 голов скота), поскольку надо умиротворить духов и поддержать честь живых. Должны быть также проведены жертвоприношения, чтобы очистить деревни от смерти, которая носится по ним и которую надо загнать в буш; родственники же с обеих сторон должны очиститься от скверны. За участие в этих процедурах вождь получает кроме жертвенного мяса две коровы, правда, одну из них

он должен отдать помогавшему ему агнатному родичу. Часто он ничего не получает, так как полагается, чтобы он дал одну корову убийце, дабы помочь ему выплатить компенсацию; помимо этого вождь несет расходы за все время, пока убийца живет у него.

Убийство затрагивает интересы не только человека, совершившего его, но и его близких агнатных родственников. Возникает взаимная вражда между родичами с обеих сторон, и они не имеют права — под страхом наказания смертью, которое неизбежно будет применено против нарушителя этого запрета, — есть или пить друг с другом, есть из посуды, из которой пил или ел человек другой стороны, даже в доме тех, кто не имеет родственных связей ни с той, ни с другой стороной. Этот запрет отменяется после выплаты скота и жертвоприношения, но близкие родственники с обеих сторон еще долгие годы не будут есть друг с другом, и это длится иногда из поколения в поколение. Считается, что «между ними легла кость» (умерший человек). И действительно, все нуэры говорят, что, несмотря на компенсацию и жертвоприношения, вражда длится вечно, потому что у родичей убитого никогда не проходит «война в сердцах». На протяжении многих лет после уплаты скотом близкие агнаты убийцы избегают близких агнатов убитого, особенно на танцах, которые возбуждают людей, когда даже нечаянный толчок может вызвать драку. Обида никогда не забывается, и расплатиться в конце концов надо человеческой жизнью. Когда берут невесту для умершего, его родичи натирают невесту пеплом и молят бога, чтобы она могла родить мальчика, который отомстит за отца. Такого ребенка именуют *gat ter* (дитя вражды). Во время приношения жертвы духу говорят, что родичи убитого приняли компенсацию в виде скота и уплатят им за его жену, но заверяют, что придет день и они отомстят за погибшего ударами копий. «Нуэр горд и хочет не скота, а человеческого тела в отместку за убитого. Убив человека, он уплачивает свой долг, и сердце его радуется». Поэтому, хотя вождь и увещевает во время церемонии урегулирования конфликта родственников убитого, заявляя, что конфликт кончен и не следует возобновлять его, нуэры знают, что «вражда не кончается никогда». На какое-то время может воцариться мир, поскольку родичей удалось уговорить принять компенсацию и они получили скот, но вражда продолжается, и люди с обеих сторон остаются *джитер*, т. е. «конфликтующими людьми», если даже открытых враждебных действий не предпринимается. Частых столкновений или постоянной неослабевающей враждебности не заметно, но рана гноится, и вражда, формально закончившаяся, может вспыхнуть снова в любой момент.

6. Мы сказали, что традиционная вражда ведет к конфликтам между линиджами, а поэтому и между целыми отделами

племени, и что нет большого различия между отдельными актами мести, когда конфликт еще не урегулирован, и скрытой враждой, продолжающейся после его урегулирования. Однако это верно только в тех случаях, когда конфликт из-за убийства произошел между первичными, вторичными и третичными отделами. В более мелких группах это не так, ибо, несмотря на то что разгорелись жаркие страсти, которые продолжались и после уплаты компенсации, традиционная вражда здесь улаживается намного быстрее и редко возобновляется после урегулирования.

После того как один человек убивает другого, все зависит от отношений между замешанными в конфликте лицами и их структурными позициями. Размеры компенсации различны за убитого нуэра и за динка, живущего в стране нуэров, а среди восточных джикани существует особая компенсация за члена аристократического клана. Сможет ли человек возбудить иск и получить удовлетворение за счет жизни виновного или компенсации скотом, зависит в определенной мере от влияния линиджа этого человека и его родственных связей. Но масштабы вражды и сложности ее урегулирования зависят главным образом от размеров данной группы. Если человек убивает другого, находящегося с ним в тесном родстве, например двоюродного брата по отцовской линии, то он все же платит компенсацию скотом, но в меньших размерах, скажем 20 голов. Поскольку компенсацию платят коровами из стада братьев отца или их сыновей, то в данном случае они становятся и получателями компенсации и, конечно, не могут платить ее. Тем не менее несколько голов все же приходится отдать, так как надо компенсировать потерю семье убитого, купить его духу жену и совершить должные жертвоприношения. Мне говорили, что в таких случаях конфликт улаживается быстро. Вероятно, кровную вражду легче урегулировать внутри клана, поскольку нуэры считают, что членам одного и того же клана нельзя враждовать. После уплаты компенсации они говорят: «С враждой покончено, мы снова родственники». Говорят также, что если между двумя группами было много взаимных браков, то традиционная вражда вряд ли вспыхнет.

Если человек убьет жителя своей или ближайшей деревни, конфликт быстро улаживается, потому что люди с обеих сторон вынуждены общаться и между ними наверняка существуют родственные и свойственные узы. Духу умершего говорят, что скот получен и невозможно отомстить за него ценой жизни, так как, если вражда между родичами и соседями будет продолжаться, никого не останется в живых. Тесные социальные связи исключают традиционную вражду. Если человек ранит копьём жителя ближней деревни, то жители деревни, где живет обидчик, обычно посылают родичам раненого копьё, которым был нанесен удар, чтобы они могли совершить над ним магические ритуалы, гарантирующие, что рана не будет смертельной. Они посы-

лают также овцу для жертвоприношения. Этим поступком они как бы выражают надежду, что рана вскоре заживет и что они, во всяком случае, не хотят начинать вражду из-за личной ссоры. После таких вежливых жестов, если даже раненый человек умирает, его родичи без труда принимают компенсацию. Если человек умрет через несколько лет после ранения, то его смерть приписывают ране, но компенсацию принимают без возражений и в уменьшенных размерах. Если человек убивает соседа, то немедленно отдают в компенсацию корову, чтобы в общине сохранился мир. Однако не надо думать, что легкое урегулирование конфликта означает, что он не вызвал сильного негодования; трудное же урегулирование конфликта не означает, что он вызвал большое негодование.

Традиционная вражда сравнительно легко улаживается в ограниченной социальной среде, где структурное расстояние между ее участниками невелико. Но по мере расширения этой среды труднее и урегулирование конфликта, а когда он затрагивает межплеменные отношения, компенсацию и не предлагают, и не принимают. От размеров сегмента племени зависит и эффективность социального контроля в деле урегулирования конфликта, о чем говорили мне и сами нуэры. Длительные конфликты между третичными отделами племени могут иметь место, но обычно их пытаются сразу уладить, так как внутри такого сегмента существуют крепкое чувство общности, тесные личностные узы и определенная хозяйственная взаимозависимость. Вместе с тем значительно труднее прекратить традиционную вражду между людьми из различных третичных отделов, чем конфликт в деревне или между соседними деревнями (где можно быть уверенным в быстром и прочном урегулировании), и неулаженные ссоры между такими отделами не утихают. Это особенно заметно в тех случаях, когда речь идет не об единичном убийстве в результате личной ссоры, а о гибели нескольких людей во время столкновения двух отделов. Когда происходит столкновение между вторичными отделами племени, отомстить за гибель людей можно, только начав всеобщее сражение, и участники конфликта не чувствуют потребности в посредничестве, поскольку между ними очень мало социальных контактов (да и те временного характера). Чем крупнее сегмент, участвующий в конфликте, тем больше анархии. Нуэры говорят, что первичные отделы племени должны платить виру за кровь скотом, но они не ощущают особой потребности платить ее. Племя — последняя ступень в этом состоянии возрастающей анархии. У него еще есть номинальное политическое единство, и считается, что традиционную вражду между его далеко отстоящими членами можно уладить с помощью компенсации. Однако чаще всего это не удается, и, если в серьезном столкновении между крупными отделами убито много людей, не предпринимается ничего для отмщения или для уплаты компенсации за их смерть. Их родичи просто поджидают, когда произойдет новое столкно-

вание. В результате политическая оболочка племени может натянуться до последнего предела и племя расколется. Трещина между отделами расширяется до тех пор, пока они вообще не прекращают контактов, лишь от случая к случаю объединяясь для набегов. А вражду между их членами удается урегулировать с огромным трудом и очень редко.

7. Вероятность возникновения кровной вражды, ее масштабы и шансы на урегулирование зависят, таким образом, от структурных взаимоотношений замешанных в конфликте людей. Более того, кровную вражду можно рассматривать как структурное движение между политическими сегментами, благодаря которому сохраняется известная нам форма политической системы нуэров. Правда, только близкие агнатные родичи с обеих сторон непосредственно втянуты в конфликт, но вражда между лицами, принадлежащими к различным отделам племени, рано или поздно окажет влияние на взаимоотношения целых общин, к которым они принадлежат.

Родичи убитого стараются убить *гван тунга* (убийцу), но они имеют право убить и любого из его близких агнатных родственников (*гаат гванлен*). Они не должны убивать сыновей братьев матери, сестры отца или сестры матери, потому что те не принадлежат к линиджу убийцы. Кроме того, только минимальные линиджи обеих сторон непосредственно замешаны в конфликте. Однако значение традиционной вражды надо искать не столько в легкости ее урегулирования в мелких группах, сколько в трудности ее урегулирования в крупных группах, которые косвенно участвуют в конфликте. Мы говорили, что люди, находящиеся в кровной вражде, не могут есть в одном и том же домохозяйстве, и, поскольку человек обычно ест во всех домохозяйствах своей деревни, все жители деревни сразу же подпадают под действие этого запрета, между ними возникает состояние ритуальной вражды. Все жители деревни, как правило, в той или иной степени находятся в родстве друг с другом и обладают прочным чувством общности, и если между их деревней и другой деревней происходит столкновение на почве традиционной вражды, в котором участвуют некоторые жители этих деревень, то в него вернее всего будет втянута вся деревня. Так, мужчины каждой деревни приходят на танцы в боевом строю, который они сохраняют и во время танца, и если совершается нападение на одного из них, остальные немедленно приходят ему на помощь. Люди же, которых традиционная вражда не затрагивает непосредственно, могут оказаться вынужденными помогать главным участникам конфликта.

Мы уже отмечали, что масштабы традиционной вражды и методы ее урегулирования зависят от структурных отношений замешанных в ней лиц в рамках политической системы. Традиционную вражду в деревне не потерпят, а близлежащим деревням

враждовать долгое время невозможно. В результате, хотя столкновения чаще всего случаются внутри деревни или между соседними деревнями и лагерями, традиционная вражда (в смысле отношений между двумя сторонами, конфликтующими из-за неулаженного вопроса об убийстве, который может быть решен путем возмездия или уплаты компенсации) может продолжаться долго только между отделами племени, которые достаточно близки друг к другу, чтобы между ними сохранялись отношения активной враждебности, и достаточно далеки друг от друга, чтобы эти отношения не мешали мирным социальным контактам. Традиционная вражда не имеет особого значения, если только не существует каких-либо социальных отношений, которые могут быть прерваны, а затем восстановлены, или же отношений, требующих, чтобы во избежание полного разрыва было в конечном итоге достигнуто урегулирование. Если взглянуть на традиционную вражду с такой точки зрения, ее функция будет заключаться в сохранении структурного равновесия между находящимися в оппозиции сегментами племени, которые тем не менее в политическом отношении более сплочены, чем крупные единицы.

Из-за традиционной вражды целые отделы живут в состоянии враждебности друг к другу, хотя она и не часто ведет к военным столкновениям: к прямым актам мести прибегают в основном мелкие родственные группы. Происходит столкновение между двумя отделами, с каждой стороны убито по несколько человек. Только те линиджи, которые потеряли своего члена, находятся в состоянии непосредственной традиционной вражды с линиджем, который они лишили одного из его членов. Однако общность территории, местный патриотизм и сеть родственных уз ведут к тому, что целые отделы участвуют в возникающих враждебных действиях. Продолжение же вражды может вызвать новые столкновения между общинами и расширение рамок конфликта между ними. Так, когда отдел ньярквач племени лу сражался против отдела ленг, линидж Лам и все, кто жил вместе с ним, выступили против линиджей Мар, Квот и Малуал и тех, кто жил с ними. Линидж Мантиепни выступил против линиджа Думиен и т. д. Во вспыхнувших конфликтах друг против друга сражались только эти минимальные линиджи, а не параллельные линиджи, хотя те и участвовали в столкновениях в других сегментах. О том, что думают по этому поводу нуэры, можно судить по их реакции на захват правительственными силами заложников в Муот-дите с целью заставить нуэров выдать двух «пророков». Мне они жаловались главным образом на то, что заложники не принадлежали к линиджам «пророков», и поэтому дело их непосредственно не касалось. Правительство подходило к конфликту с территориальным критерием, а нуэры — в категориях родства, как это принято в случаях традиционной вражды.

Помимо соблюдения ритуалов, родственных обязательств,

чувства единства общины и т. п. есть еще одна причина, обуславливающая перерастание кровной вражды между мелкими линиджами, особенно если их много, в состояние традиционной вражды, что обычно ведет к враждебным отношениям между общинами. Как объяснено в главе V, каждая община связана с линиджем так, что все члены общины, не являющиеся членами этого линиджа, связаны с ним политическими отношениями (которые часто выражаются в ценностях линиджной организации). Поэтому кровная вражда между мелкими агнатными группами перерастает в традиционную вражду между линиджами, с которыми эти группы связаны, в результате нарушения отношений в их структуре, а общины, связанные с линиджами, оказываются втянутыми во взаимную вражду.

Традиционная вражда — институт политический, общепринятая и упорядоченная модель поведения в отношениях между общинами внутри племени. Сбалансированная оппозиция между сегментами племени и тенденции к расщеплению и слиянию (что, как мы видели, является структурным принципом) проявляются в институте традиционной вражды, которая, с одной стороны, выражается в спорадических актах насилия, ведущих к взаимному отчуждению отделов, а с другой стороны, способствует тому, чтобы подобная оппозиция — с помощью имеющихся средств урегулирования конфликтов — не вела к полному расколу. Племенной строй нуждается в обоих элементах традиционной вражды — потребности в отмщении и существовании средств урегулирования конфликта. Урегулирование осуществляет вождь — носитель леопардовой шкуры, о роли которого мы будем говорить позже. Поэтому мы считаем, что традиционная вражда совершенно необходима для той политической системы, которая существует в настоящее время. Между племенами может быть только война, и через войну, через память о войне и потенциальную возможность войны определяются и выражаются отношения между племенами. Внутри племени столкновения всегда порождают традиционную вражду, и состояние вражды является характерной чертой сегментов племени, причем она ведет к постоянному сжатию и расширению структуры племени.

Конечно, не существует четкого различия между войной против другого племени и войной против сегмента своего собственного племени. Однако нуэры подчеркивают, что благодаря возможности посредничества и уплаты виры за кровь в случае смерти в результате столкновения внутри племени такие столкновения носят характер *тер*, т. е. традиционной вражды, что отличается от столкновений между племенами — *кур*, при которых право на компенсацию не признается. Оба вида вражды отличаются от набегов на динка — *печ* и индивидуальных поединков — *двеч*, хотя всякая борьба носит общее название *кур*. Но совершенно очевидно, что столкновение в деревне, сразу же ведущее к уплате компенсации за смерти, и столкновения между племенами, при которых не существует уплаты компенсации,

это два противоположных полюса. Чем дальше от деревенской общины, тем больше столкновения между отделами племен похожи на столкновения между племенами, при которых вира за кровь платится все реже и с огромным трудом. В конце концов на уровне первичных отделов только такая племенная ценность, как убеждение, что вира за кровь может и должна уплачиваться, и отличает столкновения между ними от столкновений между племенами. Здесь мы снова должны сделать вывод, что племенные ценности зависят от структурной ситуации.

Мы должны также подчеркнуть, что в кровную вражду втянуты непосредственно только несколько человек, и, хотя она иногда ведет к актам насилия между целыми локальными общинами (традиционной вражде в широком смысле этого слова), обычные социальные контакты, несмотря на это, продолжают существовать. Узы родства и свойства, узы, возникающие из принадлежности к возрастным группам, военные и даже экономические связи в таких случаях не нарушаются. Подобные связи можно представить в виде резинки, натянутой между отделами: она может сильно растягиваться в результате нарушения политических отношений, но всегда стремится сплотить общины и сохранить их в виде единой группы по отношению к другим таким же группам. Как мы объяснили, чем крупнее община, тем эти связи слабее; правда, они простираются и за границы племен. Чем реже становятся социальные контакты всех видов, тем больше анархия и тем труднее урегулирование традиционной вражды. Социальное сплочение укрепляется по мере уменьшения размеров общины.

8. Конечно, у нуэров происходят конфликты не только из-за убийств, но мы скажем о них очень кратко и в прямой связи с убийствами и традиционной враждой. Строго говоря, у нуэров нет законопорядка. Есть обычаи, требующие компенсации за ущерб, прелюбодеяние, телесные повреждения и т. п., но нет никакого органа, имеющего право выносить приговор по этим вопросам и приводить его в исполнение. В стране нуэров нет людей или советов, выполняющих законодательные, исполнительные и судебные функции. Между членами различных племен даже не возникает вопроса о возмещении убытка, но и внутри племени, насколько я мог заметить, преступления не разбираются в судебном порядке (как мы бы это обозначили), хотя иногда и уплачивается компенсация за нанесенный ущерб (*руок*). Человек, считающий, что он понес ущерб от другого человека, не может предъявить иск, потому что нет никакого суда, куда он мог бы вызвать ответчика, если бы даже тот согласился явиться. Я жил около года среди нуэров и ни разу не слышал, чтобы дело передавалось на рассмотрение какого-либо лица или посредника. Более того, я пришел к заключению, что очень редко человек может добиться справедливости, кроме как

путем применения силы или угрозы силы. Недавнее создание правительственных судов, которые теперь иногда улаживают споры, не противоречит этому выводу, ибо хорошо известно, что среди других африканских народов в суды, находящиеся под эгидой правительства, часто передаются дела, которые раньше не стали бы решать в судах (или вообще не стали бы решать), и что эти правительственные трибуналы, существующие уже долгое время, действуют параллельно со старыми методами отправления правосудия.

Прежде чем рассматривать главные черты юридических процедур у нуэров, я хочу сказать, основываясь на устной информации (потому что сам никогда такой процедуры не наблюдал), что один из методов урегулирования споров — это обращение как к арбитру к вождю — носителю леопардовой шкуры. Так, мне говорили, что, если у человека украли корову, он может попросить носителя леопардовой шкуры пойти с ним и потребовать возвращения коровы. Вождь в сопровождении нескольких старейшин деревни сначала идет к усадьбе истца, где его поят пивом. Затем они вместе с делегацией от деревни истца идут в деревню ответчика, здесь тоже вождю могут подарить козу или угостить его пивом. Вождь считается фигурой нейтральной и в какой-то мере неприкосновенной, так что делегацию вряд ли могут обидеть. Пришедшие старейшины сидят со старейшинами деревни ответчика и вождем в одном из крытых загонов и обсуждают возникший спор. Владелец коровы высказывает свои претензии, а человек, укравший корову, пытается оправдать свой поступок. Потом вождь и всякий, кто захочет, высказывают свое мнение по данному поводу. Когда все высказались, вождь и старейшины удаляются, чтобы посоветоваться и прийти к решению. Участники конфликта принимают приговор вождя и старейшин, и позднее владелец коровы дарит вождю молодого бычка или барана, если только он не очень беден — в этом случае он ничего не дарит.

Если у человека возникает спор с кем-либо из соседей, они могут вместе пойти в усадьбу вождя — носителя леопардовой шкуры и положить свои копыя на землю в его крытом загоне. Человек не может втыкать копые в землю в загоне вождя, так как это признак неуважения к нему, и, как мне говорили, в этом случае любой находящийся там человек может взять себе это копые. Когда оба спорщика изложили свои доводы, вождь и старейшины выходят из загона посоветоваться и возвращаются, чтобы объявить свое решение. Тот, в чью пользу принято решение, передает свое копые вождю, который или отдает его другу, или плюет на него и возвращает владельцу. Из рассказа моих информантов, описавших эту процедуру, явствует, что вождь высказывает свое окончательное решение в форме увещания и совета, а не как приговор человека, облеченного властью. Хотя сакральность особы вождя и влияние старейшин имеют важное значение, приговор принимается только потому, что с ним согла-

шаются обе стороны. Никакого обсуждения спора не может быть, если только обе стороны не захотят его урегулирования и не будут готовы на компромисс и арбитраж. Поэтому роль вождя сводится к посредничеству между людьми, желающими, чтобы кто-нибудь вывел их из затруднительного положения, которое может привести к насилию. Человек, против интересов которого вынесен приговор, уступает из уважения к старейшинам и вождю, хотя без их вмешательства он бы не уступил; иначе говоря, он не роняет своего престижа, принимая их решение. Если есть какое-либо сомнение в фактах, могут потребовать определенные клятвы, в частности клятву над леопардовой шкурой вождя.

По-видимому, в таком урегулировании споров путем прямых переговоров через вождя есть пять важных элементов: 1) желание спорящих уладить конфликт; 2) сакральный характер фигуры вождя и его традиционная роль посредника; 3) свободная дискуссия, ведущая к согласию между всеми присутствующими; 4) сознание, что человек может уступить вождю и старейшинам без ущерба для своего престижа, хотя в ином случае он и не уступил бы противнику; 5) признание проигравшей стороной справедливости дела другой стороны.

Я повторяю, что не видел этой процедуры в действии, и должен добавить, что, по моему мнению, она проводится очень редко и только в тех случаях, когда обе стороны являются близкими соседями и принадлежат к общинам, тесно связанным множеством социальных уз. Теоретически каждый член племени может получить удовлетворение от любого другого члена, но у нас нет свидетельств, которые подтверждали бы, что удается часто получить такое удовлетворение. Прежде чем сделать выводы о характере юридических отношений и сфере их действия в стране нуэров, приведем несколько примеров типичных споров, которые могли бы вызвать акты насилия, если бы не были приняты соответствующие меры.

Когда нуэр говорит о том, что человек украл (*квал*) животное, он имеет в виду, что этот человек взял его без разрешения и тайком, но отнюдь не то, что тот не должен был брать животное. Внутри племени похититель скота всегда считает, что он берет то, что ему принадлежит. Он погашает таким путем долг (*нгвал*), потому что человек, задолжавший ему скот, не уплатил долга добровольно. Юридически вопрос, таким образом, заключается в том, вправе ли человек требовать этот долг и должен ли он был брать именно этих животных. Практика брать самовольно то, что тебе задолжали, стала настолько обычной, что именно этим путем, как правило, и расплачиваются с долгами. Так, скот, причитающийся в окончательную уплату виры за убийство, хватают прямо на пастбище, а если молодожен и его родичи не выплатили весь обещанный ими скот за невесту, то ее братья очень часто стремятся сами захватить животных. В других случаях человек крадет корову, которую ему задол-

жали, иногда пользуясь услугами колдуна, который должен так зачаровать владельца коровы, чтобы тот не караулил свое стадо в день планируемой кражи. Это может быть человек, одолживший другому быка для жертвоприношения в связи с болезнью, на свадьбу дочери, в дни голода и т. п. и не получивший взамен телки, хотя у должника она и имелаась. Захватив корову из стада должника, он готов вернуть ее, если получит причитающуюся ему телку. Должник, в свою очередь, будет или пытаться вернуть тайком свою корову, или начнет переговоры, которые приведут к тому, что он уплатит телку и получит обратно корову.

Единственные ссоры, связанные с владением скотом внутри деревни или лагеря, которые я наблюдал, касались родственных или свойственных обязательств, и они в конце концов улаживались так, что одна из сторон уступала другой из родственных чувств. Если человек хочет захватить корову у родича или соседа, он приходит в его крааль и берет животное. Если владелец считает себя правым, он оказывает сопротивление. В противном случае он позволяет увести корову, так как знает, что его противник получит поддержку общественного мнения общины. Если человек захватывает скот у жителя другой деревни, он применяет иную тактику. Взяв в помощь друзей, он наблюдает за скотом на пастбище, ожидая, когда появится удобный случай. Я никогда не слышал, чтобы нуэр крал корову у своего единоплеменника просто потому, что ему захотелось получить ее. Но он, не задумываясь, крадет коров у людей, принадлежащих к соседним племенам, и даже пробирается для кражи скота на территорию другого племени со своими друзьями. Такая кража ни в коей мере не считается дурным проступком.

Если человек совершает прелюбодеяние, он уплачивает компенсацию в пять коров и одного быка при условии, что муж женщины не импотент. В последнем случае прелюбодей может потребовать корову, когда будет выходить замуж девушка, родившаяся в результате этих внебрачных связей. Но даже если муж не импотент, а прелюбодей докажет, что в результате прелюбодеяния родился ребенок, он может требовать обратно корову, уплаченную в виде компенсации (но только не корову, известную под названием *янг куле*, т. е. «с онемевшей шкурой», имеющую ритуальное значение). Прелюбодеяние в малой локальной общине, вероятно, редкое явление, потому что все здесь находятся в родственных отношениях друг с другом и мужчина считает, что не только дурно сходиться с чужими женами, но что это может неизбежно привести к той или иной степени кровосмешения. Если оба мужчины близкие родственники, то прелюбодей предоставляет быка для жертвоприношения, но вряд ли он платит компенсацию. Если они не близкие родственники, то муж может попытаться захватить скот виновного, но он предпринимает этот шаг только в том случае, если застанет его на месте прелюбодеяния. Прелюбодей бежит прочь, чтобы избежать

столкновения; опасаясь, что муж захватит его скот, он прячет своих коров в краалях друзей и родичей. Муж оказывается в трудном положении: хотя он знает, где находятся коровы, он не хочет вступать в конфликт с соседями, вторгаясь в их краали.

Нуэры не считают аморальным прелюбодействовать с женами людей, живущих в других деревнях. Если муж узнает о прелюбодеянии, он может попытаться захватить скот обидчика, но в этом случае он рискует натолкнуться на сопротивление, которое приведет к убийству и неизбежной вражде. Стадо находится в совместном владении братьев, хотя оно и разделено между ними, и они не желают терять скот из-за прелюбодеяния. Насколько мне известно, человеку редко удастся получить компенсацию за прелюбодеяние. Однако прелюбодеяние с женой человека из другого племени — малозначительное событие. Да и что тот может сделать?

Связь с незамужней девушкой полагается компенсировать уплатой вола или нетели. Но, вероятнее всего, компенсация вообще не будет уплачена. Если родичам девушки известно, что она имеет сношения с человеком, владеющим скотом и намеревающимся жениться на ней, то они не обращают внимания на их связь. Но если у него нет скота или девушка уже помолвлена, а один из братьев застаёт ее во время совокупления с мужчиной, то он дерется с ним; правда, чаще всего обидчик бежит, ибо в этих обстоятельствах бегство не считается зазорным. Родичи девушки могут затем прийти в его крааль и отобрать телка и телку, и если они достаточно сильны, то им не будет оказано сопротивление. Так рассказывают нуэры, но я не слыхал, чтобы кто-нибудь платил такую компенсацию, хотя и видел, как после танцев юноши и девушки уходят парами, имеют половые сношения и почти не скрывают этого. Часто незамужняя девушка беременеет, и тогда считается, что виновный должен на ней жениться. Возможно, что родичи девушки совершат набег на его крааль и захватят часть скота, но он старается избежать этого, пряча животных в краалях родичей или соседей. Если он позднее женится на этой девушке, то захваченный скот идет как часть выкупа за невесту, а если он откажется жениться на ней, то этот скот считается платой за ребенка, так что в любом случае это не компенсация, а лишь плата за определенные права. Но и в данной ситуации братьям не так легко захватить скот обидчика (если только он сам не соглашается на это), так как может начаться столкновение, которое вскоре примет всеобщий характер.

С девушками из своей деревни не вступают в связь, так как они обычно находятся в том или ином родстве с мужчиной; как правило, имеют место связи с девушками других деревень того же округа. Если только юношу не стукнули по голове дубиной во время инцидента и ему удается в течение нескольких месяцев держаться подалеже от деревни девушки, то он вряд ли будет платить компенсацию или вообще отвечать за свой поступок. Если девушка забеременеет, то в нормальных условиях он

пошлет своего родича сказать, что готов на ней жениться. Девушка тогда считается помолвленной, юноша становится зятем ее родителей, а зятя обижать нельзя. Если даже юноша отказывается жениться на девушке, то ее братья не решаются напасть на отца ее ребенка.

Нуэры дают следующий перечень компенсаций за телесные повреждения: десять голов скота за сломанную ногу или череп, десять голов за потерю глаза, две головы за выбитые у девушки зубы и т. д. За поверхностную рану (как бы она ни была серьезна) компенсации не положено, если только человек не умрет. В отдельных районах страны нуэров размеры компенсации скотом различны. Я не помню ни одного случая, чтобы человек получил такую компенсацию (кроме как через правительственный суд), но нуэры говорят, что он может получить ее, если у его родственников хватит сил, чтобы отомстить обидчику.

Утверждают, что в былые времена, если человек умирал от колдовства, его родичи убивали колдуна (*гван вал*), но сам я не был свидетелем ни одного случая убийства колдуна. Нуэры говорят, что колдун не пользуется магией против членов своей общины, он делает это только в отношении людей других деревень, и отомстить ему не так легко, ибо его поддержит вся деревня, считающая, что сильно действующая магия имеет особую ценность для общины. Говорят также, что в былые времена иногда убивали ведьму (*пет*), но я не знаю, часто ли это случалось и случалось ли вообще.

Из-за выкупа за невесту ссоры вспыхивают часто: родственники мужа не платят столько, сколько обещали, или же происходит развод, и родственники жены не возвращают весь полученный ими скот. В этих случаях должник не отказывается от долга, но выдвигает какое-нибудь контртребование или заявляет, что у него нет скота для уплаты долга. Нередко он говорит это, даже имея скот. У кредитора не остается иного выхода, как силой захватить скот в краале должника или из его стада на пастбище. Если у него достаточно сил и его поддерживает влиятельный линидж, то должник не оказывает сопротивления, поскольку право на стороне кредитора. Такие споры легко решаются в деревне и между людьми, живущими в общем лагере сухого сезона, так как все понимают, что соглашение должно быть достигнуто путем переговоров и отвечать принципу справедливости. Но когда участники спора принадлежат к разным, а может быть, и враждующим деревням, урегулирование достигается не так легко. Иногда прибегают к помощи вождя — носителя леопардовой шкуры, и он, как описывалось выше, созывает стороны для переговоров, чтобы достичь какого-либо урегулирования, но во многих случаях такие долги так и не уплачиваются. О них помнят годами: может быть, когда-нибудь, при жизни следующего поколения, удастся украсть скот.

Если жена умирает при родах первого ребенка, виновным считается муж. Традиционная вражда не вспыхивает, но муж

теряет уплаченный им за невесту выкуп скотом, поскольку этот скот теперь служит виной за погибшую жену. Муж несет ответственность только в том случае, если жена умирает при родах до выхода послета. Если возникает спор по поводу того, как именно умерла жена, или о количестве коров, которые задолжал муж, то вопрос передается посреднику, именуемому *куаа йика* или *куаа йини* («вождь на циновке»), имеющемуся у некоторых линиджей. Этот человек не имеет иных функций и не считается особо влиятельным лицом, так как он выступает арбитром только в делах такого рода. Получить компенсацию не трудно, поскольку тесть уже владеет выкупом за невесту. Кроме того, существуют узы свойства, и ни та, ни другая сторона не склонны прибегать к насилию.

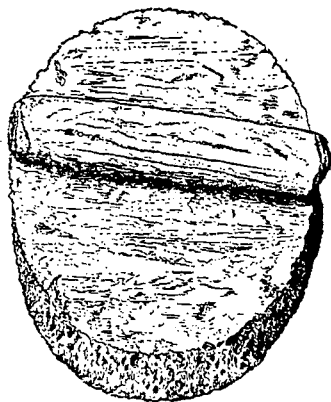
Пользуясь этими примерами для иллюстрации характерных черт правосудия у нуэров, мы можем теперь сказать, каковы эти черты. Мы говорим о «правосудии» так, как только и можно говорить о нем в применении к нуэрам, а именно как о моральном обязательстве решать споры традиционными методами, а не как о юридических процедурах и правовых институтах. Мы говорим только о гражданских делах, так как, судя по всему, здесь не имеют места акты, которые рассматривались бы как пагубные для всей общины и которые карались бы этой общиной. Информанты рассказывали, что иногда убивали ведьм и колдунов, но что их подкарауливали и убивали в порядке мщения отдельные индивиды или группы родичей.

Прежде всего надо отметить, что закон у нуэров не имеет одинаковой силы повсюду внутри племени, но определяется положением индивидов в социальной структуре, соотносится с расстоянием между ними в системе родства, линиджей, возрастных групп и прежде всего в политической системе. Теоретически человек может получить возмещение от любого члена своего племени, но практически это почти невозможно, если последний не является жителем того же округа или родственником. Чем обширнее территория, на которой проживают спорящие стороны, тем меньше люди чувствуют обязанность урегулировать этот спор и тем труднее проведение в жизнь принятого решения об его урегулировании, а значит, и слабее вероятность того, что он вообще будет урегулирован. Внутри деревни спор между индивидами обсуждают старейшины деревни, соглашение легко достигается, и уплачивается компенсация (или дается обещание уплатить ее), так как все связаны родством и общими интересами. Споры между жителями близких деревень, между которыми существуют многочисленные социальные контакты, тоже могут быть улажены путем соглашения, но уже не так легко и с большей вероятностью применения силы. Чем ближе мы подходим к племени, тем меньше шансов на урегулирование. За пределами весьма ограниченной территории правосудие действует не очень эффективно. Недостаток социального контроля, о котором мы не раз говорили, проявляется именно в слабости правосудия,

и структурные взаимоотношения между сегментами племени хорошо иллюстрируются относительностью закона, ибо правосудие нуэров так же относительно, как и сама структура.

Тот факт, что почти невозможно добиться возмещения убытков при споре между членами разных вторичных и первичных отделов племени, убедительно подтверждается тем, что основой правосудия служит сила. Мы не должны заблуждаться, полагая, что, коль скоро имеется перечень традиционных платежей за причиненный ущерб, их легко получить, если только человек не готов применить силу. Дубина и копье — вот что санкционирует право. Люди платят компенсацию прежде всего потому, что боятся, как бы пострадавший и его родня не прибегли к насилию. Отсюда и вывод: член сильного линиджа находится в ином положении, чем член слабого линиджа. При этом у человека тем меньше шансов на получение компенсации за ущерб, чем дальше он отстоит от человека, нанесшего ему ущерб, потому что чем больше расстояние между главными участниками спора, тем меньше у пострадавшего возможности применить насилие и воспользоваться эффективной поддержкой родичей. Поскольку самопомощь (при некоторой поддержке общественного мнения) является основным методом возмездия, она может быть действительна только в том случае, если люди находятся на достаточно близком расстоянии, чтобы нанести удар. Вот почему так трудно урегулировать традиционную вражду, когда стороны принадлежат к различным первичным или вторичным отделам того или иного племени.

Большинство споров происходит в деревнях или лагерях и между жителями соседних деревень, поскольку у людей, живущих рядом, больше поводов для споров, чем у тех, что живут далеко друг от друга. Такие ссоры обычно осложняются наличием родства, свойства или возрастной близости и т. д. и очень часто являются результатом нарушения специфических моделей социального поведения, а не простым нарушением всеобщих социальных норм. Поэтому они обычно и улаживаются в соответствии с этими традиционными моделями. Но, если их не удастся уладить путем посредничества родичей, они чаще всего ведут к насилию, потому что, как мы отмечали, обиженные или разгневанные нуэры готовы сразу же драться, если только их не остановит близкое родство или сильное различие в возрасте. Поэтому, если человек отказывается платить компенсацию, он риску-

Жернов из обожженной глины и дробилка

ет, что ему разобьют череп дубинкой или, если страсти разгорятся, пронзят копьем. И это случается довольно часто.

По этой причине мы и говорим, что правосудие у нуэров, в той мере, в какой оно касается изучения политических отношений, надо рассматривать в связи с кровной враждой. Споры часто могут быть улажены в силу близкого родства и наличия иных социальных уз, но между членами племени спор решается или тем, что пострадавшая сторона прибегает к насилию (и это ведет к убийству и кровной вражде), или тем, что должник уступает, зная, что может быть применена сила и начнется вражда. Хорошо известно, что нуэры храбры и готовы сопротивляться любому нападению и утверждать свои права дубинкой и копьем, требуя тем самым уважения к себе и к своему имуществу.

У нуэра обостренное чувство личного достоинства и личных прав. Представление о справедливости (*цуюнг*) очень сильно. Нуэры признают, что человек должен получить возмещение за причиненный ущерб. Это не противоречит утверждению, что добиться уплаты компенсации можно лучше всего угрозой применения насилия, а подтверждает его, ибо родичи человека поддерживают его только в том случае, если он прав. Нет сомнения и в том, что если человек слаб, то, даже будучи правым, он вряд ли получит удовлетворение. Однако, будучи правым, он получит поддержку своих родичей, а противник не получит, и поэтому прибегнуть к насилию или отразить насилие можно, только получив поддержку родичей и одобрение общины. Можно сказать, что если человек прав и благодаря этому родичи поддерживают его и готовы применить силу, то у него хорошие шансы получить должное возмещение, если только обе стороны спора живут недалеко друг от друга.

Когда мы говорим, что человек прав, то это не значит, что в подобных спорах можно четко различить, кто прав и кто не прав. Правильнее было бы сказать, что обычно обе стороны в той или иной мере правы, и поэтому возникает единственный вопрос: кто больше прав? Можно сформулировать вопрос и иначе: спор нуэров — это обычно сбалансированные обиды, ибо человек не совершает бесцельных актов агрессии. Он не крадет корову, не бьет человека дубиной, не задерживает в своих руках выкуп за невесту в случае развода, если только он не хочет расплатиться за старые обиды. Поэтому человек очень редко отрицает свою вину за принесенный ущерб. Он стремится оправдать свои действия, и поэтому урегулирование спора — это сбалансирование двух противоречащих исков. Один из чиновников, долго работавший среди африканцев, рассказывал мне, что обвиняемые нуэры почти никогда не лгут во время разбора их дела в правительственных судах. У нуэра нет в этом нужды, поскольку он заинтересован лишь в том, чтобы оправдать причиненный им ущерб, доказав, что это — возмездие за ущерб, который причинил ему когда-то истец.

9. Конфликты из-за традиционной вражды улаживаются вождем — носителем леопардовой skóry, который также играет вспомогательную роль при урегулировании споров, не касающихся убийства. Можно было бы предположить, что этот вождь пользуется большой властью, но это не так. Мы говорим, что у нуэров нет правосудия, но можно сказать, и по тем же основаниям, что у них нет и правительства. Мы вкратце расскажем о ритуальных функциях вождя — носителя леопардовой skóry, а затем определим, какую роль он играет в традиционной вражде и конфликтах.

Из заметок ранних путешественников о вождях нуэров нельзя сделать вывод, что это были люди, облеченные большой властью [38, с. 207; 31, с. 40; 3, с. 222]. Уже первые британские чиновники, посещавшие страну нуэров [20; 22], совершенно определенно писали о том, что у нуэров нет лиц, облеченных властью или (за исключением некоторых «пророков») пользующихся достаточным влиянием, чтобы стать основой какой-либо административной системы. Упомянутые в этих отчетах «шейхи», которые якобы не имели никакой власти, очевидно, и были те лица, которых позднее европейцы называли вождями — носителями леопардовой skóry. Вождь — носитель леопардовой skóry (*куаар муон*) находится в священной связи с землей (*мун*), что дает ему определенную ритуальную власть, в частности право на благословение и проклятие. Однако, чтобы не создалось впечатления, будто право на проклятие дает вождю большую власть, я сразу же должен сказать, что не помню случая, когда вождь воспользовался бы этим правом. Есть много рассказов о страшных последствиях проклятия, но я думаю, что вождь, выступая в своей ритуальной роли при урегулировании конфликтов, как правило, только угрожает произнести проклятие, ибо это составляет часть всей процедуры. А в нынешние времена право на проклятие не дает вождю никакой власти. Его именуют также *куаар твач*, потому что только он носит перекинутую через плечо леопардовую кожу (*твач*). Слово *куаар* имеет ритуальное значение во всех нилотских языках, но, не касаясь того, каким словом лучше всего передать его смысл, мы будем, как и прежде, употреблять его для обозначения человека в роли вождя, подчеркивая при этом, что у него нет никакой светской власти, так как, на наш взгляд, его общественная деятельность носит главным образом ритуальный характер.

И тем не менее его функции — политические, ибо через него регулируются отношения между политическими группами, хотя он и не является контролирующей их политической властью. Его деятельность в основном сводится к урегулированию кровной вражды, ибо таковая не может быть урегулирована без его вмешательства, и в этом заключается его политическое значение. Иногда вождь предотвращает столкновение между общинами, бегая между двумя шеренгами воинов и мотыгой вскапывая то там, то здесь землю. После этого старики пытаются уре-

зонить юношей и добиться урегулирования конфликта путем переговоров. Однако мы полагаем, что таким путем столкновение можно предотвратить только в том случае, если участники конфликта — близкие родственники и не склонны убивать друг друга.

Помимо участия вождей в улаживании вражды они также совершают ритуалы очищения участников актов кровосмешения и в какой-то мере «умеют» вызывать дождь, хотя нуэры не придают особого значения этому искусству. В целом можно сказать, что вожди нуэров — фигуры сакральные, хотя они отнюдь не обладают в силу своей святости общей властью, за исключением определенных социальных ситуаций. Я ни разу не замечал, чтобы нуэры относились к вождю с большим уважением, чем к остальным людям, или говорили бы о вождях как о важных персонах. Они рассматривают их как агентов, через которых можно уладить некоторые споры или очиститься от осквернения. Я часто слышал такие замечания: «Мы выбрали их, дали им леопардовые шкуры и сделали нашими вождями, чтобы они участвовали в жертвоприношениях по случаю убийства». Сфера ритуальной деятельности этих вождей редко выходит за пределы отдела племени.

Только определенные линиджи считаются линиджами вождей, и только некоторые лица из этих линиджей могут быть вождями. Возможно, имеет значение тот факт, что во многих районах страны нуэров (включая большую часть территории, с которой я ознакомился) вожди не принадлежат к господствующим кланам тех племен, в которых они функционируют, хотя говорят, что в районах восточных гааджак, гаавар и лик некоторые из них являются аристократами. Большинство вождей, кланы которых мне известны, принадлежат к кланам Гаатлик и Джимем, хотя они и не имеют аристократического статуса. Поскольку споры между отделами племени выражаются в категориях споров линиджей господствующего клана, связанных с этими отделами, вождю, который не занимает никакой позиции в системе господствующих линиджей, удобнее служить между ними посредником. Он не входит в число наследственных владельцев земли племени и живет здесь как чужак. Вождь может выполнять свои функции в любом племени, где он поселился. Если вождя убьют, то церемонии, связанные с уплатой компенсации, выполняет один из аристократов племени. Это, вероятно, происходит потому, что, если даже вожди данной территории не являются членами одного клана, они считаются в какой-то мере сородичами благодаря тому, что все они носят леопардовую шкуру и не могут брать жен из семейств других вождей. Мы рассматриваем вождей как лиц, осуществляющих ритуал, и не считаем, что они составляют какой-либо класс или сословие. Мы полагаем, что их социальная функция заключается в том, чтобы служить механизмом, с помощью которого — через институт традиционной вражды — сохраняется равновесие политической системы. Это подтверждают и незначительность власти вождей, и

тот факт, что во многих районах они не входят в господствующий клан. Поэтому считать вождя — носителя леопардовой шкуры политическим агентом или субъектом судебной власти значило бы не понимать структуры общества нуэров и не видеть его основных принципов.

Необходимо объяснить, почему вожди все же играют такую роль в улаживании традиционной вражды. Мы уже сказали, что вождь не обладает судебной или исполнительной властью. В его обязанность не входит решение вопроса о том, кто прав в деле об убийстве. Да нуэрам и в голову не придет, что такое решение вообще необходимо. Точно так же вождь не может заставить людей платить или принимать виру за кровь скотом. У него нет ни влиятельных родичей, ни поддержки многолюдной общины. Он всего лишь посредник в особой социальной ситуации, и его посредничество успешно только потому, что обе стороны признают общинные узы и хотят избежать, по крайней мере на время, дальнейших враждебных действий. Только если обе стороны хотят, чтобы спор был улажен, вмешательство вождя может оказаться успешным. Он выполняет роль механизма, дающего группам возможность восстановить нормальное положение дел, если они к тому стремятся.

Правда, вождь — носитель леопардовой шкуры старается в этих ситуациях убедить — увещеваниями и угрозами — родичей умершего человека принять компенсацию, но такое давление с его стороны нельзя рассматривать как приказ. Из многочисленных рассказов нуэров по этому вопросу явствует, что вождю приходится до крайности ужесточать свои угрозы, чтобы родичи умершего поддались бы в конце концов на уговоры вождя и не потребовали жизни виновного за жизнь их убитого родича.

Обычно угрозы вождя ограничиваются заявлением, что если родичи погибшего не послушают его, то когда они сами попадут в такое же трудное положение, вождь тоже не будет их слушать. Но мне говорили, что, если люди упрямо отказываются от посредничества, вождь может пригрозить уходом из их усадьбы и проклятием. Он начинает натирать спину быка золой и приговаривать, обращаясь к быку, что, если пострадавшие станут настаивать на возмездии, многие из них будут убиты, а их копыя не поразят врага. Мне говорили, что тут он поднимает копые, как бы намереваясь убить быка, но этого не допускают присутствующие. Поскольку достоинство членов семьи умершего уже защищено, один из них хватает вождя за руку, чтобы тот не убил быка, и восклицает: «Нет! Не убивай быка. Все кончено. Мы примем возмещение». Мой информант, сведения которого подтверждали и другие, добавил, что, если все же люди упорно отказывались от посредничества вождя — носителя леопардовой шкуры, тот приводил быка с короткими рогами и после обращения к богу убивал его, а затем вырывал волосы с головы быка, чтобы члены линиджа, отказавшиеся от его посредничества, погибли при попытке возродить вражду.

Поэтому мы приходим к выводу, что проклятие вождя само по себе не есть подлинное судебное урегулирование, а лишь установленная обычаем ритуальная процедура урегулирования традиционной вражды, исход которой известен и предусмотрен заранее. Угроза проклятия была нужна тем, на чьи головы она упала бы, если бы вождь ее произнес. Все это напоминает игру, правила и ход которой всем известны: когда нужно отступить, когда проявить твердость, когда окончательно уступить и т. п. Этот вывод основывается на многочисленных свидетельствах (я лишь один раз присутствовал при переговорах вождя и родичей убитого, но в этом случае обстоятельства были не совсем обычные). Однако надо с уверенностью сказать, что никакое давление со стороны вождя — носителя леопардовой шкуры (если оно вообще оказывается) не может помочь быстрому или вообще какому бы то ни было урегулированию традиционной вражды между более крупными отделами племени. В спорах иного рода вождь редко участвует, и только в тех случаях, когда обе стороны очень стремятся к урегулированию. Его юрисдикция не распространяется на дела, происходящие вне деревни. Мне говорили также, что, если одна из сторон откажется согласиться с его решением как арбитра, он может передать леопардовую шкуру человеку, отказавшемуся от его посредничества, что равносильно проклятию. Этот человек должен сделать вождю подарок, чтобы он согласился взять шкуру обратно. Однако такое, вероятно, случается только в том случае, если человек отказывается согласиться с решением, с которым согласились все, в том числе и старейшины его собственной общины. Мне также говорили, что человек, даже оспаривая слова вождя, делает это с уважением, сначала поплевав в руки вождя в знак доброй воли. Несомненно, в таких случаях к вождю относятся с уважением, но в повседневной жизни к вождям, которых я видел, относятся так же, как к остальным людям, и, наблюдая отношение к нему, никогда не скажешь, что этот человек — вождь. Соседи, желающие уладить спор, не прибегают к силе, и признающие, что другая сторона права, рассматривают вождя как механизм, с помощью которого можно вести переговоры.

10. Мы довольно подробно говорили о роли вождя — носителя леопардовой шкуры, потому что она важна в структурном отношении. Вождь никоим образом не представляет и не символизирует единства и исключительности политических групп, а является механизмом, благодаря которому — через институт традиционной вражды — эти группы взаимодействуют и сохраняют между собой структурное расстояние. Есть в стране нуэров и другие люди, очень известные и иногда влиятельные, с ритуальной властью того или иного порядка, но они, если не считать «пророков», о деятельности которых мы расскажем позже, в политическом отношении малозначительны. Они не правят и не

судят, и их ритуальные функции в противоположность функциям вождя — носителя леопардовой шкуры не имеют особого отношения к взаимодействию локальных групп. Однако мы не хотим обойти их полным молчанием, потому, что ритуальные силы, особенно в сочетании с богатством, способностями и широкими родственными связями, часто придают человеку такой престиж, что он может стать весьма влиятельным старейшиной своей общины.

Вслед за «пророками» и вождями — носителями леопардовой шкуры наиболее влиятельными являются *вут гок* («хозяева скота»), ритуальный статус которых тоже очень высок. Некоторые линиджи обладают наследственной ритуальной властью над скотом, и их членов просят исцелить больное животное или ликвидировать яловость у коровы (правда, очень немногие члены этих линиджей пользуются такой властью). Как и вожди — носители леопардовой шкуры, «хозяева скота» чаще являются членами линиджей чужаков, а не аристократического клана своего племени. Мне говорили, что поскольку их проклятие связано со скотом, его очень опасаются, и нуэры стараются не обижать их. Но об этом говорится только в традициях, я же сам не отметил ни одного случая произнесения такого проклятия. Если не считать нескольких «хозяев скота», которые играют определенную роль при регулировании возрастных групп (см. главу VI) и с которыми иногда советуются по поводу перехода на новые пастбища, то у них нет общественных функций. Один *вут гок* из восточных гааджок в прошлом поколении стал очень богатым и влиятельным, но его престиж объяснялся главным образом тем, что он овладел магией.

Помимо *куаар муон*, имеющих ритуальные связи с землей, и *вут гок*, имеющих ритуальные связи со скотом, есть еще много заклинателей тотемов, ритуальные связи которых с львами, крокодилами, птицами-ткачами и т. п. позволяют им, как считают нуэры, воздействовать на поведение этих живых существ. Заклинатель является обладателем (*гван*) духа (*квот*) своего тотема. Само по себе обладание такими силами не дает им политического или социального влияния. Есть также специальный заклинатель, который функционирует во время войны: он размахивает копьем перед лицом врагов и бросает им вызов. Его именуют *гван муот* — обладатель копья или *нгул* и чаще всего (пожалуй, даже всегда) он — член старшего линиджа господствующего клана племени, поскольку он угрожает врагу, произнося боевой клич и название копья, по которому называется и клан. Встречаются также различные лекари, прорицатели, обладатели лечебных снадобий и обладатели фетишей. Из всех этих людей видными членами общины являются только обладатели фетишей, имеющие определенную ритуальную власть. Нуэры очень боятся духов фетишей и считают их такими могущественными, что, покупая их, даже платят за них скотом. Обладатель фетишей может стать самым влиятельным человеком в де-

ревне, и я был изумлен, видя, с каким уважением и страхом относятся к нему его соседи. Тем не менее у него нет никаких четких функций по контролю отношений между жителями деревни, и он не представляет деревню в ее сношениях с соседними общинами.

11. Ритуальный статус дает человеку некоторое влияние в общине, но он может проявить свою власть только в специфических ритуальных ситуациях. Влияние гораздо больше зависит от пола и возраста человека. Женщины и дети всегда занимают более низкое положение по сравнению с мужчинами. Иногда женщины приобретают репутацию «пророчицы» и колдуньи, но, как правило, они не играют ведущей роли в общественных делах. У нуэров муж и жена более равноправны, чем у всех других племен Южного Судана, которые я посещал. И все же женщины подчинены мужчинам: дочери — отцам, жены — мужьям. Мальчики подчиняются родителям и старшим братьям и только после инициации становятся полноправными членами племени со всеми привилегиями и обязанностями. Но отношения между полами, а также между детьми и взрослыми относятся скорее к области домашних связей, а не к изучению политических институтов.

Когда юноша проходит инициацию, он становится «мужчиной», а когда он женится и у него рождается несколько детей, он становится «подлинным мужчиной», или старейшиной. Мы уже говорили о той роли, какую играют старейшины при разборе дел об убийстве и других спорах. Когда локальная община действует корпоративно и требуются руководство и совет, эти функции выполняют старейшины. Они решают, когда начать сезонные передвижения и где разбить лагеря, ведут переговоры о браках, дают советы по вопросам экзогамии, проводят жертвоприношения и т. п. С их решениями охотно соглашаются более молодые мужчины, которые почти не принимают участия в беседе, если только она не касается их лично. Когда старейшины не могут прийти к согласию, начинаются крики и споры, так как всем позволено кричать во весь голос, защищая свое мнение. Слова некоторых старейшин имеют больше веса, чем слова других, и обычно люди соглашаются с их мнением.

Эти старейшины являются членами средних возрастных групп (в настоящее время это группы Макер и Дангунга), так как члены самых старших возрастных групп (Тут и Бойлоч) почти не принимают участия в общественной жизни. Мы будем обсуждать отношения между возрастными группами в главе VI. Здесь мы только отметим, что внутри возрастной группы власть не принадлежит никому — все ее члены имеют одинаковый статус, и, хотя члены младших групп уважают членов старших групп, власть более старых мужчин основана на личном престиже, очень неопределенна и аналогична власти старейшины внут-

ри семьи. Отношения между индивидами определяются расстоянием между ними в системе возрастных групп, но возрастные группы — это не политический институт в смысле системы, имеющей административную, военную или судебную организацию.

Возраст сам по себе не определяет социального положения человека. Он должен выделяться еще и чем-то иным. Наиболее влиятельные старейшины — это *гаат твот* («дети быков»). Такого человека обычно именуют *тут* («бык»), и, если говорить точнее, это эквивалентно термину *дил*, т. е. аристократу племени. Как будет подробнее объяснено в главе V, *дил* — член господствующего клана в каждом племени, и в силу членства в нем он занимает чуть более высокое социальное положение в племени. Этот клан не является правящим классом, и его члены просто пользуются большим престижем. В клановой системе нет наследственного лидерства: старший линидж не стоит выше других, не существует «отца клана», нет и «совета старейшин клана». В более широком значении словом *тут* обозначают влиятельных людей, которые принадлежат не к господствующему клану, а к другим линиджам, уже давно поселившимся на постоянное жительство в данном племени. В этом, более широком смысле *тут* означает «надежный человек» или «социальный лидер», который обычно является членом влиятельного линиджа, главой семьи и владельцем домохозяйства и стада. Как правило, это самый старший из оставшихся в живых сыновей, поэтому также глава большой семьи и хозяин хутора. Чтобы завоевать репутацию в обществе, он должен также владеть достаточным числом коров: ему необходимо принимать гостей, а также привлекать молодых родственников жить в своем загоне. Вокруг домохозяйства такого человека скучиваются домохозяйства его братьев и женатых сыновей, а часто и домохозяйства мужей его сестер и мужей дочерей. Чтобы стать социальным лидером, с мнением которого охотно соглашаются, он должен также обладать способностями и твердым характером.

Власть *гат твот* или *тут веч* — «лагерного быка», как его часто называют, никогда формально не устанавливалась. У него нет ни определенного статуса, ни власти, ни сферы руководства. Линидж, возраст, старшинство в семье, наличие многих детей, брачные союзы, владение большим стадом скота, воинская доблесть, ораторское искусство, твердый характер и, зачастую, та или иная ритуальная власть — все это черты выдающейся социальной личности, которую считают главой большой семьи и группы когнатных родственников и свойственников, лидером деревни и лагеря, влиятельным человеком в той неопределенной социальной сфере, которую мы именуем «округом». В деревне или лагере сразу можно заметить, кто здесь социальные лидеры, и именно из этих людей администрация подбирала большинство правительственных вождей, ибо влияние вождя — носителя леопардовой шкуры ограничено главным образом его ритуальными функциями. Только в том случае, если он является

одновременно и *гат твот*, его влияние выходит за рамки этих функций.

На вопрос, как действует *тут* в роли лидера своей общины, ответить трудно. Как глава семьи и большой семьи он играет весьма видную роль в урегулировании дел названных групп, но нельзя сказать, чтобы в силу этого он обладал политической властью, поскольку такие домовые группы действуют независимо от других групп деревни (хотя их общие нужды и требуют определенной координации деятельности). Большая семья по совету *тут* решает вопрос о смене лагеря, и в новом лагере именно *тут* вбивает первый колышек, к которому привязывают корову, но другие большие семьи того же лагеря могут решить двинуться только на следующий день. Лидерство в локальной общине сводится к тому, что какой-либо влиятельный человек решает что-нибудь предпринять, и жители других усадеб следуют его совету, но только когда им будет это удобно. Когда деревня занята совместной деятельностью, ответственное лицо для организации этой деятельности не назначается. Если на одних жителей деревни совершено нападение, другие мчатся им на помощь, и их возглавляют самые быстрые и смелые, но их никто к этому не призывает, никто не организует сопротивление. Деревня в структурном смысле — это политическая единица, но у нее нет политической организации. Нет ни старосты, ни другого назначаемого лидера, облеченного властью, который символизировал бы единство деревни, нет и деревенского совета. За пределами своих домовых групп *тут* осуществляет власть в деревне только в том смысле, что он играет важную роль в вопросах процедуры и в различных дискуссиях. Вне деревни он просто хорошо известный человек, которого уважают во всем «округе», но у него нет никакого политического статуса.

В группах более крупных, чем деревня и лагерь, намного меньше координированной деятельности и меньше возможностей для лидерства. Только в войне проявляется на определенный период тесная кооперация. Люди, известные доблестью и способностями, разжигают энтузиазм юношей перед набегом на динка или на битву с другим отделом племени и руководят применяемой нуэрами элементарной тактикой, но у этих людей нет политического статуса или положения постоянных лидеров. Воины сами организуются в отряды по территориальному принципу, так как не существует подразделений под командованием командиров, а в бою они просто следуют за самыми отважными и смелыми. Некоторые из таких воинов завоевывают известность, и их репутация быстро привлекает желающих участвовать в набегах. Известны два самых знаменитых военных лидера: Латджор, возглавлявший племена джикани, и Бидиит, возглавлявший на востоке племена лу. Ни тот, ни другой не имели ритуальных функций, но были исключительно способными людьми и членами господствующих кланов своих племен. По словам нуэров, ни тот, ни другой не обладали каким-либо

политическим контролем и не пользовались никакой особой властью даже в своем племени. О роли «пророков» в войне будет говориться ниже. Сегменты племени не ведут никакой совместной деятельности, которая требовала бы организации и руководства.

12. Отсутствие у нуэров юридических институтов, развитого лидерства и вообще организованной политической жизни просто поразительно. Их государство построено на родственных отношениях, и только путем изучения системы родственных отношений можно понять, как поддерживается порядок и устанавливаются и сохраняются социальные отношения на обширных территориях. Упорядоченная анархия, в которой живут нуэры, вполне согласуется с их характером: невозможно жить среди нуэров и представить, чтобы ими управляли какие-либо правители.

Нуэр — это продукт сурового воспитания в эгалитарном духе, он глубоко демократичен, но легко возбуждается и переходит к насилию. У него беспоконный характер, он не терпит никаких ограничений и не признает ничего превосходства. Богатство его не прельщает. Человеку, владеющему большим количеством скота, завидуют, но относятся к нему так же, как к человеку, бедному скотом. Происхождение не имеет значения. Человек может не быть членом господствующего клана племени, он может даже быть по своему происхождению динка, но если кто-нибудь намекнет на это, намекнувший рискует быть избитым дубиной.

Всем своим поведением нуэр показывает, что он ничем не хуже соседа. Нуэры шествуют словно хозяева земли, каковыми они себя и считают. В их обществе нет хозяев и слуг, есть только равноправные люди, мнящие себя наиболее совершенным творением бога. Их уважение друг к другу особенно резко подчеркивает их презрение ко всем другим народам. В своей среде всякий намек на приказ вызывает раздражение, и человек или не выполняет его, или выполняет так формально и неохотно, что это получается оскорбительнее отказа от выполнения. Если нуэр хочет, чтобы соплеменник сделал что-то, он просит об этом как об одолжении родственнику и говорит: «Сын моей матери, сделай это». Или же он обращается как бы к себе, говоря: «Давай пойдем» и т. п. В повседневных отношениях с соплеменниками он проявляет уважение к людям старше его, к его «отцам» и к некоторым лицам с ритуальным статусом (в делах, входящих в их компетенцию), если только они не посягают на его независимость. Но он не выполнит никакого приказа, который противоречит его интересам, и он не считает себя обязанным кому-либо подчиняться. Как-то я разговаривал с нуэром о шиллуках, край которых он только что посетил, и он сказал: «У них есть большой вождь, у нас нет его. Этот вождь может послать за челове-

ком и потребовать от него корову или может перерезать ему горло. Разве у нуэров такое случается? Разве нуэр придет по чьему-нибудь приказу или отдаст кому-нибудь корову?»

Меня все больше изумляла гордость нуэров. Она так же примечательна, как и их сдержанность и скрытность. Я уже рассказывал о том, как нуэры прерывали мои расспросы. Я упомяну здесь три характерных случая, которые помогут понять, как бесцеремонно они обращались со мной. Однажды я спросил дорогу к какому-то месту и меня намеренно запутали. Злой, я вернулся в лагерь и спросил, почему они указали мне неверный путь. Один из нуэров сказал: «Ты чужой, так почему мы должны показывать тебе правильный путь? Если бы даже посторонний нуэр спросил у нас о дороге, мы бы ему сказали: „Иди прямо по этой дороге“, но не сказали бы, что она разветвляется. Зачем нам ему говорить правду? Но теперь ты член нашего лагеря и добр к нашим детям, так что в будущем мы тебе будем указывать правильный путь».

В том же лагере к концу моего пребывания я заболел и отплывал на пароходе. Я попросил нуэров перенести палатку и вещи к берегу реки. Они отказались, и мы со слугой-нуэром перенесли вещи сами. Когда я спросил его, почему так неприветливы эти люди, он ответил: «Ты сказал, чтобы они отнесли вещи к берегу. Поэтому они и отказались. Если бы ты их попросил и сказал: „Сыновья моей матери, помогите мне“, они бы не отказались».

Как-то группа нуэров рассказывала мне о своих линиджах. На следующий день эти же люди пришли ко мне, и один из них спросил: «Ты веришь тому, что мы вчера говорили?» Когда я сказал, что верю, они захохотали и стали звать других людей, чтобы вместе с ними посмеяться над этой шуткой. Затем один из них сказал: «Слушай, все, что мы вчера говорили, чепуха. А теперь мы тебе расскажем все правдиво». Я бы мог поведать о многих таких случаях.

Нуэров правильно описывают как людей угрюмых, и они действительно бывают грубы и неприветливы по отношению друг к другу, а особенно к посторонним. Но если общаться с ними без намека на какое-либо превосходство, они не отказывают в дружбе, а в несчастье и болезни даже бывают добрыми и внимательными. В такие моменты они проявляют участие, которое в другое время они подавляют в себе из гордости, так как, если нуэру даже кто-нибудь нравится, он не хочет, чтобы это заметили, и прячет дружелюбие за внешней грубостью. Они никогда не лгут и не раболепствуют. Если нуэр хочет получить подарок, он прямо говорит об этом, получив отказ, не обижается. Они судят о характере человека по тому, как он может постоять за себя. Человек растет в их глазах, если он принимает их образ жизни и их жизненные ценности.

Если вы хотите жить среди нуэров, то делайте это на их условиях, т. е. обращайтесь с ними как с родственниками, и то-

гда они тоже будут вести себя с вами как с родственником. Права, привилегии, обязательства определяются родством. Или человек — родственник (действительный или фиктивный), или же это человек, перед которым у вас нет обязательств, и тогда вы рассматриваете его как потенциального врага. Всякий человек в деревне и округе считается так или иначе родственником. Поэтому, если не считать случайного бездомного и презируемого бродягу, нуэр общается только с людьми, которые ведут себя по отношению к нему как родственники.

Родичи должны помогать друг другу, и, если у одного есть излишек чего-либо, он должен поделиться с соседями. В результате у нуэров не бывает излишков. Но у европейца есть излишки, и, если его имущество имеет ценность для нуэров, он, по их мнению, должен делиться им с людьми, среди которых живет. Путешественники писали, что нуэры досаждали им просьбами о подарках. Но они непрерывно клянчат и друг у друга. Ни один нуэр не склонен расставаться со скотом или домашней утварью, и, кроме как в чрезвычайных обстоятельствах, никто этого не попросит. Но если человек владеет несколькими копьями или мотыгами, или другими подобными вещами, то он наверняка их потеряет. Правительственный вождь Денг, человек влиятельный, говорил мне (когда я уезжал из его деревни на р. Пибор), что он очень благодарен за копья для битья рыбы, которые я раздал его родственникам, но добавил, что они их неминуемо потеряют, когда в следующий сухой сезон на р. Пибор съедутся родичи из Фадон.

Чтобы уберечь от нуэров табак, нужно или говорить, что у вас его нет, или хорошенько его прятать. Когда я подарил Денгу большой кусок ануакского табака, он положил маленький кусочек себе в трубку и тут же был вынужден раздать весь остальной табак. Когда я давал юношам в Якваче табак, они брали небольшие кусочки и тут же начинали нюхать его, прося спрятать остальной табак, чтобы они могли брать еще, когда им понадобится, но потихоньку от других. У меня в палатке было много таких тайников. Ни один нуэр не в силах отказать родичу, если тот выпрашивает у него табак. Ровесники даже не просят, а, увидев табак в загоне, бесцеремонно берут его. Моя система заключалась в том, чтобы немедленно отдавать все, что у меня было и что могли попросить нуэры, и жить в нужде, но в покое. Арабские купцы приходят в бешенство от попрошайничества нуэров, но они, как правило, хорошо говорят по-нуэрски, знают обычаи нуэров и умеют постоять за себя. Однако я не раз наблюдал, что и им приходилось делать подарки, не получая ничего взамен.

Нуэры цепко держатся за свои права и имущество. Они легко берут и с трудом отдают. Этот эгоизм идет от воспитания и от природы родственных обязательств. Ребенок очень скоро начинает понимать, что добиться равенства со старшими можно только в том случае, если он сумеет постоять за себя и не

допустить посягательств на свою личность и собственность. А это значит, что нужно всегда быть готовым драться, и эта готовность и умение постоять за себя — единственная его защита как свободной и независимой личности от жадности и угроз родичей. Они защищают его от внешних врагов, но он должен сопротивляться их притязаниям в отношении его самого. С такими притязаниями нуэр сталкивается непрерывно, и он сопротивляется как только может.

13. В последнем разделе я привел свои впечатления и наблюдения, помогающие понять отношение нуэров к власти. В свете сказанного особенно примечательно, что они так легко подчиняются людям, претендующим на обладание сверхъестественными силами. Фетиши появились в стране нуэров недавно и внушают населению серьезный страх, а их обладатели наводят ужас на целые округа, а иногда даже на крупные отделы племен. Однако обладатели фетишей ни в коей мере не являются лидерами племени и не могут сравниться по социальному значению с «пророками».

Из-за того что «пророки» нуэров были средоточием оппозиции правительству, они были у него в немилости, и самые влиятельные из них во время моих поездок в страну нуэров были лишены свободы или прятались, так что я не смог внимательно понаблюдать за их поведением¹⁷. Не вдаваясь в подробности верований нуэров, скажем только, что «пророк» — это человек, одержимый одним из небесных духов, или богов, которых нуэры считают сыновьями бога неба. Нуэры глубоко почитают и боятся этих духов и с готовностью следуют за теми, кто ими одержим. В результате «пророки» обрели ореол святости и такое влияние, каким не пользуется никто в обществе нуэров. «Пророк» именуется *гук*, иногда его называют *чок квот* («божий муравей»). Он подпадает также под общую категорию *гван квот* («обладатель духа»).

Первым влиятельным «пророком» был Нгунденг, умерший в 1906 г. Он был членом клана Гаатлик племени лу и мигрировал из района восточных джикани. Он был вождем — носителем леопардовой шкуры, а затем завоевал репутацию «пророка» своими длительными голодовками и иными странностями, а также пророчествами и умением исцелять болезни и бесплодие. Женщины со всей территории лу, из племен восточных джикани и даже из районов к западу от р. Зераф и Нила приходили к нему лечиться от бесплодия. Многие приводили быков, которых Нгунденг приносил в жертву Денгу — богу неба, вселившемуся в него. Затем он совершал помазание их своей слюной. Когда лу угрожала оспа, он пошел на борьбу с эпидемией и принес в жертву быков. Он предсказывал эпизоотии и другие события, возглавлял экспедиции против динка.

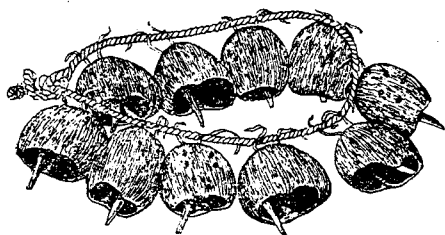
Когда Нгунденг умер, дух Денга вошел в его сына Гвека,

который, как и отец, занялся предсказаниями, лечением болезней и бесплодия. Однако в отличие от отца, который явно был психически больным, Гвек был здоровым человеком. Дух Денга обошел стороной его старших братьев или вселялся в них, судя по всему, ненадолго. Нуэры говорят, что дух даже после жизни нескольких поколений в конце концов возвращается к линиджу человека, которым он впервые овладел, и «избранный сосуд божий» узнает об этом, заболевая и переживая бредовое состояние. Обычно нуэры, особенно молодые, не хотят становиться одержимыми духами, и, по-видимому, чаще всего это случается с людьми с нездоровой психикой. Что касается сыновей «пророка», то его «плащ» обычно получает самый честолюбивый из них, которому хочется заполучить духа, не прибегая, правда, к голодовкам. Гвек был убит правительственными солдатами в 1928 г.

Другим знаменитым «пророком» был Диу, или Денглеака, из племени гаавар, бывший пленный динка. Он решил заполучить духа голодовками и уединением. Позднее он прославился успешными войнами против динка, территорию которых захватили его последователи, и против арабских работорговцев. Как и Нгунденг, он славился умением совершать чудеса. Денглеака умер в 1908 г., и духом бога неба (Дау) стал одержим его сын Двал. Единственный «пророк», которого мне удалось встретить, это Буом из района, населенного док, — он одержим духом бога неба (Тици). Соседи считали его корыстолюбивым и жадным человеком, но у него хватило хитрости, чтобы добиться поста правительственного вождя. Другими известными «пророками» в разных районах страны нуэров были Мут из восточных гааджаков, Куланг из западной части края и др.

Вкратце следует сказать о замечательной пирамиде, которую воздвиг Нгунденг и достраивал Гвек на территории отдела румджок племени лу. Ее высота была 50—60 футов, а вокруг ее основания и на вершине были установлены слоновые бивни. В 1928 г. правительственные войска взорвали ее. Пирамиду строили из золы, земли и щебня, который добывали на участках, где находились лагеря. На строительство приходили люди со всей территории племени лу и восточных джикани, ведя за собой быков для жертвоприношения. Нуэры говорят, что пирамида была построена в честь бога неба (Денг) и во славу его «пророка» Нгунденга. Нет сомнения, что культ Денга ведет свое происхождение от динка и, вероятно, у динка зародилась и идея сооружения пирамиды. Говорят, что кроме знаменитой пирамиды лу существовала еще одна, поменьше, в Тхоче, на территории восточных джикани — ее построил «пророк» Денг.

Все нуэры сходятся во мнении, что «пророки» появились недавно. Они говорят, что Денг спустился с небес в недавние времена, на памяти живых людей, и что он был первым из богов неба, спустившихся на землю. Они утверждают, что в былые времена не было «пророков». В записках европейских путешест-

Бубенчики из пальмовых орехов для
теленка

венников нельзя найти ни подтверждения, ни опровержения этих заявлений. Понсе пишет, что у нуэров в его время были богатые и влиятельные лица, которых почитали и после смерти и которых он именует «*devins ou sorciers*» и «*jongleurs*» [31, с. 40]. А. Брэн-Ролле пишет, что у нуэров существовал некто вроде «папы»,

которого они почитали и которому чуть ли не поклонялись, но его сведения настолько фантастичны, что им нельзя доверять [3, с. 222]. Хотя и трудно поверить, чтобы за шестьдесят лет никто не стал одержим духом, мы должны принять — за неимением доказательств противного — единодушное утверждение нуэров, что никто не был одержим богами неба. Но вполне очевидно, что если в то время и существовали «пророки», то их влияние распространялось на небольшие территории, и они не имели общеплеменного значения. Есть свидетельства, что появление «пророков» у нуэров связано с распространением из Северного Судана махдизма. Так или иначе, нет сомнения, что влиятельные «пророки» появились в разгар арабского вторжения в страну нуэров и что после вторичного завоевания Судана их почитали еще больше, а влияние их в крае было сильнее влияния любых других лиц.

Однако мы считаем, что влияние этих «пророков» — даже наиболее знаменитых — сильно преувеличено и что их статус в племенах неправильно понят. Первые правительственные чиновники, проникшие на территорию лу, писали, что Нгунденга очень боялись и уважали, и приходили к выводу, что подчинить лу администрации можно, только умиротворив или устранив Нгунденга. Однако некоторые отделы племени не поддержали сына Нгунденга Гвека в борьбе с правительством. Тогдашний губернатор провинции Верхний Нил писал, что власть Двала, сына Диу, над племенем гаавар «весьма шатка». У меня создалось впечатление, что как правительственный вождь Буом в 1932 г. обладал на территории док большей властью, чем та, которой он пользовался в качестве «пророка». Проклятий «пророка» бояться, но вооруженное вторжение правительственных войск — еще более весомая санкция. Буом попытался взять на себя невиданные доселе судебные функции, и его изгнание не вызвало сопротивления и было воспринято без особого сожаления. Судя по имеющимся сведениям, ранние «пророки» были просто сакральными фигурами, ритуальная власть которых была полезна в войне. Однако затем некоторые из них, по-видимому, начали участвовать в урегулировании споров, во всяком случае, в своих деревнях и «округах». Из них Гвек, пожалуй,

был ближе других к осуществлению политических функций и распространению своего влияния за пределами «округа», но из-за вражды между племенами и сегментами племени эффективный контроль одного человека был все же невозможен.

Вся деятельность «пророков» в масштабе племени сводилась к организации набегов на динка и сопротивлению арабской и европейской экспансии, и именно в этой деятельности мы видим их структурное значение, ею мы объясняем их возвышение. Все влиятельные «пророки» завоевали престиж, руководя успешными набегами на динка, так как набег проводился от имени духов, которые устами «пророков» обещали хорошую добычу. Ни один из крупных набегов не предпринимался без разрешения и руководства «пророков», которые получали от богов неба наставления о времени и целях нападения, а нередко и сами участвовали в набеге и совершали жертвоприношение перед боем. Они брали себе часть трофеев и иногда наблюдали за разделом остальной добычи. Перед началом набеге воины пели гимны в честь богов неба, а приносимые «пророками» жертвы гарантировали им безопасность и хорошую добычу.

Иногда влияние «пророков» распространялось и за границы племени. Гвек пользовался огромным влиянием среди гааджок, и, как говорят, именно поэтому лу и гааджок одно время платили друг другу виру за убийство. Его влияние распространялось также на восточных гагванг и гааджак. Денглеака пользовался таким же влиянием в долине р. Зераф, особенно среди тьянг. Некоторые «пророки» западных нуэров пользовались влиянием среди соседних племен, которые объединялись по указаниям их духов для набегов. В отличие от вождей — носителей леопардовой шкуры они закладывали основу союзов смежных племен, олицетворяя собой структурный принцип оппозиции чужеземцам, единство и гомогенность нуэров перед лицом врага. Вполне вероятно, что коалиция племен и организация совместных набегов — в значительной степени дело их рук (хотя из-за отсутствия точных данных в этом нельзя быть уверенным) и это превратило их во влиятельные и могущественные фигуры в стране нуэров. Именно так можно объяснить, как случилось, что «пророки» появились или по крайней мере стали влиятельны примерно полвека назад. За это время произошли и определенные структурные изменения: развитие функций, которые носили более четко выраженный политический характер, чем любые функции индивидов до тех пор, а также возникновение большего единства соседствующих племен, чем когда-либо раньше. Поскольку боги неба после смерти «пророков» переходили в их сыновей, мы вправе говорить о появлении наследственного политического лидерства, которое (наряду с сильной тенденцией к сложению союза смежных племен) мы склонны объяснять новой угрозой со стороны арабов и европейцев. Теперь нуэрам угрожал более серьезный враг, чем соседние народы. Когда правительство сокрушило «пророков», исчезла и эта тенденция.

Как мы понимаем ситуацию, «пророки» неизбежно должны были находиться в оппозиции к правительству, потому что именно сопротивление населения привело к их возвышению.

14. Мы попытались показать, что расселение нуэров зависит от экологии и что линии политического деления примерно совпадают с территориальной организацией, обусловленной способами жизнеобеспечения. Изучение экологии, однако, помогает нам понять только некоторые демографические особенности племен и сегментов племени у нуэров, но не характер их структурных отношений. Последние можно понять только в категориях определенных структурных принципов, и мы пытались выделить эти принципы, хотя и, надо признать, с помощью не очень глубокого анализа. Теперь суммируем некоторые выводы: 1) нуэры вкладывают особое значение в свое территориальное расселение, и их восприятие этого расселения дает нам социопространственные единицы и позволяет свести такие единицы в систему; 2) для всех подобных единиц очевидна тенденция к расщеплению на противостоящие сегменты, и в то же время тенденция таких сегментов к слиянию — в противопоставлении другим единицам; 3) чем меньше сегмент, тем он сплоченнее, и именно этим объясняется существование сегментной системы; 4) политическую систему нуэров можно понять, только рассматривая всю структуру, часть которой составляют и другие народы; характер же всех нуэрских общин должен определяться их отношениями с другими общинами того же порядка внутри политической системы; 5) социальная система намного шире сфер реальных политических отношений и перекрывает их границы; 6) политические ценности зависят не только от отношений локальных общин; политические отношения можно изучать независимо от других социальных связей, но они являются особой функцией всей системы социальных отношений; они в основном построены по типу родственных отношений, а превращение родственных отношений в политические отношения в определенных ситуациях и есть одна из наших главных проблем; 7) структурные отношения между племенами нуэров и другими народами и между племенами поддерживаются институтом войны, а структурные отношения между сегментами одного и того же племени поддерживаются институтом традиционной вражды; 8) центральная администрация не существует, а вождь — носитель леопардовой шкуры является ритуальной фигурой, функции которой надо рассматривать в категориях структурного механизма традиционной вражды; 9) правопорядок зависит от структурного расстояния между индивидами; 10) новые условия, возникшие в результате вторжения арабов и европейцев, по-видимому, способствовали развитию института «пророков» с зародышевыми судебными функциями и привели к более прочной межплеменной солидарности.

Глава V

СИСТЕМА ЛИНИДЖЕЙ

1. Многие характерные черты нуэрских линиджей и кланов рассматриваются при изучении системы родственных отношений, которой мы займемся в следующем томе. Здесь мы рассматриваем только те характерные черты, которые непосредственно относятся к территориальной системе. Начнем мы, однако, с формальной дефиниции клана, линиджа и родства. Клан нуэров — это самая крупная группа агнатов, которые прослеживают свое происхождение от общего предка. Браки между агнатами запрещаются, а половые сношения приравниваются к кровосмешению. Это не просто недифференцированная группа лиц, признающих свое общее агнатное родство (как у многих африканских народов), но сильно сегментированная генеалогическая структура. Генеалогические сегменты клана мы именуем линиджами. Родственные отношения каждого члена линиджа с другим его членом можно точно определить в генеалогических категориях; можно также проследить его родственные отношения с членами других линиджей того же клана: родственные отношения одного линиджа с другим известны по генеалогическим признакам. Клан — это система линиджей, а линидж — это генеалогический сегмент клана. Можно, конечно, говорить о целом клане как о линидже, но мы предпочитаем говорить о линиджах как о его сегментах и давать им именно такую дефиницию. В качестве альтернативы можно говорить о линидже, как об агнатной группе, члены которой связаны генеалогически, а о клане — как о системе таких групп, причем о системе, которая у нуэров является генеалогической. На схеме 14 клан А сегментирован на максимальные линиджи В и С, которые разветвляются на большие линиджи D, E, F и G. Малые линиджи H, I и J и K являются сегментами больших линиджей D и G, а L, M, N и O — это минимальные линиджи, являющиеся сегментами H и K. Оказалось, что слов, которыми можно описать четыре ступени линиджной сегментации, достаточно даже, когда речь идет о самых крупных кланах. Наиболее распространенные у нуэров слова для обозначения линиджа — это *ток* *двиел*. Самая мелкая генеалогическая единица, которую они именуют *ток* *двиел*, уходит в прошлое на глубину от трех до пяти поколений. Таким образом, клан — это генеалогическая структура, и буквы на графике представляют лица, от которых клан и его сегменты

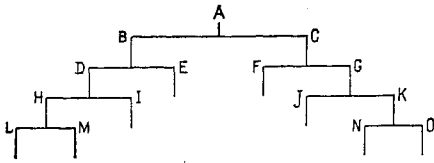

Схема 14. Членение клана на линиджи разных уровней

прослеживают свое происхождение и по которым они часто получают свои названия. В стране нуэров должно быть по крайней мере двадцать таких кланов, не считая множества мелких линиджей, происходящих от динка.

Линидж — в том смысле,

в каком мы обычно употребляем этот термин, — это группа живых агнатов, происходящих от основателя данной линии. Логически линидж включает в себя и умерших, происходящих от того же основателя (и иногда мы употребляем этот термин, охватывая им и умерших), но умершие имеют значение только потому, что по их генеалогической позиции можно объяснить родственное отношение между живыми.

Кланы и линиджи имеют названия, различные ритуальные символы и соблюдают взаимные церемониальные отношения. У них есть названия по копью, которым они владеют (они служат боевым кличем), тотемические и другие мистические символы и церемониальный статус для общения друг с другом.

Агнатные родственные отношения между линиджами называются *бут*. *Бут* — это всегда агнатные родственные отношения между группами лиц, между отдельными лицами такие отношения существуют только в силу их членства в группах. Агнатный характер *бут* надо отличать от родства в смысле родственных отношений между отдельными лицами, например, между мужчиной и братом его отца и братом матери. Такие когнатные узы нуэры называют *мар*. Любой человек, с которым нуэр может проследить какую-либо генеалогическую связь по мужской и женской линиям, является для него *мар*. Таким образом, *мар* человека — это все родичи его отца и все родичи его матери, и мы называем эту когнатную категорию системой родичей. Обычно этот термин относится только к ближайшим родственникам. Поэтому если *мар* включает в себя близких агнатов, то *бут* употребляется только в применении к далеким агнатам, с которыми говорящий разделен по линиджам. Отношения *бут* существуют между линиджами одного и того же клана, а также между родственными кланами, имеющими одного и того же предка, но не составляющими экзогамную единицу. Динка может получить родство типа *бут* с каким-либо линиджем нуэров, если он адоптирован в параллельный линидж. Таким образом, мы делаем формальное различие между системой линиджей, являющейся системой агнатных групп, и системой родичей, являющейся системой категорий родственных отношений с определенными индивидами. Мы говорим об этих индивидах как о родичах по отцу и родичах по матери, а о тех и других вместе как о системе родичей.

Политические и линиджные группы не идентичны, но они имеют некоторое соответствие, а часто и одинаковые названия, потому что территория племени и его подразделений нередко называется по тем кланам и линиджам, которые первыми заняли ее. Именно поэтому так трудно разобраться во взаимоотношениях названных групп, что вело к большой путанице в работах о нуэрах. Так, гаавар — это название территории племени, но также и обитающих на ней членов племени и членов того клана, который имеет на данной территории господствующий статус. Точно так же гааджок и гааджак — это названия территорий, племен и линиджей. Чтобы избежать путаницы, названия клана и линиджа мы пишем прописными буквами. Так, когда мы говорим, что человек — гаавар, мы имеем в виду, что он член племени гаавар, человек, живущий в районе гаавар, но если мы говорим, что он Гаавар, мы имеем в виду, что он член клана Гаавар, потомок по мужской линии Вара — основателя господствующего клана в районе гаавар.

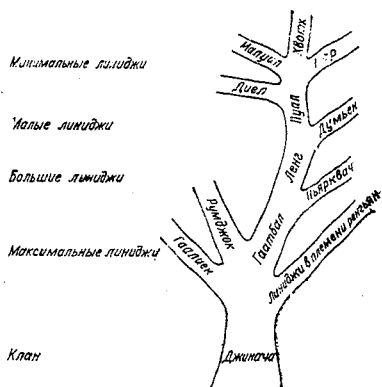

Схема 15. Родословное дерево клана Джинача

2. В следующем разделе мы приводим генеалогические древа трех кланов в той форме, которая принята у нас, но могла бы быть понятна и нуэрам: последние иногда говорят о линидже как о *кар* («ветви»). Схемы 15, 16 и 17 показывают, как разветвляются линиджи, как каждый из них становится ветвью более крупного линиджа. Джинача — господствующий клан племен лу и ренгьян, Гатганкир — господствующий клан племен джикани, а Тьянг (Гаа) — господствующий клан в племени тьянг. Только одна нисходящая линия ведет от корней к ветвям — от предка клана к минимальным линиджам, но на схеме видно, где ответвляются от ствола другие главные и малые ветви, т. е. где другие максимальные, большие и малые линиджи отходят от ствола.

3. Мы дали дефиницию линиджа и клана, проиллюстрировав сказанное схемами. В этом разделе мы поговорим о некоторых характерных чертах линиджа и клана, поскольку это имеет прямое отношение к нашему исследованию. Можно сразу сказать, что обнаружить у нуэров клан отнюдь не просто, потому что клан для них не абстрактное понятие, в их языке нет слова, ко-

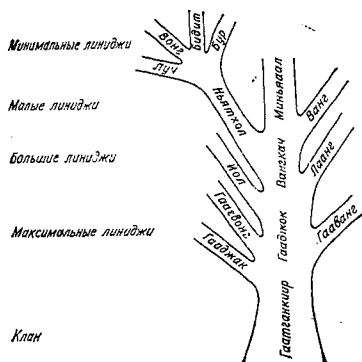

Схема 16. Родословное древо клана Гаатганкир

кар («ветвь»). *Ток двиел* — наиболее распространенное обозначение агнатной родословной в тех ситуациях, когда требуется генеалогическая точность, но в повседневной жизни, как мы объясним ниже, нуэры пользуются словом *чьенг*. Сам по себе клан занимает положение, аналогичное положению линиджа в клановой системе, он имеет особое значение для нуэров не столько как обособленная группа, сколько как сегмент в системе групп, поскольку он приобретает свою исключительность только как часть системы.

Линидж — термин относительный, поскольку охват им агнатов зависит от того лица, которое выбрано в качестве исходной точки для прослеживания происхождения. Так, если мы начнем с отца, то *ток двиел* будет включать только сыновей и дочерей, но если мы возьмем за отправной пункт деда, то он будет включать всех его сыновей и дочерей и детей его сыновей. Чем выше мы будем подниматься по родословной линии при выборе исходной точки, тем больше и больше агнатов будет включать линидж. Можно было бы считать, что самый маленький возможный линидж — это сыновья и дочери одного человека, но нуэры не называют их *ток двиел*. Вместе с отцом и матерью они образуют семью и домохозяйство. Нельзя сказать с определенностью, насколько высоко будет подниматься нуэр по восходящей родословной линии, чтобы обнаружить верхушку минимального линиджа. Он может подняться всего на две ступени — к деду, охватив три поколения агнатов, но обычно для минимального линиджа берутся четыре-пять поколений. Помимо того что так определяют линидж сами нуэры, мы считаем необходимым определять линиджи как группы с временной глубиной по крайней мере в три поколения, потому что тогда они представляются как отчетливые структурные сегменты в системе таких сегментов и их трудно спутать с домовыми группами.

Клан нуэров, будучи сегментирован, имеет многие из тех от-

торое можно было перевести как «клан». Название клана можно узнать, спросив нуэра, кто был его «самый древний предок», или его «первый предок» (*гвандонг*), или каковы его «семена» (*кваи*). Но только уже зная кланы, их линиджи и их ритуальные символы, как знает их нуэр, можно установить клан человека по его линиджу или по названию кланового копья, или по почетному обращению (нуэры и в обиходе пользуются линиджной терминологией). Линидж — это *ток мац* («очаг») или *ток двиел* («вход в хижину»), иногда его называют

личительных черт, которые мы обнаружили в структуре племени. Его линиджи являются обособленными группами только по отношению друг к другу. Так, на схеме 14 М — это группа, находящаяся в оппозиции только к L, Н — это группа в оппозиции только к I, D — группа в оппозиции только к E и т. д. Всегда происходит слияние параллельных линиджей одной и той же ветви по отношению к параллельной ветви. Например, L и M составляют единый малый линидж Н, находящийся

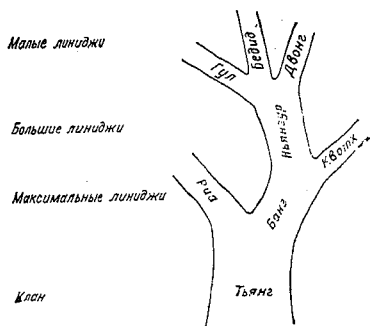

Схема 17. Родословное древо клана на Тьянг

в оппозиции к I, и не являются отдельными линиджами; D и E — единый максимальный линидж В, находящийся в оппозиции к С, а не отдельные линиджи. Следовательно, два линиджа, которые равны и находятся в оппозиции, объединены по отношению к третьему, так что человек оказывается членом линиджа по отношению к одной группе, но не является таковым по отношению к другой. Линиджные ценности поэтому так же относительны, как и племенные (ниже мы объясним, что процессы линиджной и политической сегментации до некоторой степени совпадают).

Можно было бы предположить, что по мере рождения новых членов племени кланы все дальше и дальше отходят от своего основателя, а представители клана все дальше и дальше отдаляются друг от друга в линиджной структуре. Однако нам кажется, что этого не происходит. Теоретически любой человек — потенциальный основатель линиджа, но на деле линиджи берут начало от очень немногих людей. Остальные люди по той или иной причине выпадают, так что в памяти остаются только некоторые генеалогические нисходящие линии. Но и в остающихся в памяти линиях, восходящих к основателю клана, тоже иногда исчезают отдельные имена, так что измеряемое поколениями расстояние от основателя клана до настоящего времени остается фактически постоянным. Мы уже говорили при рассмотрении вопроса об исчислении времени у нуэров, что всегда существует расхождение между подлинной генеалогией и той генеалогией, которую считают подлинной нуэры. Это утверждение сделано на основании сравнительного изучения восточноафриканских генеалогий и, частично, изучения генеалогий нуэров. Мы назовем причины, которые в результате изучения генеалогий нуэров привели нас к этому заключению, так как от этого зависит, насколько убедительны наши аргументы.

1) Прошло примерно десять-двенадцать поколений с того времени, как жили предки, основавшие все главные кланы. Нет никаких оснований полагать, что нуэры появились на свет десять-двенадцать поколений назад. 2) Когда нуэра спрашивают,

к какому линиджу он принадлежит, он ссылается на предка — основателя своего минимального линиджа, который отстоит от нынешних дней на три-шесть или четыре-пять ступеней. Это ступени вполне определенные, существует общее согласие по поводу того, кто именно из предков представляет каждую ступень. Это понятно, поскольку пять ступеней представляют человека, его отца, его деда, отца его деда и деда его деда и поскольку человек сообщает детям имена своих непосредственных предшественников. Совершенно очевидно, что после пяти-шести поколений имена предков забываются. Молодые люди часто не знают их, да и старшие тоже нередко путают имена и не могут прийти к согласию. Основателя малого линиджа нужно ставить между основателем минимального линиджа и основателем большого линиджа; основателя большого линиджа следует помещать между основателем малого линиджа и основателем максимального линиджа; а основателя максимального линиджа — между основателем большого линиджа и основателем клана. Имена основателей линиджных ветвей должны находиться где-то на восходящей линии и располагаться в определенном порядке, так как они служат важными точками отсчета. Не имеет значения, будут там другие имена или нет, не существен и их порядок. Некоторые информанты включают такие имена, другие опускают, некоторые упоминают их в одном порядке, другие — в ином. Очевидно также, что, поскольку минимальный линидж состоит из четырех-пяти реальных ступеней, агнатная линия выдвигалась вверх от основателя минимального линиджа к основателю клана, потому что сам основатель минимального линиджа был крайней точкой другого минимального линиджа, который с движением поколений превращался в малый линидж, и т. д. Следовательно, если даже предполагаемый основатель клана был реальным его основателем, между ним и настоящим временем должно быть по крайней мере шестнадцать ступеней, при условии, что минимальные линиджи всегда были того же типа, что и сейчас. 3) Есть еще один метод: в генеалогические древа включают только важных предков, тогда как на малозначительных предков (т. е. таких, которые не передают своего имени группе потомков) не обращают внимания и имена их в конце концов забываются. Не только опускаются отдельные звенья прямой генеалогической нисходящей линии, но и сливаются параллельные линии. Из генеалогий нуэров видно, что потомков одного индивида (или двух братьев) становится много и они занимают господствующее положение, тогда как потомки другого вымирают, а потомки третьего сравнительно немногочисленны и слабы и примыкают через участие в локальной и корпоративной жизни к более сильной и господствующей параллельной линии. Они ассимилируются с этой линией в обычном линиджном порядке и в конце концов сживаются с ней, превращая своего основателя в сына (а не брата) основателя этой линии. Слияние параллельных линий обычно происходит на

один уровень выше, и чем выше уровни, тем более это необходимо и тем чаще происходит. Необходимо это потому, что система линиджей образует один из принципов политической организации.

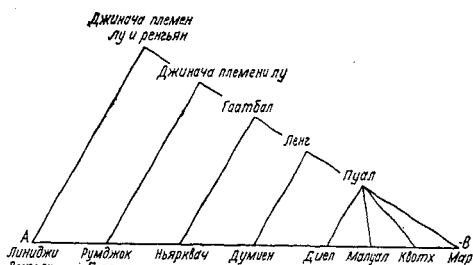

Схема 18. Структурные расстояния между линиджами

Структурная форма кланов остается постоянной, тогда как реальные линиджи в любой момент

их существования находятся в динамике, создают новые ответвления и сливают воедино старые. Поэтому их можно представлять в виде деревьев. Но для социологического анализа их удобнее представлять в категориях структурного расстояния, так как линиджи — это группы живущих агнатов, и расстояние между ними изменяется в соответствии с их относительным положением в клановой структуре. Так, на схеме 18 линия А — В представляет клан Джинача. Агнатное расстояние между минимальным линиджем Мар и другими линиджами того же клана показано как на линии А — В, так и во временной глубине точкой схождения с восходящей линией В — С. Чем шире диапазон агнатных связей, тем дальше в прошлое отступает точка схождения, и таким образом глубина линиджа (вертикальная восходящая линия) всегда пропорциональна его широте (основанию треугольника, представляющему в клановой системе живущие линиджи).

Таким образом, клан нуэров — это система линиджей, в структуре которой отношение каждого линиджа к любому другому линиджу отмечено точкой отсчета на восходящей линии. Расстояние до этой точки мы называем временной глубиной линиджа. Теоретически генеалогические отношения между двумя любыми членами клана могут быть прослежены через эту точку, и нуэры действительно могут проследить их, если только приложат к этому минимум усилий. Однако они не считают нужным знать точные генеалогические отношения между лицами, которые известны им как дальние родственники в силу членства в соответствующих линиджах. Так, члену линиджа Гаатбал достаточно знать, что другой человек — член линиджа Гаалик (пусть он и не знает точно его происхождения), поскольку эти два линиджа находятся в определенных структурных отношениях друг с другом и эти два человека находятся на соответствующем расстоянии друг от друга. Нуэры знают весь диапазон своих генеалогических отношений до определенной точки — обычно до основателей их минимального и малого линиджей. За пределами этой точки они определяют свое родство категориями линиджей. Чтобы не нарушить правила экзогамии и це-

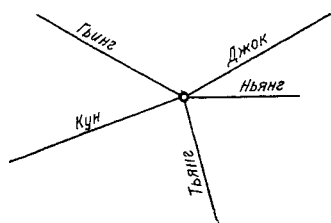

Схема 19. Структурная дифференциация линиджей клана Гаатганкиир

ремониала, нуэру необходимо знать не только к какому клану, но и к какому линиджу принадлежит человек. Отношения между линиджами одного и того же клана не равноправны, так как в структурном отношении линиджи — дифференцированные единицы, которые находятся друг от друга на различных, но точных структурных расстояниях.

Интересно отметить, как сами нуэры представляют себе ли-

ниджную систему. Изображая на земле родственные линиджи, они рисуют их не в виде разветвляющегося дерева, как мы сделали в этой главе, и не как серию возрастающих треугольников, но в виде нескольких линий, отходящих под разными углами от одной точки. Так, один житель западной части земли нуэров называл линиджи Гаатганкиир по именам их основателей и нарисовал схему 19 на земле. Эта фигура и комментарии к ней нуэра дают некоторое представление о том, как представляется нуэрам данная система. Они представляют ее скорее как реальные отношения между группами родичей внутри локальных общин, а не как родословное дерево, ибо лица, по имени которых названы линиджи, не все происходят от одного индивида. Джок, Тьянг и Кун — три сына Кира и основатели максимальных линиджей Гааджок, Гааджак и Гаавонг клана Гаатганкиир. Тьянг и Кун изображены рядом, потому что вместе они представляют собой линиджную основу племени гааджак. Линидж Гьинг не принадлежит к клану Гаатганкиир, но он изображен рядом с Кун, так как отдел ренг, часть которого он составляет, близок к отделу гаавонг. Ньянг изображен короткой линией вблизи от Джок, потому что они живут в племени гааванг вместе с линиджем, происходящим от Джок, а племя гааванг тесно связано с племенем гааджок (хотя линидж, ответвляющийся от Ньянг, принадлежит к группе линиджей, основанных Тьянгом). Нуэры, если не считать некоторых ритуальных ситуаций, определяют кланы и линиджи категориями их локальных отношений. В этом и заключается значение таких групп для нашего исследования.

4. Линиджи нуэров не являются корпоративными локальными общинами, хотя они часто совпадают с территориальными единицами и те члены линиджа, которые живут на ассоциируемой с ним территории, считают себя локальной группой. Таким образом, природа линиджа проявляется через политическую систему. Всякая деревня нуэров связана с тем или иным линиджем, и хотя члены линиджа часто составляют лишь небольшую часть ее населения, община настолько отождествляется с ними,

что мы можем говорить о ней как о скоплении людей вокруг некоего агнатного ядра. Община отождествляется с агнатным ядром путем присвоения ей названия линиджа. Только когда речь идет о правилах экзогамии, о некоторых ритуальных актах и, в очень редких случаях, об ответственности за убийство, линиджи приходится рассматривать как совершенно автономные группы. Обычно же они функционируют в рамках локальных общин любых размеров (от деревни до племени) как неотъемлемая их часть.

Если речь не идет о ритуале, нуэры редко говорят о своем линидже как о чем-то отличающемся от общины и не противопоставляют его другим линиджам, составляющим часть этой общины. Мне приходилось наблюдать, как нуэр, хорошо знавший, что мне нужно, пытался узнать для меня у посторонних лиц название их линиджа. Ему стоило большого труда растолковать человеку, какая от него требуется информация, потому что нуэры, как правило, мыслят категориями локальных общин и отношений между ними и попытки выяснить принадлежность к линиджу вне общинных отношений обычно вели к отсутствию взаимопонимания.

Я должен вновь вернуться к термину *чьенг*, который при изучении нуэров не раз вел к путанице. Когда нуэр хочет определить свое социальное положение, он обычно не говорит, что он член такого-то *ток двиел* (линиджа), но говорит, что он член той или другой локальной общины — *чьенг*. Так, он говорит, что он человек из *чьенг мар*, *чьенг пуал*, *чьенг ленг*, *чьенг гаатбал* и т. п. (см. схему 15). Тем самым он сообщает вам, что он член группы людей, которые живут вместе в деревне, в «округе» или в отделе племени. В обычных ситуациях несущественно, является ли он членом линиджей, по которым локальная община получила свои названия, или нет. Более того, поскольку в обыденном употреблении название линиджа имеет скорее территориальное, а не строго родственное значение, те, кто живет в этой общине совместно с членами линиджа, говорят о себе так, будто бы они тоже члены этого линиджа (так как в политическом отношении они отождествлены с ним). Таким образом, слово *чьенг* часто носит двойственный характер, и в результате бывает трудно без тщательного исследования определить, к какому линиджу принадлежит человек.

Чьенг в значении «усадыба» носит название по имени владеющего ею человека: например, усадыба Райнена — *чьенг Райнен*. Когда Райнен умирает, то его сыновья, младшие братья и племянники живут в его доме и могут назвать усадыбу по его имени, тогда будут говорить, что все они члены *чьенг Райнен*. Если Райнен был влиятельным человеком, породившим множество потомков, то вся деревня, в которой живут его агнатные наследники и чужаки, породнившиеся с ними через браки и другие узы, тоже может именоваться *чьенг Райнен*. С течением времени его потомки размножатся и составят ядро отдела

племени, который назовут *чьенг* Райнен. Так и случилось, что многие отделы племен названы по определенным лицам: *чьенг* Миньял, *чьенг* Думьяе, *чьенг* Вангкач и т. д. Так линидж отождествляется с занимаемой им территорией. Например, «округ», занимаемый большим линиджем Вангкач, известен как *чьенг* Вангкач. Поэтому нуэры говорят о локальной общине и составляющем ее политическое ядро линидже как о взаимозаменяемых понятиях. Нуэр даже может сказать *чьенг* Вангкач, когда он имеет в виду линидж Вангкач. Эта привычка сбивает с толку европейца, поскольку состав линиджа Вангкач и отдела вангкач различны.

Если вы спросите человека из племени лу, каков его *чьенг*, то вы спрашиваете, где он живет — в какой деревне или в каком округе. Предположим, он ответит, что его *чьенг* — это *чьенг* пуал. Тогда вы можете спросить его, частью чего является его *чьенг*, и он скажет, что он часть *чьенг* ленг, дав тем самым название третичного отдела племени. Если вы будете и дальше расспрашивать его, он объяснит, что *чьенг* ленг — это часть *чьенг* гаатбал, вторичного отдела племени, и что *чьенг* гаатбал — это подотдел первичного отдела гун племени лу. Но он вам ничего не сказал о своей клановой принадлежности. Он может быть, а может и не быть членом линиджа Пуал, который является частью линиджа Ленг, составляющего часть линиджа Гаатбал. Последний образует часть клана Джинача, или Гаатганнача (людей нач или детей детей Нача). Точно так же, если человек из джикани скажет вам, что он принадлежит к *чьенг* квит, т. е. входит в племя гааджок, из этого не следует, что он произошел от Кве (Квит), который произошел от Джока, основателя линиджа Гааджок клана Гаатганкиир (детей детей Кира). Он, может быть, просто имеет в виду, что живет в отделе племени, занимаемом линиджем Квит этого клана. Но такие люди не скажут вам, что они не принадлежат к членам господствующих линиджей в этих отделах, и позволят вам предполагать, что и они — члены этих линиджей. Дело в том, что людям не нравится, когда публично подчеркивают, что они чужаки в районе проживания данного племени, особенно если они происходят от динка.

Переплетение общинных связей с линиджной структурой, выражение территориальной принадлежности через принадлежность линиджную, и наоборот, — все это делает систему линиджей крайне важной для изучения политической организации.

5. Делая особый упор на отношения между линиджами и локальными общинами, мы говорим главным образом о тех линиджах, которые являются сегментами господствующих кланов в различных племенах. Именно они имеют наибольшее политическое значение. В последующих разделах мы поговорим о них подробнее. Здесь мы даем предварительное описание того,

ПЛЕМЯ ЛУ

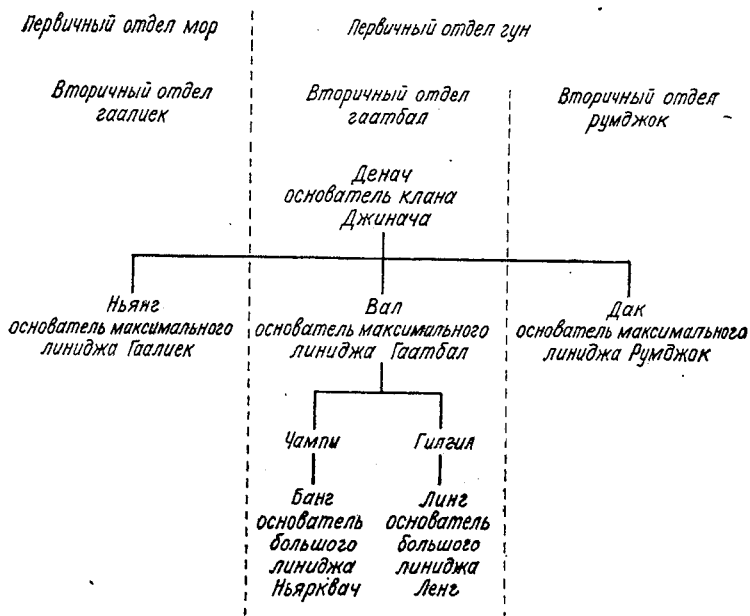

Схема 20. Главные линиджи господствующих кланов племени лу

как они ассоциируются с сегментами племени и как они действуют в этих сегментах в качестве основы политической структуры.

Схемы 20 и 21 показывают главные линиджи господствующих кланов у племен лу и восточных джикани и более крупные отделы племен, в которых они являются господствующими. Родословные линии прослеживаются только в той степени, в какой это необходимо, чтобы проиллюстрировать наши аргументы. Их можно сравнить с генеалогическими древами двух кланов и с картами 3 и 4, которые показывают территориальное расселение отделов этих двух племен.

Как видно, в племени лу потомки Ньянга, сына Денача, составляют ядро вторичного отдела гаалиек; потомки Бала, другого его сына, составляют ядро вторичного отдела гаатбал; потомки же Дака, его третьего сына, составляют ядро вторичного отдела румджок. Отделы джимач и джааджоа, которые отмечены на карте, но не указаны в генеалогическом древе, имеют клановые ядра чужеземного происхождения. Надо ясно понять, что, когда отдел племени называется по линиджу, это не значит, что все члены линиджа живут в этом отделе (хотя большинство их, вероятно, и живет там). Это, конечно, не значит также, что там живут только члены этого линиджа, ибо,

ПЛЕМЕНА ДЖИКАНИ.

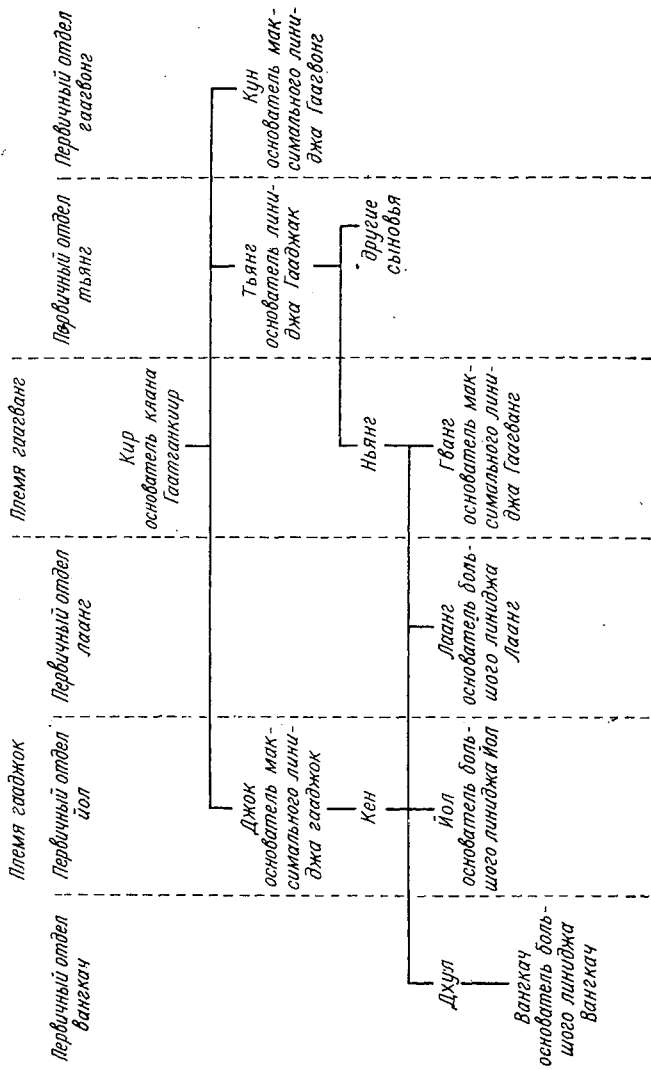

Схема 21. Главные линджи господствующих кланов племен джикани

как показывают исследования, они составляют лишь незначительное меньшинство всего населения отдела. На его территории находятся также крупные линиджи чужаков, которые получают названия по имени одного из сыновей Денача, например линидж Тьянг в первичном отделе гаатбал. Есть там и бесчисленные мелкие линиджи нуэров-чужаков и динка, скучившиеся вокруг линиджей, происходящих от Гаатнача. Так, если вы посетите деревни и лагеря для скота, названные по линиджам, ответвившимся от максимального линиджа Гаалиек, например линиджам Джааньен и Куок, вы увидите, что в них живет сравнительно небольшое число людей из этих линиджей, тогда как большинство их жителей происходит из других кланов нуэров и динка. Так, в лагере для скота в Муот-дит в 1930 г. находились не только различные минимальные линиджи ветви Руэ максимального линиджа Румджок клана Гаатнача, «владельцев» лагерного участка, но и линидж Каанг из района ланг, линидж Кан из района бул, линидж Конг из района ланг, все сегменты кланов, господствующих к западу от Нила, и многие линиджи динка. Точно так же в деревне Паркур в районе лик в 1930 г. жили линидж Ньяпир господствующего клана Гаатбал, линидж Чуор народа динка, который имеет тесные связи с кланом Джикул, линидж Генг из района беиг, линидж Руал из района бул, линидж Квачукуна клана Джимем и другие линиджи.

Потомки Джока¹⁸ — Кира составляют аристократическое ядро племени гааджок; потомки Тьянга¹⁹ — Кира и Куна — Кира — аристократическое ядро племени гааджак; потомки Гванга — Джока и Ньянга — Тьянга вместе составляют аристократическое ядро племени гагванг. На карте 4 названия этих линиджей фигурируют как отделы племен, так как они дали свои названия районам, где они господствуют. Так, названия трех больших линиджей, происшедших от Джока, — Лаанг, Йол и Вангкач фигурируют на карте как лаанг, йол и вангкач. Линиджи чужаков недостаточно велики, чтобы давать свои названия большим подразделениям племен, хотя по ним и называют мелкие отделы и деревни²⁰. Но и в этом случае не следует предполагать, что потомки Джока составляют нечто большее, чем фрагмент племени гааджок. Точно так же в состав племени гагванг входит много чуждых элементов, которые, вероятно, численно намного превосходят потомков Ньянга — Тьянга и Гванга — Джока. То же относится и к племени гааджак. Линидж Гагвонг так тесно связан в жизни племени с линиджем Гааджак, что вместе они составляют двойное ядро племени гааджак. Все вторичные отделы лони, канг и тар (показанные на карте) названы по линиджам, ответвившимся от Тьянга — Кира. Точно так же вторичные отделы ньяйи, чани и вау названы по линиджам, ответвившимся от Куна — Кира. Таким образом, только один отдел, показанный на карте 4 и не показанный на схеме 21, а именно первичный отдел ренг,

имеет клановое ядро подотделов конг и дхиллик иного происхождения, чем в других отделах.

Во всех этих племенах и отделах племен происходит смешение линиджей в общинах. То же происходит и в долине р. Эз-Зераф и, может быть, в большей степени — в западной части края нуэров. Нуэры говорят, что рассеивание линиджей происходило главным образом из-за традиционной вражды и ссор, и приводят в доказательство много примеров. Так, потомки Ньянга — Тьянга оставили прочих сыновей Тьянга и присоединились к людям, с которыми они составили племя гагванг, а линидж Ньяруни оставил своих родичей из первичного отдела тьянг и присоединился к первичному отделу ренг племени гааджак. После столкновений целая община под предводительством ее господствующего линиджа могла, таким образом, перейти к другому отделу или племени и поселиться с ними. К дальнейшему рассеиванию вели миграции: в то время как некоторые линиджи оставались на родине к западу от Нила, другие переходили Нил и Эз-Зераф и оседали к востоку от этих рек. Нуэры говорят, что сначала после набегов на динка воины обычно возвращались домой к своим родичам. Затем они стали селиться на востоке, но поддерживали тесные контакты с людьми из своих линиджей на западе. Однако по мере того как они удалялись все дальше, контакты ослабевали и, наконец, в большинстве случаев прекратились. Когда линиджи мигрировали, они уже, очевидно, представляли собой ядра неоднородных образований, а не исключительно группы агнатов. Но по мере продвижения дальнейшее смешение разнородных элементов шло все быстрее.

Еще два фактора помимо миграций, конфликтов и брачных связей способствовали, вероятно, рассеиванию линиджей. Нуэры — народ в основном пастушеский, их не привязывают к какому-либо одному месту хозяйственные потребности или ритуальные узы. Где его скот, там и дом нуэра. Следящие за его благополучием духи предков так же мало привязаны к земле, как и сам нуэр, и присутствуют везде, где находятся стада. Животные, посвященные духам, это его передвижные алтари. У нуэров нет и организованного культа духов предков. Умерших быстро и как попало хоронят в могилах, которые никто не вспоминает и не посещает. Только в редких случаях им приносятся жертвы, но нет никаких связанных с ними святынь.

Нуэры всегда свободно передвигались где хотели, а если у человека случалось несчастье, заболела семья, погибал скот, истощались поля, портились отношения с соседями или просто ему не сиделось на месте, он переходил в другую часть края и поселялся у своих родичей. Мужчина редко уходит один, так как братья представляют корпоративную группу и, особенно если они сыновья одной матери, стараются держаться вместе. Часто в результате ссоры группа братьев покидает деревню и селится в другом месте. Как говорят нуэры, они

обычно идут в дом замужней сестры, где их наверняка хорошо примут. Здесь их уважают как *джицхенгу* (родню по жене), их детей принимают как *гаат нэр* (детей брата матери), а люди, к которым они присоединяются, становятся для них *чьенг чоньмар* (людьми мужа сестры), *гаат ньял* (детьми женского агната) и *гаат вача* (детьми сестры отца). Таким образом, человек, меняющий место жительства, становится членом другой общины и вступает в близкие отношения с господствующим линиджем этой общины. Когда мужчина из линиджа Гаатиек сказал мне: «Теперь, поселившись в *чьенг* квот, я стал человеком *чьенга* квот», он имел в виду, что если не считать особых ситуаций, связанных с ритуалом, он прочнее отождествил себя с линиджем Квот, чем со своим собственным линиджем.

Даже каждый отдельный человек — это потенциальный линидж, а несколько братьев — тем более. Появляется минимальный, а затем и малый линидж, сохраняющий исключительно ритуальные связи с другими линиджами своего клана, тогда как с людьми, в чьей деревне и округе выросли его члены, у них общие интересы и жизненный опыт. Так группа превращается в особый линидж. Его члены вступают в брачные отношения с жителями общины. Они вступают в брачные связи с членами господствующего линиджа округа настолько часто, что дальнейшие браки между ними становятся невозможными без нарушения запрета инцеста. Таким путем линиджи переплетаются друг с другом, и сеть когнатных родственных отношений объединяет всех членов общины. Лишь немногие из подобных линиджей выживают как линиджи. Многие из них или погибают, или теряют большую часть своей самостоятельности, присоединяясь к более крупным и сильным.

Тем не менее линидж нуэров никогда полностью не вливается в другой клан. Всегда есть определенные ритуальные обязательства, которые нельзя выполнять совместно. Если брачные связи создают общинные узы между двумя линиджами, то они же и разделяют их, поскольку человек может вступать в брак только с тем, кто не входит в его агнатную группу. Если же брачные связи между двумя линиджами так часты, что когнатные отношения становятся препятствием для дальнейших браков, то член каждого из них может вступать в брак с членами параллельных линиджей другого клана и с детьми их дочерей. Если мифологические узы и укрепляют союз между линиджами, то в то же время они свидетельствуют об их различных родословных линиях, благодаря чему становится понятным, как могут жить в таких тесных отношениях люди различного происхождения. Таким образом, как бы далеко ни был линидж удален от родины, как бы он ни был отделен от своих родичей, он никогда полностью не ассимилируется и не теряет своего ритуального наследия. Линидж может слиться только с параллельным линиджем того же клана.

Но, хотя линиджи сохраняют свою автономию, линидж как

идеологическая ценность проявляется только в ограниченной ритуальной сфере, поэтому лишь от случая к случаю определяет поведение индивида. Постоянно же оно определяется общинными ценностями, которые проявляются в ином комплексе социальных ситуаций, чем линиджные. Если линиджные ценности определяют ритуальные отношения между группами агнатов, то общинные определяют политические отношения между группами людей, живущих в отдельных деревнях, отделах племен и племенах. Эти два вида ценностей определяют совершенно различные сферы социальной жизни.

Как мы объясним в последующих разделах, только тесная связь между племенем и его господствующим кланом и линиджами, которые так или иначе связаны с господствующим кланом, придает особое политическое значение агнатному принципу в линиджной структуре, ибо эти линиджи функционируют как ценности в политической системе, что придает им характер корпорации.

6. Несмотря на такое сильное рассеивание и смешение кланов, в каждом племени существуют вполне определенные отношения между его политической структурой и клановой системой. В каждом племени один клан или максимальный линидж клана связан с политической группой, в которой он занимает господствующее положение среди проживающих в нем других агнатных групп. Более того, каждый из его сегментов имеет тенденцию к объединению с каким-либо сегментом племени, в результате чего части клана и части племени нередко отождествляются. Так, если мы сравним схемы 13 и 14 и предположим, что клан А является господствующим кланом в племени В, то максимальные линиджи В и С будут соответствовать первичным отделам Х и У, большие линиджи D и E — вторичным отделам X_1 и X_2 , большие линиджи F и G — вторичным отделам Y_1 и Y_2 , а малые линиджи J и K — третичным отделам Z_1 и Z_2 . Минимальные линиджи ассоциируются с деревнями, которые составляют третичные отделы. Именно поэтому мы говорили о том, что господствующий клан представляет собой оств, вокруг которого с помощью сложной серии родственных связей строится политическая система племени.

Джинача из племени лу первоначально жили со своими родичами Джинача из района ренгьян к западу от Нила, но откололись от них и, перейдя через Нил, завоевали нынешнюю территорию лу. Здесь они были первыми обитателями или по крайней мере самыми сильными из первых обитателей. Вероятно, люди из Джинача часто переправлялись через Нил, присоединялись к родичам на востоке от реки и смешивались с ними. Такие люди сразу становились членами господствующего клана и именовались *диел* — членами аристократической группы линиджей. Но члены других кланов, которые поселились на

территории лу во время и после ее завоевания, рассматривались как чужаки (*рул*). Точно так же те линиджи клана Гаатганкир, которые перешли через Нил и поселились к северу от р. Собат, занимали здесь привилегированное положение среди других присоединившихся к ним нуэров.

Таким образом, у каждого племени нуэров есть свой *диел*, т. е. «старший» клан, хотя нам не совсем ясно, какие именно это кланы. У гаавар это Гаавар, у тьянг — это Тьянг, у лик — Гаатбол, у вот и, вероятно, у рор — это Джидиет, у бег — Джикой и т. д. В тех случаях, когда неизвестно точное название клана, можно именовать эти господствующие элементы аристократами (*диел*) или «быками» (*тут*) такого-то племени, как это часто делают сами нуэры (например, *дил* или *тут бура* — аристократ племени бор, *дил* или *тут вотки* — аристократ племени вот, *дил* или *тут бика* — аристократ племени беиг, *дил* или *тут лака* — аристократ племени лак и т. п.). Аристократический клан или линидж можно также обозначать его собственным названием или называя племя, в котором он занимает привилегированное положение. Например: Гаатнача (дети Нача), или *диел лука*, — аристократы племени лу, Гаатбол (дети Була), или *диел лигни*, — аристократы племени лик.

В отношении этих аристократических кланов надо помнить четыре важных пункта:

1) не все кланы занимают привилегированное положение в племени. Некоторые кланы, например Джимем и Джакар, не имеют *веч*, т. е. у них нет локальной общины, как считают нуэры. Другие имеют участки, застроенные деревнями, на которых они долгое время проживали и которые получили от них названия, но не являются *диел* в племени, на территории которого расположены эти участки. Многие линиджи представляют собой как бы ветви, отрезанные от ствола. Правда, их можно сразу же определить как линиджи динка, происшедшие от мигрантов, потомки которых иногда знают, что они родом с территории динка, но не знают своего положения в их системе линиджей. В результате они не способны проследить свое происхождение на столько поколений, на сколько прослеживают настоящие нуэры, и их линиджи имеют меньшие по охвату территории. Они представляют небольшие локальные очаги в каком-либо племени, тогда как кланы нуэров разбросаны по многим племенам;

2) не все члены клана нуэров живут в племени, где у клана привилегированный статус, так как большинство кланов разбросано по всем частям края. Большинство Джинача живет на территориях племен лу и ренгьян, где они являются *диел*, но многие живут и в племенах восточных джикани, и в других местах. Точно так же Гаавар большей частью живут на территории гаавар, но их можно найти в большинстве племен нуэров. Племена — это территориальные группы, социальные связи которых распространяются на определенную цельную тер-

риторию, тогда как кланы — это группы родичей, рассеянных повсюду. Следовательно, племя — это община, имеющая свойства корпорации, а клан никогда не представляет собой общину и никогда не действует корпоративно. Племя лу объединяется для войны, а клан Джинача никогда не объединяется. Человек может поселиться на территории другого племени, но он никогда не может изменить своей принадлежности к определенному клану. Член из племени лу, переходящий на жительство в край гаавар, становится членом племени гаавар. Джинача остается *нач*, где бы он ни жил;

3) клан, как мы уже отмечали, в количественном отношении не преобладает в том племени, где он является господствующим. Например, Джинача — это только небольшое меньшинство в племени лу, а линидж Гааджок — только небольшое меньшинство в племени гааджок;

4) человек является *диел*, т. е. аристократом, только в одном племени — в том, где его клан имеет привилегированный статус. Так, *диел лигни*, аристократ племени лик, является аристократом только в этом племени и больше нигде. Если он уходит в край бул или в один из районов джикани, он больше уже не *диел*, а *рул* — «чужак». Точно так же член Джинача является *диел* в краю лу, но если он перейдет (как это делают многие члены его клана) на жительство в край гааджок, там он будет не *диел*, а *рул*. Статус *диел* зависит от жительства на земле, которой владеет соответствующий клан. Единственным исключением из этого правила являются случаи, когда клан господствует в двух или нескольких племенах, например Джинача — в племенах лу и ренгьян и Гаатганкиир — в районах джикани к западу и востоку от р. Бахр-эль-Джебель. Если член клана Джинача переходит из племени ренгьян в лу, он все же остается *диел*, потому что оба района принадлежат его клану. Точно так же член линиджа Гааджок из Гаатганкиир может перейти из племени гааджок в районы гааванг или гааджак по обе стороны Нила, но он останется *диел*, так как различные линиджи его клана являются господствующими во всех этих племенах.

Как и большинство слов, обозначающих социальный статус, нуэры употребляют слово *диел* в разных контекстах и в различном значении. В этой книге мы употребляем его в том значении, которое придали ему в предшествующих абзацах. Однако вполне допустимо употребление его в значении «подлинный член любого линиджа, независимо от того, является ли он господствующим в племени или нет». Так, линидж Джуак племени лик происходит от динка и не является *диел лигни*, но человек, живущий на одной территории с этим линиджем, может быть или *диел Джуака*, т. е. подлинным членом линиджа Джуак, или человеком, по той или иной причине присоединившимся к линиджу. Точно так же человек может быть *диел джимем*, хотя нет племени, в котором Джимем имел бы статус *диел*,

потому что этот человек — подлинный член клана, а не присоединившийся к нему динка. Член Джинача, покинувший лу и поселившийся среди гааджок, остается *гат дила лука* (аристократом лу); он и сам называет себя так, имея в виду, что когда он находится в краю лу, то является аристократом.

Слова *тут* или *гат твот* («сын быка») употребляются в том же значении, что *диел* и *гат дила*. Подобно сказанному выше человек может быть *тут* своего линиджа (в противоположность чужакам и динка, которые живут в округе линиджа), но он не обязательно будет *тут* того племени, часть которого занимает данный округ. Так, человек может быть *тут* вторичного отдела джааджоа племени лу, не будучи *тут лука*, потому что аристократический клан всего края лу — это Джинача, а Джааджоа — не члены этого клана. Другими словами, человек может называть себя *тут джааджоа*, чтобы подчеркнуть, что он Джааджоа, а не просто джааджоа, но, говоря так, он не имеет в виду, что он *тут лука*. В более широком смысле слово *тут*, как мы отмечали, означает просто «отец семейства» или даже «мужчина». Как переводить этот термин, надо судить по контексту. В этой книге мы употребляем слова *тут* и *гат твот* в том значении, которое упоминалось ранее, — «старейшина», а слово *диел* употребляем в значении «аристократ племени».

Трудно найти слово, которое точно охарактеризовало бы социальное положение *диел* в племени. Мы назвали их аристократами, но не хотим создавать впечатление, будто нуэры рассматривают их как людей высшего ранга, так как — и мы это не раз подчеркивали — сама идея, что кто-то стоит над ними, отвратительна нуэрам. В целом *диел* пользуются престижем, но не относятся к какому-либо высшему рангу, они имеют влияние, но не власть. Если вы *диел* племени, в котором живете, вы не простой член племени. Вы один из владельцев края, участков под деревнями, пастбищ этого края, его водоемов с рыбой и колодцев. Остальные люди живут здесь в силу того, что они путем брака вошли в ваш клан, или потому, что были adoptированы вашим линиджем, или благодаря каким-либо другим социальным связям. Вы лидер племени и название копыа вашего клана произносится как боевой клич, когда племя идет на войну. В любой деревне, где есть *диел*, вся деревня концентрируется вокруг него, как стадо коров вокруг быка.

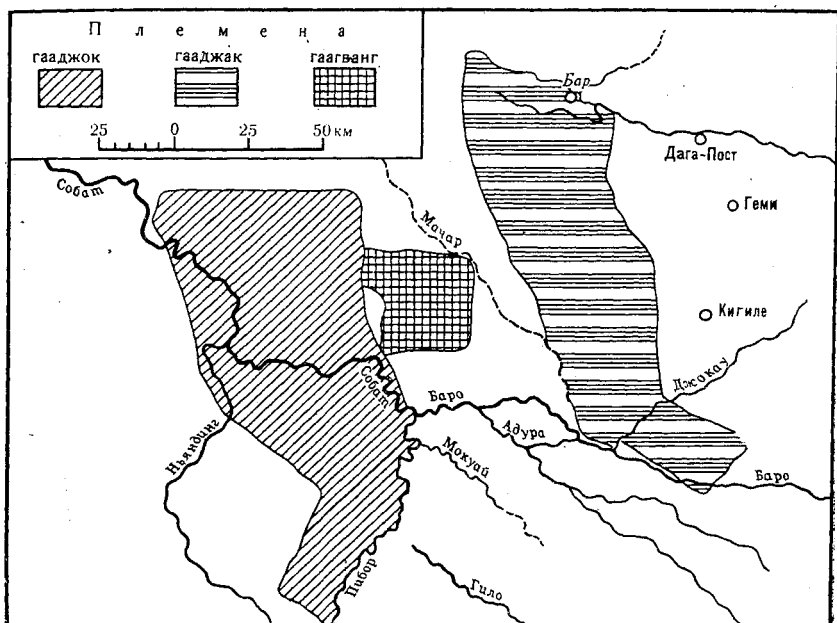
Я описал положение *диел* так, как я понял из своих наблюдений во время пребывания в племени лу. У меня создалось впечатление, что к западу от Нила их статус выражен не очень ярко, тогда как у племен восточных джикани, на периферии территории нуэров, он имеет большее значение. В районе карлуал племени лик (единственного района западной части края, который я знаю лучше других) признается престиж аристократа-*диел*, но здесь существуют кланы чужаков, которые так давно обосновались в округах и деревнях, что *диел* не имеет больше правовых привилегий. Даже с первого взгляда я заметил,

что в этих районах положение повсюду одинаково, может быть, за исключением района джикани, где статус *диел* более высок. У восточных джикани вообще сильна тенденция к социальной дифференциации и к привилегиям. В более крупных племенах категория *диел* более четко выражена, чем в мелких племенах, и когда мы рассмотрим ее структурные функции, станет понятным, почему это происходит.

В нуэрской деревне или лагере для скота обычно бывает немного семейств *диел*. Большинство жителей — это *рул*, т. е. нуэры других кланов, или *джаанг* — люди, происходящие от динка и не адоптированные нуэрскими линиджами. *Рул* — это нуэр, который не является *диел* в одном племени, но может быть *диел* в другом племени. Я уже описывал, как линиджи ответвляются от своих локализованных родственных групп, странствуют, присоединяются к другим кланам и становятся членами новой общины. Этот процесс хорошо описал мне член племени док. Члены линиджа порождают детей, их становится много, и они расселяются по всему краю. Затем их тесные родственные отношения прерываются и они селятся среди других кланов, имеющих с ними дальние родственные связи. Тут они живут как друзья, постепенно устанавливая путем брачных связей новые когнатные отношения. Поэтому линиджи так и перемешаны во всех локальных общинах.

Нуэры говорят также, что *диел* никогда не живет в социальной среде, полностью состоящей из таких же аристократов, как он сам, потому что линиджи *диел* раскалываются и их сегменты стремятся к автономии, превращаясь в ядра новых социальных скоплений, в которых они являются аристократическим элементом. Таким образом, линиджи *диел* раскалывались не только из-за внутренних раздоров, но и потому, что некая сильная личность стремится основать свое собственное поселение, где она будет важным лицом, а не младшим братом в группе влиятельных старших родичей. Мне говорили, что этот процесс, с помощью которого любой человек, особенно *диел*, мог превратиться в локального лидера, стал частью социальной системы нуэров. Именно поэтому они и возражают против назначения правительством постоянных локальных «вождей», положение которых полностью формализовано и становится наследственным. В их глазах это слишком жесткое утверждение статуса, основанного скорее на территориальном принципе, а не на личных достоинствах и увековечивающего превосходство одного человека или линиджа. Каждый более или менее влиятельный человек считает, что он должен быть «вождем». Чтобы завоевать влияние среди земляков в деревне, человек не обязательно должен быть аристократом. Он может быть *тут* любого не господствующего линиджа своего племени, и благодаря своим выдающимся достоинствам он, а значит, и его родичи могут стать социальными лидерами в общине.

Таким образом, в каждом племени существует некоторая

Карта 6. Племена восточных джикани

дифференциация статусов, но такие дифференцированные группы людей не представляют собой классов; «чужаков» же и динка следует рассматривать как категории, а не группы. Их отношение к аристократам в племенной системе и способы интеграции различных элементов в общины мы рассмотрим в последующих разделах.

7. Дифференциация между аристократами и нуэрами-чужаками имеет значение только при определении размера виры за кровь, уплачиваемой скотом, да и то лишь среди племен джикани, особенно восточных джикани. У последних за убийство *диел* (аристократа) его родичам должно было быть выплачено большее число голов скота, чем родичам убитого *рул* (чужака) или *джаанг* (динка). Трудно установить, в какой мере могла осуществляться на практике эта привилегия, или хотя бы выяснить, каковы были примерные размеры компенсации. Нет сомнения, что при решении вопроса о том, кого можно приравнять к *диел* в ситуации, связанной с убийством, и какое количество голов скота следует уплатить за убийство, проявлялись осторожность и гибкость. Несколько информантов рассказывали, что во времена до установления правительственного контроля при определении размера компенсации за убийство на-

стоящий нуэр, которого в племенах джикани именуют *гат гика*, приравнялся к *диел* джикани. Мне приводили такие цифры компенсации за убийство: за аристократа джикани — 40 голов; нуэра-чужака — 40; динка, адаптированного линиджем аристократов джикани, — 20; динка, адаптированного линиджем нуэров-чужаков, — 20; неадаптированного динка — 6 голов. В недавние времена размеры компенсации, как правило, считались такими: за аристократа джикани — 20 голов, нуэра-чужака — 17; динка, поселившегося в стране на постоянное жительство, — 16; динка, недавно поселившегося, — 10 голов.

Я пробыв среди восточных джикани недостаточно долго, чтобы полностью изучить этот вопрос, но у меня создалось впечатление, что второй список был несколько искажен под влиянием правительственных решений о размерах компенсации, хотя информанты и настаивали, что он соответствует старинным установлениям. Аристократы заверяли меня, что в прошлом за убийство аристократа давали всегда больше скота, чем за убийство нуэра-чужака. Члены кланов нуэров (кроме Гаатганкиир), поселившихся среди племен джикани (см. карту 6), со своей стороны, заверяли меня, что компенсация была в обоих случаях одинаковая. Нет сомнения, что и те и другие надеялись своими заявлениями содействовать изменению правительственных решений. В целом я считаю, что среди восточных джикани компенсация за убийство аристократа и нуэра-чужака была, вероятно, различна, но при установлении ее размеров допускались колебания — в зависимости от особых в каждом случае обстоятельств: длительности пребывания убитого в данном краю, брачных союзов между его семьей и аристократическими линиджами, влияния его линиджа и локальной общины, от того, был ли он убит членом его деревни или человеком из другой деревни и т. п. По-видимому, то же происходило и в племенах западных джикани, где мне говорили, что обычно за убийство аристократа платили компенсацию в 40—50 голов скота, за нуэра-чужака или динка, поселившегося в этом краю, — 30 и за динка, живущего в этом краю, но еще не имеющего усадьбы, — 20 голов. Практика, существующая у джикани, не типична для страны нуэров в целом.

Тем не менее повсюду в стране нуэров при установлении размера компенсации скотом за убийство делалось различие между нуэром и динка, хотя в отдельных племенах к вопросу о том, кого в этих обстоятельствах считать динка, подходили не одинаково. Так, у лу за аристократа и чужака платили одно и то же количество — 40 голов скота. Считалось, что динка, родившийся в краю лу, становился нуэром (*чаа нат*) и членом общины, в которой он жил (*чаа ран веч*), и поэтому его жизнь тоже оценивалась в 40 голов. С другой стороны, динка, взятый в плен во время войны и приведенный в край лу, оценивался в 16 голов, а динка, лишь посещавший родственников или свойственников в краю лу, оценивался в 6 голов скота. Мне гово-

рили, что адоптированный динка занимал в этих ситуациях положение ниже, чем его дети, которые считались настоящими нуэрами. В племенах джагәи нуэры-чужаки и динка, являвшиеся постоянными членами общины, оценивались в 40 голов скота, как и аристократы, тогда как нуэр-чужак или динка, который еще не построил крытого загона, оценивался только в 10 голов.

Упоминание о крытом загоне важно потому, что, если человек начинал строить в деревне усадьбу, это означало его явное намерение здесь остаться; в таком случае община выигрывала, так как увеличивалось ее стадо. Такого человека приравнивали к аристократу во всех районах страны нуэров, кроме территории племен джикани, где, как мне говорили, у динка навсегда остается низший статус, который передается и его потомкам. Приравнивание постоянного члена общины к аристократу подтверждает общую тенденцию нуэров подчинять происхождение интересам общины, тенденцию, которую мы будем постоянно подчеркивать.

Мы снова обращаем внимание на то упомянутое в разделе о правопорядке обстоятельство, что степень ответственности за правонарушение, шансы на то, что будет предложена компенсация, и размеры выплачиваемой компенсации зависят от отношений замешанных в конфликте лиц (в рамках социальной структуры). Так, если человек убьет неадоптированного динка из своего домохозяйства (не родившегося в стране нуэров), возмещение не выплачивается, но это же домохозяйство будет защищать своего динка от посторонних и мстить, если те убьют его. Дол, сам происхождением динка, говорил мне: «Если ты обругаешь динка из твоего домохозяйства, то ничего особенно не случится. Если он рассердится, ты скажешь, что убьешь его, и за это тебе-де ничего не будет. Ты просто вытрешь копье о землю и повесишь его. Но если кто-нибудь другой обругает динка из твоего домохозяйства, то ты будешь драться, так как динка — твой брат. Ты спросишь этого человека: это мой динка или твой динка?»

Таким образом, положение динка в его собственном домашнем кругу отличается от его положения по отношению к членам более широкой общности. Для большой семьи он только *джаанг*, и она его считает «своим человеком». Для людей, находящихся вне большой семьи, он член этой большой семьи (*гол*), а какой он в ней занимает статус, их не касается. Мне говорили, что если посторонний человек назовет такого динка *джаанг*, то сыновья человека, взявшего его в плен, сочтут это оскорблением и могут начать драку, чтобы смыть оскорбление, так как для них по отношению к посторонним он — *демар* («мой брат»). Они спрашивают: «Кто *джаанг*? Это твой отец или наш отец взял его в плен?» Признание динка, рожденных в стране нуэров, полноправными членами домохозяйств, поселков и деревень еще более узаконено.

Таким образом, статус динка является относительным, и человека можно считать в одних ситуациях принадлежащим к этой категории, а в других — нет. Так обстоит дело в социальной жизни в целом, потому что, как правило, никто не делает различия между человеком, происходящим от динка, и нуэром по происхождению. Однако мы считаем, что такое различие делалось в делах об убийстве, поскольку в этом случае социальная ситуация связана со структурными отношениями убийцы и его родичей с умершим и другими людьми, замешанными в конфликте. По нашему мнению, неопределенность и противоречивость утверждений нуэров о размерах компенсации скотом за убийство объясняются именно относительностью статуса, ибо он всегда отражает структурное расстояние между данными лицами, а поэтому его и невозможно жестко определить.

Точно так же весьма гибкое понятие представляет собой и *рул*. Если человек из племени лик идет в край племени гааджак, чтобы похитить скот, и будет там убит, за его убийство не платится компенсация. Человека из племени лик, проходящего по территории гааджак и не собирающегося приносить какой-либо ущерб хозяевам этого края, не убьют без всякого к тому повода. Если человек навещал родичей или свойственников и был убит в ссоре, его хозяева считают своим долгом отомстить за него, хотя такое обязательство не всегда находят нужным выполнять. Но человек из племени лик, основавший домохозяйство в краю гааджак и взявший жену в деревне, где он поселился, становится членом этой общины. Если житель этой деревни убьет его, то его все же будут рассматривать как *рул*, а за его смерть положено уплатить меньшим числом голов скота, чем за смерть аристократа. Но если его убьет житель другой деревни, то его община едва ли согласится с таким определением его статуса, потому что в отношениях с другими политическими сегментами между членами общины не делается различия на основании происхождения. В политических отношениях господствующими и определяющими поведение всегда являются общинные узы.

8. Мы видели, что внутри племени есть три категории людей: *диел*, *рул* и *джаанг*. *Диел* — это аристократический клан, но в численном отношении в племени его подавляют нуэры-чужаки и динка, хотя именно он создает ту линиджную структуру, на которой строится организация племени. Все дело заключается в том, как чужаки и динка связаны с господствующим кланом, который — через отношения к нему других членов племени — становится оством политической системы. Поскольку нуэры рассматривают все социальные связи в категориях родства, ясно, что дать такой результат могло только признание взаимных родственных связей. Этого признания достигают различными путями. Мы начнем с рассмотрения адаптации. Нуэр

не может быть адоптирован никаким линиджем, кроме того, в котором он родился, так что этот обычай касается только динка.

Мы уже говорили о том, как нуэры презирают динка и непрерывно совершают на них набеги, но они ничем не отличают тех динка, которые стали постоянными членами их общин. Мы также видели, что люди, происходящие от динка, вероятно, составляют по меньшей мере половину населения большинства племен. Эти динка или дети пленных и мигрантов, которые выросли как нуэры, или же сами пленные и мигранты, навсегда поселившиеся среди нуэров. Их именуют *джаанг-нат* («динка-нуэр») и о них говорят: *чаа нат* («они стали нуэрами»). Мы уже объясняли, что, как только признано их членство в общине, в большинстве районов страны нуэров они получают тот же правовой статус, что и нуэры. На их происхождение обращают внимание только в вопросах ритуалов и правилах экзогамии. В структурных отношениях политического типа они представляют собой недифференцированных членов сегмента. Хотя в семейных и родственных отношениях позиция динка не столь прочна, как нуэра, так как у него нет такого же диапазона родственных связей, я никогда не наблюдал, чтобы динка чувствовали себя бесправными, а тем более приниженными. В ответ на мой вопрос, не приходится ли пленному динка работать в краале больше, чем сыну семьи, мне сказали, что динка — это сын и что он пользуется теми же привилегиями, что и другие сыновья, получая при инициации от отца быка, а позднее и скот в качестве выкупа за невесту. Единственные чужеземцы, которые испытывают по отношению к себе серьезную социальную дискриминацию, это небольшие группы динка и ануаков, которые были покорены, но не влились в общество нуэров.

Такие группы, как динка-балак и ануаки с р. Собат, не пользуются ни привилегиями нуэрского «гражданства», ни свободой чужеземцев. Эти группы не входят ни в одно племя нуэров.

Пленных мальчиков динка почти всегда включают в линидж пленивших их нуэров; в линиджной структуре и в семейных отношениях они рассматриваются как сыновья. Когда дочери этого линиджа вступают в брак, они получают скот в качестве выкупа. Мальчика динка воспитывают как ребенка домохозяйства пленившего его человека. Он уже включен в линидж и в большую семью в силу того, что его приняли как члена этих групп другие их члены и посторонние. Нуэры говорят: «*Чаа дил е чьенг*» или «*чаа ран веч*» — «он стал членом общины»; о человеке же, взявшем динка в плен, говорят: «Стал его отцом». Сыновья этого человека становятся его «братьями». Динка становится членом *гол* — домохозяйства и большой семьи. Адаптация дает ему положение в линиджной структуре и тем самым ритуальный статус, так как в резуль-

тате он становится членом *ток дviel* — линиджа человека, взявшего его в плен.

Мне говорили, что человек, взявший в плен мальчика, редко сам совершает *бут* (агнатное присоединение к линиджу), и такую церемонию с согласия минимального линиджа обычно проводит один из родичей. Представитель линиджа приглашает динка — повзрослевшего и прошедшего инициацию — присутствовать на принесении в жертву быка или овцы в его краале. Глава большой семьи предоставляет жертвенное животное, и представитель линиджа вбивает у входа в крытый загон кол, расхаживает по краалу, громко произнося название копыя клана и призывая духов и духов предков линиджа принять во внимание, что этот динка теперь стал членом линиджа и находится под их покровительством. Затем он убивает животное копьем и мажет динка непереваренным содержимым его желудка, прося духов принять его. Особенно важно смазать ступни, что навсегда привязывает динка к новому дому. Если он его покинет, то умрет. Потом разделяют тушу животного, и сын дома или представитель линиджа и его новый брат делят шкуру и мошонку животного, которую динка отрезает. Динка берет также как свою долю и шею животного. В будущем, когда члены линиджа опять принесут в жертву животных, динка всегда будет получать свою долю мяса, так как он теперь член линиджа. Отрезание мошонки — символический акт, превращающий человека в члена линиджа, так как только агнатный родственник может отрезать мошонку жертвенного животного. «Человек, отрезавший мошонку твоего животного, умрет, если вступит в половые сношения с твоей дочерью», — говорят нуэры.

Взятая в плен девочка не адаптируется линиджем, но по отношению к ней говорят *чаа лат мунгни* («она получила право на выкуп за невесту»), а также отмечают, что «ее дети стали людьми, которым достается часть выкупа за невесту». Это означает, что, когда она выйдет замуж или выйдут замуж ее дочери, сыновья семьи, воспитавшей ее, получают скот, который положен братьям и дядьям по материнской линии, и что взамен, когда выйдут замуж дочери сыновей и дочери этой семьи, она или ее сыновья могут требовать корову, положенную тетке по отцовской линии, и корову, положенную тетке по материнской линии. Она становится дочерью человека, взявшего ее в плен, сестрой его сыновей, но она не член их линиджа.

Путем адаптации мужчины-динка органически сливаются с линиджем тех, кто их взял в плен. Они теперь прослеживают свое происхождение от предка этого линиджа, и от них протянутся его новые ветви: слияние полное и окончательное. Духи линиджа становятся их духами, название копыя и почетное имя их символами. Пробыв недолго в деревне или в лагере нуэров, невозможно установить, кто из них чисто нуэрского происхождения, а кто нет. На протяжении недель я считал людей на-

стоящими нуэрами, а они происходили от взятого в плен динка, потому что человек, дед которого был адоптирован линиджем нуэров, считает себя таким же членом линиджа, как и человек, чей дед когда-то взял в плен динка, и таковым же его считают другие члены линиджа и люди, стоящие вне линиджа. Так, когда человек говорит, что он произошел от Е через D и C, а другой человек говорит, что он произошел от Е через J и K, вполне естественно считать, что D и J — это сыновья Е. В этом случае остается неизвестным, что в действительности J был пленным динка, которого адоптировали в линидж, если только кто-нибудь не открывает этот факт, что в стране нуэров почти никогда не случается. Более того, считается невежливым спрашивать посторонних людей, не были ли их деды динка, и если даже они и впрямь происходят от динка, они вряд ли об этом скажут. Конечно, всегда можно спросить других людей. Но только члены того же линиджа могут быть полностью знакомы с происхождением человека, а они, вероятнее всего, не скажут о том, что такой-то человек происходит от динка, так как для всех посторонних он — их агнатный родственник.

Во всех племенах путем адаптации в линиджи нуэров были приняты очень многие динка. Поскольку (об этом говорится далее) адоптированные динка и их потомки могут сочетаться браком с членами параллельных линиджей, было бы неточно говорить о том, что они адоптированы кланами. Вероятно, большинство плененных динка были адоптированы в линиджи нуэров, но есть также много линиджей динка, происшедших от людей, по собственной воле поселившихся в стране нуэров, чтобы спастись от голода в своем краю (что чаще всего было результатом набегов нуэров) или чтобы навестить своих плененных сестер, или чтобы вновь занять те участки земли, с которых их прогнали нуэры. Таких мигрантов не обижали, им разрешалось или селиться в стране нуэров, или возвращаться в любое время в страну динка. Динка, решивший остаться и поселиться в стране нуэров, становился *джаанг* какого-нибудь нуэра, т. е. его динка, или *ранде*, т. е. его человеком. Нуэр давал ему быка, а может быть, корову или две, если тот доказывал свою верность и привязанность к новому дому. Мне говорили, что ему могли даже дать в жены дочь семьи без уплаты выкупа, если она была слепая или хромая и никто из нуэров не хотел на ней жениться. Часто вдова становится сожительницей динка, который таким путем приобретает «жену», т. е. хозяйку и подругу. И хотя дети от нее не считаются его потомками, он может завоевать их привязанность. Если динка селится в доме мужа своей сестры, муж может дать ему корову или две в знак признания его как свойственника.

Существуют и разрозненные группы тех динка, которые, должно быть, жили на этой земле до того, как ею овладели нуэры, но которые подчинились и восприняли язык и обычаи нуэров. Во всяком случае, сейчас во всех племенах есть не-

большие линиджи динка, и деревни часто получают от них свои названия. Члены таких линиджей в численном отношении преобладают в тех общинах, где я провел почти все время, — в лагере Яквач и деревне Ньиени. А каким образом эти линиджи вплелись в ткань господствующего клана племени, будет сказано в двух последующих разделах.

Суммируем теперь сказанное о положении динка по отношению к нуэрам.

1) Слово *джаанг*, или динка, имеет много значений: любые чужеземцы, на которых обычно совершают набеги нуэры; динка, живущие в своем краю и подвергающиеся набегам нуэров; динка неадоптированных групп в стране нуэров или на ее периферии; недавние мигранты-динка; некоторые кланы, которые считаются происходящими от динка, например Гаатганкиир; члены небольших линиджей динка, которые по всем признакам принадлежат к нуэрам, но происходят от динка; потомки адаптированных динка; адаптированные динка. Только из контекста и по тону нуэров можно установить, какое значение они придадут этому термину.

2) Нас интересуют в настоящее время только те динка, которые считаются членами племени нуэров. Их статус определяется лишь той социальной ситуацией, в которой возникает вопрос о статусе, и определить его жестко невозможно.

3) Нуэрское завоевание не привело к возникновению классовой или стратифицированной системы, но благодаря обычаю адаптации динка были втянуты в систему родства нуэров, и через эту систему родства они получили равноправный статус в политической системе.

9. Многие динка, которые не были взяты в плен детьми, не адаптируются линиджами нуэров, а нуэры-чужаки не могут быть адаптированы господствующим кланом или другим линиджем нуэров. Тем не менее члены всех локальных общин, рассматривая себя как самостоятельные сегменты по отношению к другим сегментам, выражают свои отношения друг к другу категориями родства. Это происходит благодаря перекрестным бракам.

Мы упоминаем о правилах экзогамии очень кратко и только в той мере, в которой они имеют прямое отношение к политической системе. Нуэры обычно вступают в браки внутри своего племени, хотя иногда они женятся на женщинах из других племен, особенно в тех случаях, когда живут у границы. Иногда мужчина берет жену из другого племени, а затем, взяв с собой жену и семью, переходит жить в третье племя. За последнее время имели место отдельные случаи браков с нгок, а может быть, и с женщинами других племен динка. Нет никаких правил экзогамии, основанных на территориальном принципе. Они определяются линиджными и родственными ценностями. Мужчина не может вступать в брак в своем клане, а тем более в

своем линидже. В большинстве кланов мужчина может взять жену из клана своей матери, но не из ее максимального линиджа, хотя это правило выражено менее ясно. Мужчина не может взять в жены ни одну женщину, с которой он находится в той или иной степени близкого родства. Адоптированный линиджем динка не может взять жену из этого линиджа, но может взять ее из параллельных линиджей того же клана.

Мы обрисовали правила экзогамии вкратце. Тем не менее мы считаем их важными, ибо ценности, которые прежде всего регулируют в обществе нуэров поведение одного человека по отношению к другому, это ценности родства. Правила экзогамии у нуэров разрушают обособленность агнатных групп, вынуждая их членов сочетаться браком вне их рамок и тем самым создавать новые родственные узы. Поскольку правила запрещают также браки между близкими когнатами, в маленькой локальной общине быстро возникает сеть родственных связей и ее члены вынуждены искать брачных партнеров в других общинах. Всякий посторонний человек, селящийся в деревне, если он уже не находится в родстве с большинством ее членов, быстро вступает с ними в отношения свойства, и его дети становятся их родичами. Поскольку свойство представляет собой в своей основе отношения через родство, мы можем сказать, что все члены деревни или лагеря соединены родственными узами и поэтому обычно не могут сочетаться браком. В результате они вынуждены искать партнеров для брака в соседних деревнях своего «округа». Как правило, мужчина женится на девушке, до дома которой можно дойти пешком от его деревни. Так сеть родственных уз распространяется на весь «округ» и соединяет самыми различными способами членов отдельных политических групп.

Для каждой отдельной деревни систему близких родственных отношений можно представить в виде круга. По мере удаления от центра круга такие отношения становятся менее тесными. Но окружность данного круга пересекают окружности и других кругов, так что у всей этой сети родственных связей нет границ. Таким образом, правила экзогамии мешают возникновению автономных агнатных групп и создают обширные родственные связи внутри и вне структуры племени. Так система родства заполняет пробелы в политической структуре цепью звеньев, которые объединяют членов противостоящих сегментов. Они напоминают эластичные связки, которые позволяют политическим сегментам рассеиваться и находиться в оппозиции друг к другу, но одновременно и удерживают их вместе. Из-за подобного соотношения между родством и политической структурой возникает много сложных проблем. Здесь мы хотим остановиться только на одном пункте: каким образом господствующие линиджи становятся остоном политической структуры, присоединяя к себе другие линиджи внутри локальных общин.

Мы уже видели, что каждая локальная община связана с одним из линиджей и что члены этого линиджа, живущие в общине, в численном отношении составляют меньшинство по сравнению с членами других линиджей. Мы видели также, что все члены общины так или иначе находятся в родстве друг с другом. Эти сложные пересекающиеся когнатные нити родства приходят в определенную систему благодаря связям прочих линиджей с господствующим линиджем.

У нуэров существует особая категория *гаат ньует* («дети девушек»), в которую входят все лица, находящиеся к линиджу в отношениях сыновей сестры и сыновей дочери. Как целое линидж является *гаат ньует* по отношению к другому линиджу, если в их родословных линиях имеется хотя бы одно звено, связывающее их по женской линии. Поскольку данные линиджи живут в одной общине, благодаря правилам экзогамии такое звено обязательно должно существовать, и получается, что все живущие вместе люди являются *гаат ньует* по отношению друг к другу. Однако это понятие применяется главным образом к отношениям с господствующим линиджем общины и поэтому имеет политическое значение. Если люди не являются членами такого линиджа, то говорят, что они по отношению к нему — *гаат ньует*. Нуэры других кланов никогда не могут полностью отождествить себя с господствующим линиджем, потому что по ритуальным правилам их линиджи должны оставаться автономными единицами, но в политическом отношении они сближаются с ним через эту категорию родства. Более того, находясь в отношениях *гаат ньует* к господствующему линиджу, люди устанавливают с ним равноправные отношения, и часто их сближение с этим линиджем выражается категориями линиджной структуры. В результате человек часто возводит свое происхождение к женщине господствующего линиджа, которая породила одного из его предков, и тем самым присоединяется к родословному древу этого линиджа. У динка это, правда, происходит чаще, чем у нуэров. Однако, как правило, дети чужаков, выросшие в доме аристократов — родичей своей матери, считают себя членами линиджа матери (за исключением ритуальных ситуаций), а своими истинными родичами — членов этого линиджа, а не линиджа отца.

Неадоптированные динка обычно прослеживают свое происхождение от нуэрской женщины-предка и через нее присоединяют себя к нуэрскому линиджу, и в обычных социальных отношениях их воспринимают как членов этого линиджа. Так, динка часто говорит о том, что он произошел от господствующего линиджа общины через женщину-предка, а иногда в своей родословной упоминает двух-трех женщин. Эти динка внедряются в структуру нуэрского линиджа через своих матерей, поскольку у них нет собственной линиджной структуры. Сказанное не имеет ничего общего с упоминанием женского звена (*гаат ньует*) в родословной, которое объединяет группу нуэров-

чужаков или динка с господствующим линиджем их отдела племени, или с матрилинейным способом счета происхождения, связанным с матрилокальностью проживания, которое может носить временный характер.

Из-за правил экзогамии линиджи, таким образом, связаны бесчисленными когнатными узами, так что сколько бы в локальной общине ни было линиджей, все их члены находятся друг с другом в родстве через различные виды когнатного родства и свойства. Линидж остается исключительно агнатной группой только в ритуальных ситуациях. В других ситуациях он слит с общиной и когнатное родство (*мар*) занимает место линиджного агнатного родства (*бут*) в качестве понятия, через которое живущие вместе люди выражают свои отношения друг с другом. Агнатную структуру господствующего линиджа выдвигают на первый план не в обычных социальных отношениях, а только в политическом плане, когда затрагиваются отношения между территориальными сегментами, ибо ассимиляция территориальных сегментов с сегментами господствующего линиджа означает, что взаимоотношения в одном сегменте выражаются категориями другого.

В каждом небольшом сегменте племени есть связанный с ним линидж господствующего клана племени. Члены сегмента присоединяются к этому линиджу путем адаптации, когнатного или фиктивного родства, так что их можно назвать наростом вокруг ядра линиджа. Поскольку такие ядра представляют собой линиджи одного и того же клана, структура господствующего клана соотносится с политической системой так же, как скелет со всем организмом.

10. Мы уже видели, как динка и чужаки связаны со структурой господствующего клана путем адаптации и когнатного родства и как эти узы образуют всеобъемлющую систему родства, которая образует неполитическую ткань политической системы. Через родственные отношения проявляются самые сильные чувства нуэров, и все социальные взаимоотношения обычно выражаются на языке родства. Адаптация и ассимиляция когнатных связей с агнатными — это два пути, через которые общинные отношения переходят в родственные. Таким путем совместное проживание превращает соседские отношения в систему родственных. Третий путь — это мифологическое создание фиктивного родства, и этот путь соответствует отношениям между господствующими линиджами и группами динка и нуэров-чужаков, проживающих вместе с ними в одних и тех же сегментах племени (последние слишком велики и занимают слишком четко очерченную территорию, чтобы такие группы могли быть поглощены первыми двумя путями). Именно этим путем большие изолированные группы нуэров-чужаков и динка включаются в племя.

Уже упоминалось, что политические отношения часто отождествляются с линиджными: о локальной общине говорят так, будто это линидж, тем самым связывая с господствующим линиджем всех членов общины. Линиджные же отношения часто отождествляются с политическими: о линидже говорят так, будто он представляет собой локальную общину (в которой на самом деле он является только ядром), тем самым лишая линидж его особого агнатного статуса и придавая ему характер локальной общности. В соответствии со сказанным общинные взаимоотношения и воплощаются в мифах.

Мы не собираемся излагать мифы нуэров. До сих пор мы упоминали только один миф, объясняющий, почему нуэры совершают набеги на динка. Мифов такого общего характера очень немного. Большинство принадлежит кланам и линиджам и объясняет их связь друг с другом как племен или сегментов племен, особенно отношения между господствующими линиджами и крупными линиджами чужаков, живущих вместе с ними. Мы не всегда способны объяснить мифологические отношения через нынешнюю политическую систему, но часто это удается. Когда же такое объяснение оказывается неудовлетворительным, мы считаем, что это происходит из-за недостаточности наших знаний, особенно знаний истории племен.

Два крупных отдела племени лу — джимач и джааджоа, которые указаны на карте 3, но которых нет на схеме 15, показывающей господствующий клан племени — Джинача, это — подотделы, названные по линиджам Джимач и Джааджоа. Говорят, что они *гаат ньет* — дети дочерей основателя клана Джинача, и существует миф, объясняющий эту связь по материнской линии. У Денача, согласно рассказу лу, было четыре сына от одной жены, которых звали Йин, Дак, Бал и Бани, а также Ньянг и два его безымянных брата — от второй жены. Этих жен иногда называют Ньягун и Ньямор; два первичных отдела племени — гун и мор были будто бы названы по ним. Двух братьев Ньянга пожрал великан-людоед. Когда затем сыновья Денача пошли на рыбную ловлю, четыре сына одной матери пошли в одну сторону, а Ньянг — в другую: он не хотел сопровождать их, так как горевал по своим братьям. Если ему удавалось поймать рыбу, ее у него отнимали, потому что он был всего лишь маленьким мальчиком и рыбачил в одиночку. Когда он вернулся домой, то не стал сидеть с остальными мальчиками лицом к отцу, а сел в стороне спиной к нему. На вопрос отца, чем он опечален, он сказал, что думает о братьях, которых пожрал людоед. Отец сказал ему: «Не печалься, возьми двух своих сестер и пусть они будут твоими братьями». И когда Ньянг снова пошел рыбачить, его сопровождали сестры Ньябил и Фадвай. Ньянг является основателем линиджа Гаалиек, Ньябил — линиджа Джимач, а Фадвай — линиджа Джааджоа. Эти линиджи составляют родственную основу первичного отдела мор племени лу, и миф объясняет их взаимоотно-

ношения. Связь по материнской линии не мешает бракам между Гаалиек и Джимах. Если не считать случаев, когда затрагиваются ритуалы и правила экзогамии, потомки Ньябил и Фадваи рассматриваются так, будто эти девушки были сыновьями, обладали мифологическим правом на равный статус с *диел* внутри племени. Проследившая свое агнатное происхождение, члены этих линиджей не идут в прошлое дальше своей прародительницы. От нее они ведут счет к ее отцу Деначу.

В племени гаавар есть важный линидж Джакар, у которого мифологическая связь с Гаавар, аристократами племени, объясняется следующим. Человек по имени Кар, или Джакар, спустился с небес по веревке, соединявшей небо с тамариндовым деревом (вероятно, тем деревом в районе расселения лауг, под которым, как говорится, было создано человечество). За ним последовал Вар, основатель клана Гаавар, и его, сидящего на дереве, заметила сестра Кара, собиравшая хворост. Она вернулась и сказала брату, что нашла человека с окровавленной головой. Кар пытался убедить раненого пойти в деревню, но тот отказался. Тогда они принесли в жертву быка, аромат жарящегося мяса соблазнил жадного Вара, и он пришел в деревню. Когда он поел, то захотел возвратиться на небо, но Кар перерезал веревку. Б. Льюис любезно сообщил мне другой, менее распространенный в племени гаавар вариант этого мифа. Вар упал с неба в дождь, и его обнаружила собака, принадлежавшая Логу, но сопровождавшая жену Квеча, которая собирала хворост в лесу и нашла Вара. Она привела Вара домой, и между Квачем и Логом возник спор о том, кому принадлежит найденный. Лог утверждал, что Вара обнаружила его собака, а Квач настаивал, что Вара нашла его жена. В спор вмешался Кар, заявив, что Вар — это его брат.

Возникновение этого мифа надо объяснять тем, что два главных клана в племени гаавар (помимо аристократического клана Гаавар) — это кланы Джакар и Джалог. Джалог, по видимому, тот же клан, что проживает к югу от района док, где по нему названа небольшая территория. Квеч был несомненно основателем линиджа Квеч, по которому названа большая территория, пограничная с районом джалог. Можно предполагать, что, поскольку оба линиджа находятся в настоящее время в районе гаавар и на нынешней их территории к востоку от Нила, у них были тесные отношения с Гаавар, когда все три клана жили на родине, к западу от Нила.

У клана Гаатганкир самая богатая мифология, которая хорошо иллюстрирует интеграцию линиджей различного происхождения в политическую структуру через связь с господствующим линиджем и показывает, как территориальным отношениям придается родственное значение.

Есть несколько версий многочисленных событий, связанных с Киром — основателем клана Гаатганкир. Мы даем одну из них в кратком изложении. Динка из племени нгок по имени Йул

нашел на берегу реки огромную тыкву. Он разрезал ее, и из тыквы появился Кир с различными ритуальными предметами. Жена Йула кормила Кира молоком вместе со своим сыном Гьингом. Когда Кир вырос, он оказался колдуном, и сыновья Йула пытались убить его, так как его чары губили скот. Только Гьинг оставался другом Кира, и, когда тот бежал из дома Йула, он сказал ему, что придет день и он присоединится к нему.

Кир пришел к Нилу, увидел в реке человека по имени Тик и попросил его помочь ему перебраться через реку. Тик ударил по водам Нила, они расступились, и Кир перешел на западный берег. Кир сказал Тику, что когда он найдет место, где можно поселиться, Тик должен присоединиться к нему. Тик и Кир встретили человека из племени вот, который отвел их в свой дом, где человек из Джидиет — господствующего клана племени вот принес в жертву черного быка, чтобы смертоносная сила колдовства покинула очи Кира и он мог бы смотреть на людей и животных, не убивая их. Затем Кир вырыл себе нору в термитнике около лагеря для скота Гаавар, где он стал жить и совершать различные чудеса. В конце концов люди клана Гаавар принесли жертву и убедили Кира оставить термитник и перейти в их лагерь.

Киру дали жену — Ньяквини, которая родила ему Тьянга, после чего он убил ее с помощью колдовства. Затем он женился на Ньябор, которая родила Куну. Он убил и ее. Тогда клан дал ему в жены хромую женщину Дуани, которая родила Джокка. В версиях, распространенных среди лу и восточных джикани, эти три жены были дочерьми Ги — основателя семейства кланов Гаатгангика, а в версиях, имеющих хождение к западу от Нила, первые были из Гаавар, а Дуани — из клана Ньяпир племени бул; во всех версиях Ньяквини и Ньябор — более близкие родственницы, чем Дуани. После того как Дуани родила Джокка, она с помощью колдовства убила Кира, так как тоже была колдуньей. Позднее Тьянг, старший сын ее умершего мужа, сожительствовавший с ней, и у них родился Ньянг.

Во всех версиях мифа о Кире особо подчеркивается роль Гьинга и Тика. Мать кормила Гьинга вместе с ним, а затем Гьинг присоединился к Тику и жил с ним, как брат. Когда Кир умер, скот перешел к его старшим сыновьям — Тьянгу и Куну, но у младшего сына Джокка и у Гьинга не было скота. Тьянг делал все, чтобы Гьинг не приобрел скота, но Кун дал ему несколько голов, и тогда Тьянг сказал, что Кун и Гьинг будут жить вместе. Тик спас жизнь Киру и стал жить с ним. Дальше следует рассказ о том, как Гьингу и Тику угрожал великан-людоед, как они жили вместе в хижине словно братья и что поэтому происшедшие от них линиджи не сочетаются браком.

Не вдаваясь в дальнейшие детали, мы можем отметить, как реальные политические отношения находят мифологическое выражение в образах главных героев этих рассказов. Два круп-

нейших сегмента племени гааджак, названные по ядрам нуэров-чужаков, — это отдел конг, ядро чужаков в котором — линидж, ведущий начало от Тика, и отдел дхиллик, ядро чужаков в котором — линидж, ведущий начало от Гьинга. Эти два отдела живут вместе как части первичного отдела ренг (см. схему 11 и карту 4). В мифе говорится также, что Джок и Ньянг были сыновьями одной матери — Дуани, причем Джок был зачат Киром, а Ньянг — Тьянгом. Это мифологическое представление структуры племени гагванг, в котором есть ядра господствующего линиджа, ведущие начало от Ньянга и Джок. Миф также отражает политические отношения между племенами гагванг и гааджак: эти племена образовали к западу от Нила тесный союз, тогда как между племенем гагванг и граничащими с ним первичными отделами племени гааджак — тьянг и ренг существуют менее прочные отношения. Тьянг и Кун были зачаты Киром от женщин, которых обычно считают сестрами, и отделы, в которых господствуют их потомки, — это первичные отделы тьянг и гагванг племени гааджак. Третий первичный отдел гааджак — ренг имеет ядра, ведущие начало от Тьянга, Гьинга и Тика, о мифологических отношениях между которыми мы уже говорили.

У каждого племени нуэров есть сходные рассказы, объясняющие отношения между аристократическим кланом и крупными линиджами чужаков, живущих вместе с ним. Другие мифы объясняют отношения между этими линиджами чужаков. Так, линиджи, проживающие в Ньюэни и в соседних деревнях края лик, — Джуак, Нгвол, Джикул и другие — мифологически связаны друг с другом и с господствующим кланом племени лик. Мифы также объясняют происхождение ритуальных символов и церемоний, существующих у линиджей, про которые эти мифы повествуют.

Реальные взаимоотношения политического типа, таким образом, оказываются объясненными и подтвержденными через мифологические взаимоотношения, и, насколько нам известно, повсюду, где крупные линиджи различных кланов находятся в политическом союзе, существует миф, связывающий социальными отношениями их предков. Это особо относится к связям между господствующими линиджами и линиджами чужаков и динка, причем в мифе они живут в общине на равных правах и по-братски, хотя и соблюдают ритуальную обособленность и не сочетаются браками. Полная ассимиляция невозможна, потому что всегда необходимо ритуальное различие, иначе рухнут системы кланов и линиджей. Чужаки должны быть включены в общину господствующего линиджа и исключены из его агнатной структуры.

11. Через адаптацию, признание равноценности когнатных и агнатных уз в общинной жизни и мифологические отношения

все люди в сегменте племени так или иначе связаны родственными отношениями, а между самими сегментами возникают родственные отношения, функционирующие в политической системе. Хотя существование категорий *диел*, *рул* и *джаанг* и создает социальную дифференциацию, она проявляется больше в половозрастном и ритуальном плане, чем в политическом, и имеет значение только в определенных ситуациях социальной жизни.

Это подтверждается тем, как нуэры пользуются словами, определяющими эти три статуса. Когда нуэры обращаются к каким-либо людям или говорят о них в присутствии других, они обычно употребляют термины, обозначающие более близкое родство, чем на самом деле. При этом не только употребляются термины родства, но и упоминается статус человека в племени. Нуэры не подчеркивают, что человек, о котором идет речь, — чужак или динка, и не упоминают, что он является таковым в обычной социальной жизни, так как только в редких ситуациях имеет значение тот факт, что он не принадлежит к аристократам (при уплате компенсации скотом за убийство, в вопросах экзогамии, во время праздников и жертвоприношений). Чужака, поселившегося среди аристократов, рассматривают как социально равного, да и сам он считает себя таковым. Люди не называют его *рул*, так как он — член их общины. Из вежливости они могут даже назвать его *диел*. Точно так же люди не называют адоптированного динка *джаанг*, потому что благодаря адаптации он стал «братом» аристократов или нуэров других линиджей. О неадоптированных динка, живущих в общине, говорят обычно не *джаанг*, а *рул*. Подобно тому как чужаков в разговоре отождествляют с аристократами, динка отождествляют с чужаками, и только в отношении непокоренных динка употребляют презрительный термин *джаанг*. Нуэры не делают различия в статусе людей, которые живут с ними, вместе сражаются, пользуются их гостеприимством и являются членами их общины. Совместная жизнь берет верх над различием в происхождении.

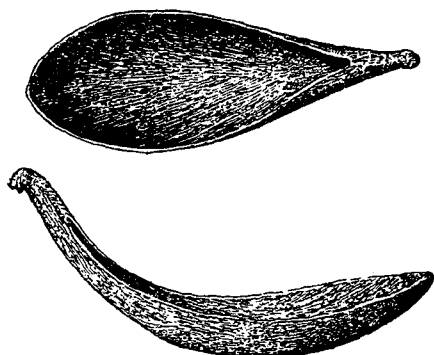
Мы снова подчеркиваем, что обозначения «аристократ», «чужак» и «динка» в племени нуэров — термины относительные, определяющиеся отношениями людей в социальной структуре в специфических жизненных ситуациях. Человек может быть чужаком или динка в некоторых, главным образом ритуальных, ситуациях, но в других случаях об этом не говорят. Человек может быть чужаком или динка по отношению к членам какой-либо социальной группы, но они не считают, что он обладает дифференцированным статусом по отношению к другой группе. Чужак — это чужак для вас, ваш чужак, но он один из вас по отношению к другим людям. Динка — это динка для вас, ваш динка, но он ваш брат по отношению к другим людям. В политической структуре все члены сегмента не дифференцированы в своих отношениях с другими сегментами.

Как можно объяснить, что у народа со столь демократическими чувствами и готового в любой момент выразить эти чувства в насилии в каждом племени один клан приобретает столь исключительный статус? Мы считаем, что приведенные нами факты дают на этот вопрос ответ в категориях племенной структуры. Многие племена нуэров велики по численности и занимаемой территории, некоторые из них очень крупны и являются чем-то большим, нежели территориальные единицы, потому что (как мы показали) у них сложная сегментная структура, которую сами нуэры рассматривают как систему. Поскольку у нуэров нет вождей племен, советов или каких-либо иных форм правления племенем, мы вынуждены искать внутри структуры другой организующий принцип, который позволяет воспринимать племя как некое постоянство и придает ему определенный уровень действительного сплочения. Мы считаем, что этот принцип выражен в аристократическом статусе. В отсутствие политических институтов, обеспечивающих племени центральную администрацию, которая координирует его сегменты, именно система линиджей господствующего клана придает племени структурную целостность и единство, связывая линиджные ценности (внутри общей агнатной структуры) с сегментами территориальной системы. В отсутствие вождя или царя, который мог бы символизировать племя, это единство выражается категориями линиджа или клана.

12. В мифе о Кире в родственных отношениях находятся не только предки влиятельных линиджей, а через них — линиджи и территориальные сегменты, в которые они входят, но и предки кланов. Таким образом кланы и племена связаны между собой. Так, Кир, во многих версиях мифа адаптированный Ги — основателем семейства кланов Гаатгангика, встречает Вота, который олицетворяет племя вот и находится в родственных отношениях с Гаавар и т. д. Таким образом, миф отражает межплеменные отношения и превращает всю страну нуэров в единую структуру родственных отношений, которую мы именуем клановой системой в отличие от линиджной системы клана.

Клан — это тот предел, до которого прослеживается агнатное родство, когда возникает вопрос о браке двух лиц. Некоторые кланы тем не менее имеют агнатные отношения с другими кланами, хотя нуэры и смотрят на это несколько иначе, чем на отношения между линиджами клана. Когда нуэры говорят о предке клана, создается впечатление, что они считают его исторической фигурой, тогда как, говоря о предке семейства кланов, они представляют его себе как менее ясную фигуру, окутанную мифологическим мраком.

Мы снова подчеркиваем, что линиджи, доминирующие более чем в одном племени, иногда составляют часть одной и

Ложки из рога буйвола

той же клановой структуры. Так, линиджи, господствующие в племенах гааджок, гааджак и гаангванг к востоку и западу от Нила, все являются сегментами клана Гаатганкиир. Точно так же господствующие линиджи племени ренгьян, к западу от Нила, и племени лу, к востоку от р. Эз-Зераф, являются частью клана Джинача. Это легко объяснимо, так как мы знаем, что до недавних времен восточный линидж Гаатганкиир и во-

сточный линидж Джанача жили вместе с другими линиджами этих кланов в районах джикани и ренгьян к западу от Нила.

Существуют и более общие и мифологические по характеру отношения между кланами. Объясняя эти отношения, нуэры персонифицируют племена и говорят об их родстве, отождествляя их с их господствующими кланами. Так, они говорят о борг, ланг, лу, тьянг, лак и т. п., как если бы те были людьми и могли иметь между собой такие же родственные отношения, как люди, и как если бы все члены этих племен были одного и того же происхождения. Тем самым они выдвигают на первый план общинные отношения и затемняют клановую дифференциацию в политическом контексте. Из-за такой особенности их заявления часто кажутся путанными и даже противоречивыми, но это соответствует прочной тенденции (как мы видели при разъяснении различных значений слова *чъенг*) отождествлять в определенных отношениях систему линиджей с политической системой.

Многие нуэры считают своих предков Гее и Гаака прародителями всех настоящих нуэров, хотя в различных частях их страны даются неодинаковые классификации их потомства. Среди лу говорят, что (за исключением джикани и гаавар) все племена произошли от Гее. Эти два племени выделяют, так как их близость придает им в глазах лу особое значение; все же остальные племена, которые не имеют непосредственных отношений с лу, расплывчато классифицируются как дети Гее. Среди восточных джикани всех настоящих нуэров склонны считать «гее» по контрасту с «кир», т. е. самими джикани. В долине р. Зераф и в западной части страны нуэров, где значительно шире сфера межплеменных контактов, дифференциация имеет более широкий характер. Племена нуэров здесь делятся на три класса: группа гее, состоящая из борг, ланг, ренгьян, бул, вот, рор, тьянг и лу, протянулась непрерывной линией с северо-запада к юго-востоку через центр страны нуэ-

ров; группа гаак, состоящая из нуонг, док, джалуг, биг, гаанквач и рол, занимает юго-западную часть края; группа рил, состоящая из лик и лак, занимает земли по нижнему течению рек Зераф и Газаль, близ их слияния с Нилом. Я иногда слышал, что бул включают в группу рил. Однако в районе док и в смежных племенных районах различают племена, которые в других местах классифицируют как сыновей Гаака и делят их на группу гаак, включающую биг и джаалог, и группу гвеа, включающую док, нуонг, гаанквач и рол.

В этой классификации мы снова видим примеры того, что уже наблюдали в другого рода классификациях нуэров: их сегментную тенденцию и их относительность. Если, например, одни нуэры считают док и беег членами группы гаак, то себя они считают неразделенной группой гаак в оппозиции к гее, но в то же время они называют себя частями противостоящих сегментов — гвеа и гаак. Надо отметить, что названные группы племен, часто именуемые семьями кланов, занимают точно очерченные части страны нуэров. До миграции на восток район их обитания тянулся с севера на юг и они составляли три или четыре группы к западу от Нила. Территориальная целостность и общая клановая структура, которые мы находим у племен джикани, или тесные родственные отношения внутри клановой системы, как среди группы племен гаак, существуют одновременно и можно предполагать, что имеет место взаимодействие ценностей двух систем. Сегментация линиджей внутри племени по отношению к его политической сегментации, таким образом, повторяется во всей клановой системе нуэров, сегменты которой согласуются с политической сегментацией страны нуэров. Смежные племена выступают в совместной оппозиции к другим группам племен, и эти отношения отражаются в тенденции выступать (через господствующие линиджи и кланы) в виде близких родственников в мифологическом и ритуальном смыслах.

Гее, Гаак и Гвеа выступают как братья, сыновья мифологического предка, иногда именуемого Гау («Мир»), иногда Ран («Человек»), отцом которого считают Квота («бог»). Рила тоже часто считают одним из их братьев, хотя иногда он выступает как сын дочери Гее по имени Кар.

Все сыновья Гее находятся в агнатном родстве (*бут*), что позволяет им участвовать в жертвоприношениях друг у друга. В этих ритуальных ситуациях только истинные сыновья Гее — Джинача, Гаатъянг, Джидиет и другие кланы, ведущие начало от Гее, связаны родственными взаимоотношениями типа *бут*, но в других ситуациях племена, в которых эти кланы имеют господствующий статус, выступают как братья или двоюродные братья. Так, Тьянга считают старшим сыном Гее, Нача (ренгьян и лу) — вторым сыном, Рора и другие племена — младшими сыновьями. Ренгьян (Нач) и Вот (Дит), как считают, были близнецами, как Бор и Ланг, сыновья Меата.

Некоторые племена находятся вне этой большой семьи. У племен джикани есть господствующие линиджи, происходящие от динка и ведущие начало от Кира, который был найден в тыкве человеком из племени динка-нгок, но, как объяснялось ранее, они мифологически родственны с группой Гее, потому что Гее часто выступает в роли покровителя или тестя Кира. Гаатганкиир имеют родственные отношения типа *бут* с некоторыми системами линиджей динка-нгок, и поэтому — в определенном политическом аспекте — между племенами джикани и динка-нгок существуют (по аналогии) братские отношения. Можно смело предположить, что когда-то между ними существовали межплеменные отношения. У клана Гаавар тоже особое происхождение — их предок спустился с небес. Однако многочисленные мифологические нити связывают его с основателями различных кланов, занимающих господствующее положение в группе гаак, и поэтому племя гаавар принадлежит к этой же группе. Хотя сейчас Нил отделяет его от других членов группы, одно время оно находилось на самом севере района их расселения на западном берегу. Благодаря родственным отношениям типа *бут* между Гаавар и другими кланами семейства кланов, происшедших от Квоока, считают, что гаавар ушли с членами отдела фаданг племени бор и народом атвот, которые, как говорят, жили когда-то между нынешними районами племен ренгьян и док.

Благодаря признанию агнатных родственных отношений между экзогамными кланами и когнатных и мифологических уз между кланами, которые не считаются агнатными, все племена нуэров путем отождествления политических и родственных ценностей осознаются как единая социальная система. Многие кланы не связаны с племенами, но их линиджи включены в эту систему в силу принадлежности кланов к той или иной большой семье кланов. Так, Джимем, Джикул, Гаатлеак и Джитер произошли от Гее и принадлежат к группе гее; Джикул мифологически связаны с группой рил, а Джакар — с группой гаак и т. д. Все нуэры входят в единую систему родства или псевдородства, и благодаря этой системе все территориальные сегменты страны нуэров взаимно связаны.

13. С нашей точки зрения, необычная степень генеалогической сегментации в системе линиджей у нуэров может быть объяснена в категориях племенной структуры, для которой, как мы видели, характерна тенденция к сегментации. Ассоциация системы линиджей с племенной системой означает, что как племя расщепляется на сегменты, так и клан будет расщепляться на сегменты и линии раздела обнаружат тенденцию к тому, чтобы совпасть, поскольку линиджи не являются корпоративными группами, а входят в локальные общины. Человек есть член сегмента племени, находящегося в оппозиции к другим

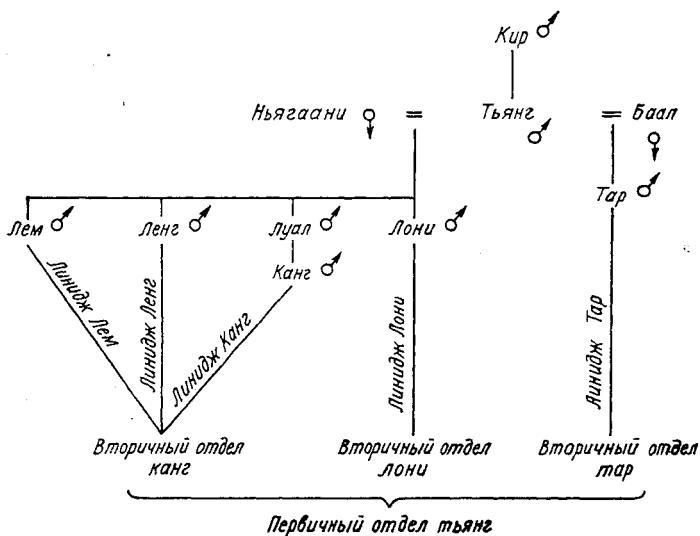

Схема 22. Слияние и расщепление линиджей племени гааджак

сегментам того же порядка, и в то же время он — член племени, включающего в себя все эти сегменты. Поэтому он — одновременно и член линиджа, находящегося в оппозиции к другим линиджам того же порядка, и член клана, включающего в себя все эти линиджи. Между этими двумя системами членства существует определенное соотношение, поскольку линидж входит в сегмент, а клан — в племя. Поэтому расстояние между двумя линиджами господствующего клана в клановой структуре стремится прийти в соответствие со структурным расстоянием между сегментами племени, с которыми они ассоциированы. Племенная система, таким образом, растягивается и сегментирует господствующие кланы, придавая им характерную форму линиджей. Доказательства этого утверждения можно найти в любом племени нуэров. Мы рассмотрим лишь несколько типичных примеров.

Мы видели, что в племени лу вторичные отделы гаатбал и румджок составляют первичный отдел гун в оппозиции к первичному отделу мор и что господствующие линиджи отделов гаатбал и румджок произошли от одной жены Денача, а господствующий линидж отдела мор произошел от другой жены, так что гаатбал и румджок находятся в родстве как родные братья, а гун и мор — как единокровные братья. Мы отмечали также, что господствующие линиджи гааджак произошли от связанных близким родством жен Кира, тогда как господствующие линиджи гааджак и гааванг, которые тесно связаны, произошли от третьей жены.

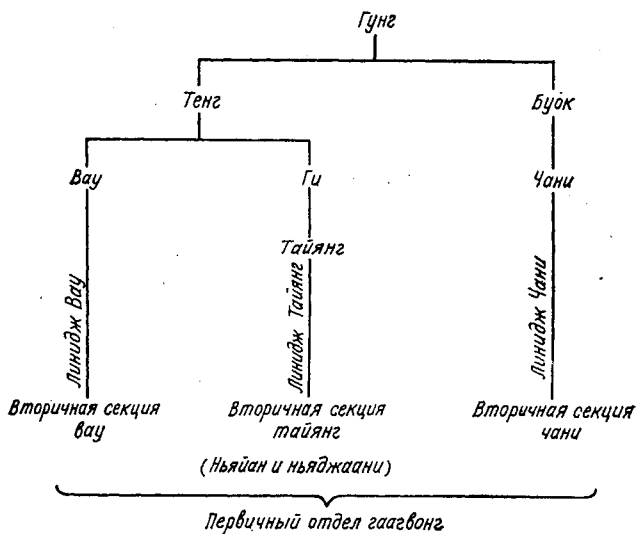

Схема 23. Слияние и расщепление линиджей племен восточных джикани

Линиджи Гаатганкир в своих отношениях с сегментной структурой племен джикани дают хорошую возможность подтвердить гипотезу о том, что линиджная структура вплетена в политическую структуру, так как одни и те же линиджи можно найти в отдаленных друг от друга районах страны нуэров, где политические условия не идентичны. Если бы мне удалось подалее пробыть в районах джикани или если бы я смог за свое короткое пребывание там более четко сформулировать эту проблему, я бы сумел сделать более определенные выводы. Мы вкратце проанализируем линиджную систему Гаатганкир по отношению к двум первичным отделам гааджак.

Тьянг был старшим сыном Кира. У него были две жены — Ньягаани и Баал. От этих двух жен берут начало три главных линиджа *чьенг* Тьянг — первичного отдела племени тьянг — Тар, Лони (или Гек) и Канг. Что произошло, видно из схемы 22. Тар, единственный сын своей матери, основал независимый линидж и отдел племени, который обитает на крайнем юге района восточных гааджак. Все остальные четыре линиджа произошли от Ньягаани и вместе именуется *чьенг ньагаани*. Сначала четыре сына жили вместе, но позже семья Лони разрослась, стала более влиятельной, чем семьи его братьев, и попыталась установить над ними свой контроль, особенно над Лемом — старшим братом. Канг, сын Луала, выступил против Лони и принудил его мигрировать. Благодаря видному положению Канга линиджи, ведущие начало от Лема, Ланга и Луала, все вместе именуется *чьенг канг* в противоположность *чьенг лони*.

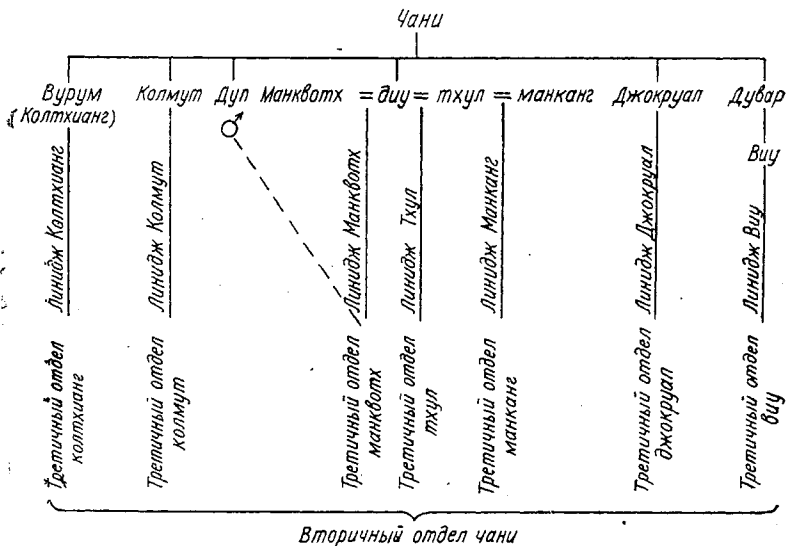

Схема 24. Структура линиджа Чани

Эти два линиджа обитают на крайнем севере района восточных гааджак²¹. Когда о братьях говорят, что они ссорились, мигрировали и т. п., это нужно понимать как персонификацию соответствующих линиджей и локальных общин, частью которых эти линиджи являются.

На схеме 22 мы видим, как расщепление и слияние линиджей, определяемые логикой линиджной структуры, следуют по линиям расщепления и слияния племени. Так, потомки Лема, Ленга и Луала, живущие вместе, слились в оппозиции к Лони, а Лони, живущие рядом с ними, сливаются с ними в оппозиции к Тар. Схема не показывает нам генеалогические линии, так как они не связаны конкретно с какими-либо местами обитания и не имеют ценности для общины, а поэтому и не дифференцированы. Тот факт, что схема не показывает подлинно исторический рост линиджей, но искажает его, подтверждается тем, что в среднем от Лема и Ленга до нынешних дней было пять поколений, от Луала — шесть и от Лони (самого младшего из четырех братьев) — семь.

Линидж Гагвонг, являющийся ядром отдела гагвонг, назван по имени Гунга, сына Куна, сына Кира. Максимальный линидж Гагвонг расщепляется на несколько больших линиджей. Чтобы облегчить зрительное восприятие, на схеме 23 фигурируют только самые важные линиджи восточных джикани: Чани, Вау и Тайянг — потомки Буока, Вау и Гее, или Ги.

Большой линидж Чани расщепился (как показано на схеме 24) на несколько мелких линиджей временной глубиной

в три-четыре поколения. На этой схеме традиционное расхождение сыновей одного отца и разных матерей показано линиями, которые идут от Диу через его трех жен: Манквотх, Тул и Манканг. Потомков Дула обычно именуют *чьенг манквот*, так как они живут вместе с линиджем Манквотх. Совместное проживание отразилось на линиджной структуре: линидж Дула в значительной степени слился с линиджем Манквотх. У меня нет записей о подразделениях линиджа Вау.

В западной части страны нуэров линиджи Вау и Чани не имеют политического значения и сливаются с *чьенг тайянг*, который противостоит *чьенг джуени*, названному по Джуени, сыну Тенга, сыну Гунга, основателю малозначительной в политическом отношении линидж восточных джикани. У линиджа Тайянг (схема 25) есть две ветви, названные по именам его жен, — Ньяйян и Ньяджаани. В западной части края есть третий линидж, ведущий начало от третьей жены, — Ньякои.

Интересно заметить, что Джуени, линия которого не играет значительной политической роли у восточных джикани, предстает здесь как сын Гее и сливается с линией Тайянг, тогда как Дуоб выступает как сын Ньяджаани и сливается с ее линией. Здесь мы опять видим, как политические отношения влияют на линиджную структуру.

Для подтверждения выдвинутого нами тезиса требуется более широкий и глубокий анализ. Некоторые шаги в этом направлении мы сделали. В то же время названный тезис подтверждают свидетельства и иного рода. Мы убедились, что всегда легче получить более полное представление о происхождении (а значит, и более длинную генеалогическую линию) от членов господствующих линиджей в крупных племенах, чем в мелких. Это показывает, что в более крупных племенах системе линиджей уделяется больше внимания и что клановая система расширяется и углубляется, с тем чтобы выполнять свою структурную функцию. Мы убедились также, что нетрудно получить от любого взрослого члена аристократического линиджа рассказ о других максимальных и больших линиджах его клана, а также длинный список предков (обычно девяти-десяти), представляющий непрерывную линию, начиная с основателя клана. Но вместе с тем мы видели, что невозможно получить такую информацию от членов тех кланов, которые не ассоциированы с племенем. Чаще всего они могли проследить свое происхождение только на четыре-шесть поколений, временную глубину они указывали неточно и обычно не могли связно рассказать о других линиджах своего клана. Мы объясняем этот факт невключением в систему через ассоциацию с племенными структурами. Линидж не находится в территориальной оппозиции к другим линиджам своего клана, он поддерживает с ними только нечетко выраженные ритуальные отношения, которые никогда не могут выразиться в корпоративных действиях. В результате налицо полное отсутствие какой-либо вы-

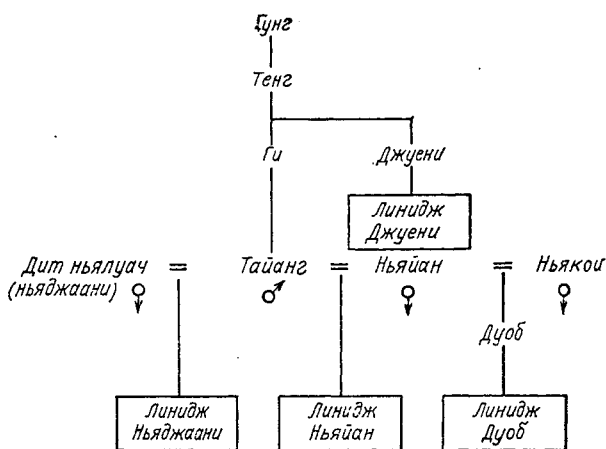

Схема 25. Слияние и расщепление линиджей племен западной части страны нуэров

работанной системы линиджей по сравнению с господствующими кланами. Есть много членов клана Джимем, и, несомненно, кто-нибудь мог бы, собрав воедино их генеалогии, построить родословное древо, ведущее от Мема, в котором были бы показаны агнатные отношения между различными линиджами. Но это в корне отличалось бы от тех спонтанных рассказов, которые сразу же рисуют линиджную систему крупных кланов (вроде Джинача), ассоциированных с территориями племен.

Надо также отметить, что познания нуэров о системе линиджей господствующего клана обычно ограничиваются теми частями системы, которые соответствуют сегментам их племени. Так, линиджи Джинача, которые ассоциируются с сегментами племени лу, хорошо известны членам племени лу, но они почти ничего не знают о линиджах Джинача племени ренгьян. Точно так же я с трудом добивался от членов племен гааджок и гааджак ясного рассказа о линиджах клана Гаатганкиир, который представляет собой господствующее ядро племени гаагванг, хотя они были хорошо информированы о линиджах того же клана, ассоциирующихся с сегментами их собственных племен.

Из этого явствует, как мы и говорили раньше, что линиджную систему клана можно рассматривать как подлинное отражение родословной только в очень немногих случаях. Не только ее временная глубина весьма ограничена, но и расстояние между параллельными линиджами, как оказывается, определяется политическим расстоянием между отделами племен, с которыми ассоциируются эти линиджи. Можно предполагать поэтому, что линидж выглядит как четкая родословная линия только в тех случаях, когда он имеет политическое значение. Предки, стоящие между минимальным линиджем и его основа-

Кожаный цеп

телем, имеют значение только как точки отсчета для нанесения родословных линий, когда эти линии приобретают значение (благодаря политической роли линиджной системы). Мы предположили, что временная глубина линиджей есть функция отсчета агнатного родства в содержательном плане; мы также предполагаем, что отчет агнатного родства в значительной степени определяется его организующей ролью в политической структуре.

Нуэры считают, что разделение линиджей возникает из разделения в семье между *гаатгван* — детьми отца и *гаатман* — детьми матери. Когда есть две жены и каждая имеет сыновей, линидж разветвляется именно из этой точки. Разветвление линиджа — это и есть явная полигамная семья. Мелкие веточки, которые мы видели в *гол* («домохозяйстве»), вырастают в большие ветви линиджей. Именно по этой причине линиджи так часто называют по именам женщин, матерей, из чрева которых выросли различные родословные линии. Как нам представляется этот процесс, некоторые линиджные группы приобретают политическое значение и исключительность, превращаясь в ядра отделов племен. Только таким путем стабилизируется их структурная позиция, а точки их ответвления становятся прочными и постоянными точками схождения в линиджной структуре. Этим объясняется, почему материнское происхождение играет важную структурную роль только в немногих из множества полигамных семей и почему разветвление происходит одновременно и в линидже, и в племени.

Тенденцию к координации территориальной и линиджной сегментации можно наблюдать на различных стадиях расширения территории (от домохозяйства до племени). Когда братья из влиятельной семьи живут в различных частях деревни и собирают вокруг себя группки родственников и иждивенцев, такие хуторские группы получают их имена и становятся той точкой, от которой может ответвиться линидж. Так, если братьев зовут Бул и Ньянг, то люди говорят о *гол* Була и *гол* Ньянга, а если позже внуки одного из них перейдут в другую деревню, линидж расщепится на две ветви. Такие минимальные линиджи (схемы 15 и 16) занимают смежные деревни или далеко отстоящие части одной и той же широко раскинувшейся деревни и разбивают отдельные лагеря вдоль одного и того же участка реки или смежные лагеря у небольшого озера. Точки ответвления линиджей от клановых деревьев, таким образом, связаны с размерами и распределением обитаемых участков в районе племени.

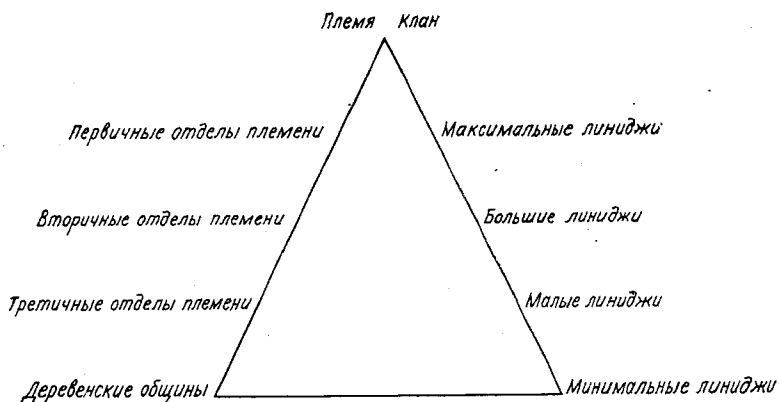

Схема 26. Сравнительная схема линиджей и территориальных сегментов

Таким образом, ассоциация племенной системы с кланом, вероятно, влияет на форму линиджной структуры. Мы можем также подчеркнуть и морфологическую согласованность обеих структур. В племени всегда находится больше деревень, чем третичных сегментов, и больше третичных сегментов, чем вторичных сегментов, и т. д. И поскольку всякая территориальная единица ассоциирована с линиджем, слияние таких единиц из множества деревень в единую — племя должно отразиться на структуре системы линиджей: от множества минимальных линиджей к меньшему числу малых линиджей и т. д., к единой единице — клану. Если принять это предположение, станет очевидным, что линиджи строго ограничены в числе и структурной позиции и контролируются системой территориальной сегментации (см. схему 26).

Глава VI

СИСТЕМА ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП

1. Все мальчики нуэров проходят инициацию, осуществляющуюся с помощью крайне жестокой операции (*гар*). Маленьким ножом им делают надрезы (до кости) на лбу — от уха и до уха. Рубцы остаются на всю жизнь и говорят, что следы надрезов заметны даже на черепах умерших. Церемония инициации очень сложна, а система возрастных групп у нуэров имеет более важное значение, чем у других суданских нилотов.

Мы и другие авторы уже описывали ритуал инициации. Хотя имеется подробная информация о деталях ритуала, мы считаем, что их описание не соответствует плану нашей книги. Поэтому наше описание инициации будет кратким. В наши дни инициацию проходят мальчики обычно от 14 до 16 лет; в прежние времена это были мальчики от 16 до 18 лет. Пройдет ли мальчик инициацию в тот или другой год, зависит от запасов молока и сорго. Прежде всего мальчик должен получить разрешение отца на операцию. Правда, в нем обычно не отказывают, так как мальчик может убежать в дом какого-либо родственника, что поставило бы отца в унижительное положение. Затем мальчик идет к какому-либо члену возрастной группы отца и тот совершает определенный ритуал, чтобы дать ему благословение этой группы. Его благословляют также член клана, отец и дядя по материнской линии. Мальчики сами договариваются с человеком, совершающим операцию; каждый из них преподносит ему копье для рыбной ловли. Таким человеком может быть любой член племени, умеющий делать такую операцию.

Одновременно инициацию проходят несколько мальчиков, так как считается, что, если мальчик будет один, он почувствует себя одиноким и может умереть. Кроме того, во время выздоровления легче ухаживать и кормить сразу нескольких человек. Инициацию обычно проходят от 4 до 12 мальчиков. Инициация может проводиться в любой сезон, но она почти всегда происходит в конце дождей, когда в общине достаточно пищи, а северный ветер лучше заживляет раны. Каждая деревня проводит инициацию самостоятельно. После операции мальчики живут почти в изоляции, и на них распространяются различные табу. Этот период завершается особыми ритуалами. В день операции и в день выхода из изоляции приносятся жертвы и устраиваются празднества, сопровождающиеся фривольными забавами и распеванием непристойных песен. Присутствуют только

сверстники отца мальчика, в усадьбе которого проходит празднество; остальные держатся в стороне, чтобы случайно не увидеть обнаженными родственниц и свекровей.

2. Все мальчики, прошедшие инициацию в течение нескольких следующих друг за другом лет, принадлежат к одной возрастной группе (*рич*). До последнего времени между окончанием одной возрастной группы и началом следующей был интервал в четыре года. Эти четыре года именуется периодом «когда повешен нож», а в конце его говорят «нож достали»; и теперь снова можно проводить инициацию. В каждом племени есть *вут гок* («хозяин скота»), который открывает и закрывает периоды инициации, устанавливая тем самым разделение между возрастными группами. Он совершает в своем округе соответствующие ритуалы, и другие округа начинают или кончают инициацию в зависимости от этого. Такие функции дают *вут гок* определенный престиж, но, поскольку они имеют ритуальный характер, он не обладает политической властью. Иногда в западной части страны нуэров ритуалы совершает «пророк», но, возможно, в этих случаях «пророк» является и «хозяином скота». Возрастные группы организуются автономно в каждом племени (во всяком случае, в крупных племенах), но часто случается так, что, если в одном племени образуется новая возрастная группа, его примеру следует и соседнее племя, и поэтому названия и периоды существования возрастных групп у соседних племен часто бывают одинаковы. Хотя в отдельных частях страны нуэров названия групп различны, каждый человек, переходящий из одного района в другой, легко может определить, в какую возрастную группу он попал бы, если бы жил в этом районе.

В нынешние времена мальчики проходят инициацию ежегодно. Каждые несколько лет «хозяин скота» объявляет, что он собирается «закрыть» возрастные группы и совершает церемонию, после которой все юноши, прошедшие инициацию до этого года, попадают в одну группу, а все юноши, прошедшие инициацию после этого года, попадают в младшую группу. Число лет, в течение которых существует группа, пока ее не закроют, различно, и, по-видимому, так было всегда. На основании имеющихся сведений мы считаем, что период между открытием двух смежных возрастных групп составляет в среднем десять лет. Оказалось, что между группой какого-либо человека и группой его старшего сына обычно существуют две возрастные группы (реже одна). Можно считать, что в среднем за жизнь поколений деда — отца проходят шесть групп.

Во время моих исследований были живы члены шести возрастных групп. Из старшей было лишь несколько человек, а из самой старшей остались лишь совсем дряхлые старики. В приведенных ниже списках не упоминаются группы, от которых не

осталось в живых ни одного члена. Их названия не существенны для понимания всей системы возрастных групп, а их порядок настолько позабыт, что даже рассказы двух информантов редко полностью совпадают. Однако надо отметить, что в те далекие времена, о которых еще вспоминают нуэры, названия возрастных групп в их краю были неодинаковыми, и поэтому они не повторяются. Здесь нет и повторяющихся циклов названий, как во многих частях Восточной Африки. Общие имена встречаются у лу и у восточных джикани, а также у племен западной части края. У племен бассейна р. Зераф есть некоторые общие названия с племенами района р. Собат и некоторыми племенами к западу от Нила:

лу	восточные джикани	лак	западные джикани и лнк
Тут	Тут	Тут	Лилньянг
Бойлоч	Бойлоч	Бойлоч	Руоб
Макер	Макер	Руоб	Бангдел
Дангунга	Дангунга	Бангдел	Тангквер
Луач	Карбоч	Вуни	Рол
Литгач	Литгач	Кеч	Джуонг
Риалмач	Риалмач	Пилуал	Билдеанг

В каждой возрастной группе есть два или три подраздела. Каждая годовая группа, проходящая инициацию, может получить свое особое название и составить особый подраздел, хотя часто одинаковое название получают сразу две смежные группы. Хотя возрастная группа таким путем стратифицирована и подразделы имеют различные названия, все ее члены известны по названию первого подраздела. Это общее название закрепляется, а остальные постепенно выходят из употребления. Так, сейчас редко услышишь названия Макер индит и Нгвак, а остается только группа Макер, которая включает оба подраздела. Точно так же редко употребляют названия Гвонг индит, Карбоч и Ньямням, но упоминают группу Дангунга (Гвонг), которая включает все три подраздела. Старший раздел называется *индит*, но когда опускаются сегментные названия, опускают и *индит*, поскольку этот термин нужен только для отличия первого подраздела от более поздних. Так, мы имеем Тут индит, Макер индит и Бойлоч индит, но постепенно окончание *индит* в этих названиях опускается и полные возрастные группы известны под названиями Тут, Макер и Бойлоч.

За последние годы положение осложнилось, так как исчезли точно определенные периоды открытия и закрытия возрастных групп. Так, во время своих ранних посещений лу и восточных гааджок я слышал, как люди говорили о Лиет индит, Лиет инчар (лиет Интот), Чайят (пилуал) и Риалмач (Риалданг) как о четырех разделах возрастной группы Литгач. Это происходило потому, что «хозяин скота» не объявил об их разделении на

отдельные возрастные группы. Во время последующей экспедиции я выяснил, что Лиет индит, Лиет инчар и Чайят были объявлены единой возрастной группой, а с Риалмач началась новая возрастная группа, второй подраздел которой — Квекорьоамни уже прошел к этому времени инициацию. Точно так же у западных джикани и лик возрастная группа Билдеанг была недавно объявлена отдельной от Джуонг. Когда-то у восточных гааджок Литгач была отделена от Риалмач, тогда как в соседнем районе восточных гааджак они не были разделены и оставались некоторое время единой группой. В нынешнее время может случиться, что какой-либо подраздел будет некоторое время считаться младшим сегментом одной группы, а позже станет старшим сегментом следующей группы. Ниже приводится список подразделов возрастных групп у племен лу и западных джикани:

	лу		западные джикани
Тут	{ Тут индит Муотджаанг Лилчоа	Лилньянг	{ Лилньянг Лилчоа Лилчуаг
Бойлоч	{ Бойлоч индит Гольянгкакеат Лаибвау	Руоб	{ Руоб Номалит
Макер	{ Макер индит Нгвак	Вангдел	{ Вангдел Ватчар
Геонг	{ Гвонг индит Карбоч Ньямнья	Тангквер	{ Тангквер Карам
Луач	{ Луач индит Карам Чамтоари	Рол	{ Рол Пилуал
Литгач	{ Лиет индит (Инбор) Лиет ингот (Инчар) Чайят (Пилуал)	Джуонг	{ Джуонг Маджаани
Риалмач	{ Риалмач(Риалданг индит) Квекорьоам	Билдеанг	Билдеанг

3. Чтобы понять, как членство в возрастной группе определяет поведение человека, мы прежде всего должны осознать, что процедура инициации не служит каким-либо педагогическим или моральным целям. Многие характерные черты системы возрастных групп в Кении, где она наиболее развита, отсутствуют у нуэров. Здесь нет трех четко выраженных возрастных классов — мальчиков, воинов и старейшин, через которые проходят группы, так как мальчик, ставший мужчиной, остается в этом классе всю жизнь. Воинам не запрещается жениться, они пользуются теми же привилегиями и страдают от тех же ограничений, что и остальные взрослые мужчины. Группы не имеют административных, судебных или иных специфических функций; страна нуэров не находится под их контролем.

У групп нет и определенных военных функций. Мы придерживаемся мнения, что систему возрастных групп нуэров не следует описывать как военную организацию, хотя некоторые авторы и придают ей такой характер. Юноши, недавно прошедшие инициацию, рвутся в первый набег и считают, что смелостью они должны укрепить репутацию своей группы, и вполне вероятно, что набеги проводились главным образом мужчинами из самой младшей группы. Однако здесь нет ни класса воинов, ни класса старейшин. Если бы мальчики и старые мужчины принимали участие в войне против других нуэров, они, вероятно, были бы убиты, и поэтому понятно, что набеги — это занятие для самых сильных и быстрых. Правда, многие мужчины зрелого возраста тоже участвуют в межплеменных сражениях и локальных конфликтах.

Система возрастных групп племени — отнюдь не военная организация. Мужчины сражаются деревнями и отделами племен, а не возрастными группами. Военные подразделения — это локальные, а не возрастные единицы, в рамках подразделения сражаются бок о бок члены различных возрастных групп, хотя, особенно во время набегов, большинство воинов оказываются членами двух самых младших групп. Место человека в рядах воинов определяют родство и локальные связи. Таким образом, возрастные группы — это не полки, хотя о войнах и набеге часто говорят как о действиях определенной возрастной группы (потому что они имели место в период ее инициации). Данная группа играет в таких действиях главную роль, поскольку умелое пользование оружием, любовь к приключениям и желание получить добычу — привилегия молодежи.

Поведение человека четко определяется его положением в структуре возрастных групп. Когда мальчик переходит в класс мужчин, коренным образом меняются его домашние обязанности и привилегии. Изменение его статуса символизирует табу на доение, которое вступает в силу в день инициации и продолжается всю жизнь; оно находит выражение также и в других домашних делах, в манерах во время еды и т. д. Во время инициации юноша получает от отца или дяди копье и становится воином. Ему дают быка, по которому он получает бычье имя. Отныне, пока он не стал мужем и отцом, все его интересы сосредоточиваются на танцах и ухаживании за девушками. Затем он превращается в «истинного» мужчину. Нуэры говорят: «Он сражался и не бежал; он дрался на поединках со сверстниками; он обрабатывал свои поля; он взял жену».

Переход от статуса мальчика к статусу мужчины внезапен и очень важен. При этом правила поведения, по которым различают эти два класса, не являются отличительным признаком возрастных групп: привилегиями мужчины пользуются в равной степени члены всех групп. Тем не менее группы стратифицированы по старшинству, между ними устанавливаются четко определенные отношения. Прежде чем говорить об отношениях меж-

ду возрастными группами, мы коснемся некоторых общих характерных черт всей системы.

Система возрастных групп служит еще одной иллюстрацией сегментного принципа, который, как мы видели, является важной чертой социальной структуры нуэров. Племена сегментируются на отделы, отделы также сегментируются, и поэтому любая локальная группа — это сбалансированное отношение между противостоящими сегментами. Клань сегментируется на линиджи, линиджи также сегментируются, и поэтому любая линиджная группа — это тоже сбалансированное отношение между противостоящими сегментами. В свою очередь, институт, основанный на возрасте, также крайне сегментирован, поскольку существуют разные возрастные группы, которые подразделяются на следующие одна за другой секции. Поэтому мы можем говорить о структурном расстоянии в этом новом измерении. Так же, как расстояние между политическими сегментами меняется в зависимости от их положения в политической структуре, а расстояние между линиджными сегментами меняется в зависимости от их положения в линиджной структуре, расстояние между сегментами возрастной группы меняется в зависимости от их положения в структуре возрастных групп. Структурное расстояние между двумя любыми группами — это социальное отношение между этими группами и детерминанта поведения в общении их членов.

Относительность ценностей, которую мы отмечали во время разбора политических и линиджных систем, можно заметить и в системе возрастных групп. Мы говорили, что возрастная группа, которая представляется членам других групп как несегментированное целое, сегментирована изнутри и члены каждого из ее сегментов считают себя противостоящими другим сегментам. У членов следующих одна за другой групп, т. е. смежных сегментов структуры, существует также тенденция противопоставлять себя третьей группе в выражениях своих чувств и в церемониальных действиях. Юноша из Риалмач говорил: «Мы и Литгач примерно одного возраста, и мы свободно разговариваем друг с другом, но мы должны проявлять уважение к старшему, если даже он и не принадлежит к возрастной группе наших отцов». Хотя существуют шесть групп, две старшие группы уже очень немногочисленны, и, с точки зрения молодого человека, они сливаются с той группой, что следует за ними. В расчет берутся только четыре группы, в глазах индивида они сливаются в две поколенные группы из равноправных людей, связанных братскими отношениями: старших и отцов или младших и сыновей. Для сына Литгач от отца Макер все члены возрастной группы Макер — его отцы, Литгач и Луач склонны рассматривать себя как единую группу по отношению к Макер, проявляя к ней такое же уважение. Но по отношению к Дангунга и Литгач Луач отождествляют себя либо с той, либо с другой из них, в зависимости от того, к какой группе при-

влечено их внимание. Всякая группа обычно рассматривает членов старшей группы как равных себе в отношениях с младшими группами, а членов младшей группы как равных себе в отношениях со старшими группами. Возможно, именно это противоречие и создает сегментацию в каждой группе. Так, во время праздников жертвоприношения люди едят соответственно своему положению в структуре возрастных групп, но какие группы сидят и едят вместе, зависит от групповой принадлежности хозяина праздника и от числа присутствующих групп. Если Дангунга жертвует быка и присутствует группа Макер, но не Бойлоч, то Дангунга ест вместе с Макер, Луач с Литгач, а Риалмач отдельно. Но если присутствует и Бойлоч, то Макер ест с ней, Дангунга — с Луач, а Литгач — с Риалмач. Дангунга не будет есть вместе с Бойлоч, так как это группа их отцов или тестей. По той же причине группа Луач должна есть вместе с Литгач, если Дангунга будет есть с Макер.

Система возрастных групп отличается от территориальных и линиджных систем в одном важном отношении. Если члены территориального сегмента поддерживают неизменные структурные отношения с другими территориальными сегментами, а члены линиджа имеют зафиксированные отношения с другими линиджами, то возрастная группа изменяет свое положение по отношению ко всей системе, проходя через периоды относительно младшего и относительно старшего возрастов. Такая мобильность специфична для этой системы и составляет ее непреходящую характерную черту. В то же время подвижность групп в системе возрастных групп не должна заслонять постоянство структурной формы этой системы. Очевидно, на каждом отрезке времени существовало одно и то же число возрастных групп, и у этих групп всегда были одинаковое положение по отношению друг к другу, независимо от того, какие реальные группы людей их составляли.

Показательно, что у нуэров, как и у других народов Восточной Африки, система возрастных групп была первым институтом, претерпевшим быстрые и серьезные изменения под властью европейцев, в то время как другие социальные системы, судя по всему, не были задеты изменениями. Это, по-видимому, подтверждает высказанное нами ранее мнение, что, хотя система возрастных групп сосуществует с территориальной и линиджной системами в одних и тех же социальных рамках и согласуется с ними, эта согласованность еще не представляет собой взаимозависимости.

4. Внутри системы возрастных групп положение каждого мужчины структурно определено по отношению к любому другому мужчине, и его статус — это статус старшинства, равноправия или статус младшего. Трудно описать эти статусы в категориях поведения, так как нередко они диктуют поведение весьма

общего характера. Можно, однако, отметить следующее: 1) существуют определенные ритуалы, а также запреты — главным образом на общение между членами одной и той же возрастной группы, но в ряде случаев и на общение между группами. Важнее всего изоляция групп на праздниках жертвоприношения, о которой мы уже говорили, и строжайший запрет на участие группы в похоронах сверстника или на употребление мяса животного, принесенного в жертву на его похоронной церемонии. Но есть еще и много других ритуальных ограничений; 2) мужчина не может жениться на дочери сверстника или иметь с ней половые сношения, потому что она — его «дочь», а он — ее «отец». Хотя мужчина может иметь половые сношения с дочерью любого сверстника своего отца, он может жениться на ней только после смерти своего отца или ее отца, да и то после того, как стороны, участвующие в браке, обменялись коровами в искупление вины перед возрастной группой отцов; 3) члены одной и той же возрастной группы совершенно равноправны. Мужчина не соблюдает церемоний в общении со сверстниками, непринужденно шутит, играет и ест вместе с ними. Сверстники совместно работают, воюют и проводят досуг. Им полагается оказывать друг другу гостеприимство и делиться имуществом. Драки между сверстниками считаются нормой, но драться с членом старшей возрастной группы нельзя. Товарищество между сверстниками идет от признания существующего между ними мистического союза, соединяющего их судьбы. Такой союз берет начало от уз почти физического характера, сходных с узми родства, так как сверстники вместе проливали кровь; 4) членам группы полагается проявлять уважение к членам старших групп, их почтение проявляется в этикете. Когда возникает вопрос об уместности каких-либо слов или действий, он решается ссылкой на сравнительные положения данных лиц в структуре возрастных групп (если к этому не примешивается еще и родственный статус). Поскольку в стране нуэров известны возрастные отношения любого человека к любому другому человеку, общественное поведение определяется расстоянием между обоими индивидами в структуре возрастных групп, если только приоритет не отдается родственным отношениям. Хотя человек может отомстить за нарушение норм поведения проклятием (если это очень серьезное нарушение), обычно критерием поведения человека являются его совесть и желание заслужить одобрение.

Надо отметить, что отношения между возрастными группами выражаются в терминах родства. Члены отцовской возрастной группы для мужчины — его «отцы», члены возрастных групп братьев отца — это тоже «отцы», хотя и не такие близкие. Сыновья членов группы, к которой принадлежит человек, — это его «сыновья», они могут делиться на несколько групп. Жены членов отцовской группы для мужчины — «его матери», а жены членов групп его сыновей — его «дочери». Все члены собствен-

ной группы человека — его «братья», хотя так говорят редко, поскольку товарищество четко выражается на языке системы: все сверстники друг для друга — *рич*. Так как мужчина обычно обращается ко всем лицам старше его, как к «отцам» и «матерям», ко всем лицам младше его, как к «сыновьям» и «дочерям», и ко всем лицам, примерно равного с ним возраста, как к «братьям» и «сестрам», терминология обращения по отношению к различным возрастным группам недифференцирована. Трудно сказать, насколько она зависит от особых отношений между группами. Когда разговор идет о группах, которые старше его собственной (но не о группе отца или группе, прямо предшествующей по старшинству его собственной), нуэр иногда говорит о них как о чем-то едином, как будто все их члены — это его тестя, а их жены — его тещи; поскольку он ухаживает за их дочерьми и, вероятно, женится на одной из них, он с осторожностью разговаривает с их родителями. Так, сын Литгач отца Макер рассматривает всех членов группы Дангунга и их жен как возможных тестей и тещ.

Таким образом, система возрастных групп влияет на людей через понятия родства и по образцу отношений родства. Группы никогда не действуют корпоративно, но они функционируют локально между индивидами, а в ритуальных ситуациях — между небольшими скоплениями людей, живущих близко друг от друга, потому что человек поддерживает постоянные контакты только с теми членами своей и прочих групп, которые проживают в его округе. Нет сомнения, что относительные позиции в структуре возрастных групп до некоторой степени влияют на поведение соседних коллективов, а в некоторых случаях, как можно заметить, и полностью определяют их. Правда, трудно сказать, в какой мере это происходит, потому что люди, живущие близко друг от друга, не только члены одной и той же возрастной группы или различных возрастных групп, но еще и родственники и свойственники. Правила поведения возрастных групп, за исключением особых ритуалов, носят настолько расплывчатый характер, что их трудно выделить в общине, где любой человек связан теми или иными отношениями со всеми остальными людьми. Мы отмечали, что живущие вместе люди всегда могут выразить свои отношения на языке родства и что, когда они в действительности не родственники, их приравнивают к таковым путем адаптации или через какие-нибудь традиционные или мифологические узы. Возрастная стратификация всех мужчин — а по аналогии и всех женщин — на группы, чьи взаимоотношения строятся по образцу семейных отношений, — один из тех методов, с помощью которого общинные отношения выражаются в виде родства. Такую стратификацию поэтому можно сравнить с классификационной системой терминологии родства, которая сводит социальные отношения к нескольким элементарным типам. Возрастные отношения являются частью общих социальных уз родственного типа, которые объединяют всех

людей, живущих в общине. Члены локальной группы поддерживают групповые отношения только с другими коллективами того же рода, и именно эти отношения мы именуем политическими.

Политические отношения можно рассматривать как особую организацию системы социальных уз, которая контролирует в определенных ситуациях самые разнообразные виды контактов. Воздействие системы возрастных групп на установление связей между членами локальных общин и придание им ценности родственных связей мы подчеркиваем именно в политическом контексте, а не как проявление руководящей роли этой системы. Дело в том, что за пределами мелких родственных и домашних групп власть, определяющаяся старшинством, совершенно ничтожна, а возрастные группы не являются руководящей силой и не обладают, как мы уже говорили, административными и юридическими функциями.

Мы вкратце рассказали о системе возрастных групп именно из-за этой ее характерной черты, а также потому, что данная система (во всяком случае, в крупных племенах) является племенным институтом. Она сегментирует мужское население племени на стратифицированные группы, находящиеся в определенном отношении друг к другу, и перекрывает территориальное разделение, порождая единство статуса там, где царит политическая аморфность, и дифференцируя статус там, где есть политическое единство.

Однако политическую систему и систему возрастных групп нельзя считать взаимозависимыми. Обе они самостоятельны, влияют друг на друга и в какой-то мере перекрывают друг друга, но вполне легко представить себе политическую систему без организации возрастных групп. Есть факты, подтверждающие, что в Восточной Африке политическое развитие ведет к атрофии системы возрастных групп.

В заключение мы опять должны подчеркнуть, что смежные племена соотносят свои возрастные группы и что группы одного племени легко отождествляются с группами другого племени. Ритуалы инициации — более чем что бы то ни было — отличают культуру нуэров и придают нуэрам то чувство превосходства, которое является такой характерной чертой их характера. О том, что существует соответствие между системой возрастных групп и политической системой, можно говорить только в том смысле, что возрастные группы организованы по племенам и существуют во всех племенах. Здесь нет такого структурного соответствия, которое мы отмечали между системой линиджей господствующих кланов и сегментацией племени.

Можно сказать поэтому, что, если политическая и линиджная системы господствующих кланов взаимозависимы, политическая система и система возрастных групп в обществе нуэров всего лишь сочетаются. Можно добавить, что распространенное

предположение, будто бы система возрастных групп объединяет членов племени просто путем стратификации, не выдерживает критики.

5. В нашей книге мы в какой-то мере отошли от традиции многословных монографий о первобытных народах. В этих увесистых томах наблюдения обычно излагаются так необдуманно, что их не хочется читать и пользы от них мало. Этот недостаток объясняется отсутствием обоснованной научной теории социальной антропологии, а факты могут быть собраны и систематизированы только на основе теории. Указанное обстоятельство осмысливается и ошибочным смещением целей теоретического осмысления и фактического описания. Мы пытались описать социальную организацию нуэров в плане теоретического анализа. Удалось ли нам сделать это, судить читателю, но если скажут, что мы описали только те факты, которые согласуются с теоретическими посылками, и что мы подчинили описание теоретическому анализу, то мы ответим, что это и было нашим намерением.

Очень трудно сказать, насколько оправдано введение теоретических абстракций. Когда существует исходная теоретическая посылка, сравнительно легко решить, какие факты имеют значение: одни из них представляются важными, другие — нет. Но сомнительно, разумно ли, анализируя политические институты первобытного народа, лишь вкратце касаться его домашней жизни и родственных отношений. Будет ли в таком случае наш анализ успешным? Именно этот вопрос мы задавали себе и пришли к выводу, что ответ дать можно, лишь попытавшись осуществить такой анализ.

1. Прежде всего мы рассказали о ценности скота для нуэров и показали, как эта ценность обуславливает необходимость определенной модели распределения населения и отгонного скотоводства. Затем мы описали концепции времени и пространства, которые в значительной степени порождены способами жизнеобеспечения и размещения поселений.

После этого мы рассмотрели территориальные членения, которые через связанные с ними ценности составляют политическую систему. Далее мы отметили, что структурное расстояние в системе линиджей господствующих кланов есть функция структурного расстояния в племенных системах и что нет взаимозависимости между структурой возрастных групп и политической структурой.

2. Под социальной структурой мы подразумеваем отношения между группами, имеющими высокую степень постоянства и неизменности. Группы остаются неизменными независимо от состава индивидов в любой данный момент, и поэтому через них последовательно проходят поколения людей. При таком определении структуры семья не рассматривается как структурная

группа, потому что у семей как групп нет согласованных и постоянных взаимоотношений и они исчезают со смертью своих членов. Мы не хотим сказать, что по этой причине семья имеет меньшее значение, чем структурные группы. Она существенно необходима для сохранения структуры, ибо является тем звеном, в котором появляются новые члены ее сегментов. Мы также не имеем в виду, что отношения, которые мы считаем структурными, существуют между не меняющимися группами. Территориальные, линиджные системы и системы возрастных групп изменяются, но намного медленнее, и между их сегментами всегда существуют взаимоотношения одного и того же рода. Однако мы не настаиваем на этой ограничительной дефиниции структуры, и наше описание и анализ не зависят от нее.

3. Структурные отношения — это отношения между группами, составляющими систему. Под структурой поэтому мы подразумеваем также организованную комбинацию групп. Территориальное распределение племени нуэров — это не случайное скопление локальных коллективов. Каждая локальная группа здесь сегментирована, и единые сегменты противостоят другим группам; поэтому каждую единицу можно определить только категориями всей системы в целом. Точно так же линидж или возрастную группу можно определить только категориями тех систем, в которые они входят. Именно это мы и стремились показать в нашем исследовании.

4. Под структурой мы подразумеваем отношения между группами лиц в рамках системы таких групп. Мы подчеркиваем, что это отношения между группами, ибо отношения между индивидами тоже можно рассматривать в упорядоченном плане. Например, о родственных отношениях можно говорить как о системе родства. «Группу» составляют индивиды, которые осознают себя как самостоятельную единицу по отношению к другим единицам; таковой ее признают и эти последние. Члены группы имеют взаимные обязательства именно в силу их членства в данном коллективе. В этом смысле сегмент племени, линидж и возрастная группа являются группами, но родня человека — это не группа. Родственные отношения — это категория, а система родства — это системно организованная совокупность таких категорий в их отношении к отдельному индивиду. По нашему мнению, чужаков и динка следует характеризовать как лиц определенных категорий, а не как членов социальных групп. В свою очередь, отношения между ними и аристократами нельзя, строго говоря, характеризовать как структурные отношения.

5. Социальная структура общества — это система отдельных, но взаимосвязанных структур. Данная книга посвящена главным образом политической структуре. Столкнувшись с изначальной трудностью определения понятия «политические отношения», мы решили рассматривать как таковые отношения между территориальными группами. Деревню мы принимаем за са-

мую маленькую единицу, потому что, хотя в ней и существует сеть родственных уз, это не родственная группа, а группа, которую можно определить только по общему месту обитания и общему самосознанию. Мы обнаружили, что взаимодополняющие тенденции к слиянию и расщеплению, которые мы назвали сегментарным принципом, суть характернейшая черта политической структуры нуэров. Линии политического разделения определяются главным образом экологией и культурой. Суровая окружающая среда в сочетании с нуждами скотоводства вызывает низкую плотность населения и является причиной существования больших незаселенных пространств между локальными общинами.

Культурные различия между нуэрами и их соседями также создают различные степени политического удаления. Экологические и культурные факторы действуют зачастую в одном направлении и ведут к расщеплению групп. В самой стране нуэров культура однородна, и именно экологические отношения определяют размеры и распределение сегментов.

6. Принципы организации политической структуры, выражаясь в определенных ценностях, контролируют реальное поведение людей. Эти ценности выглядят противоречивыми. Они оказываются согласованными, только когда мы рассматриваем структуру как комплекс отношений, определяющихся особыми социальными ситуациями.

Под политическими ценностями мы подразумеваем общие поведенческие установки, признание членами локальных общин того, что они являются отдельной группой, отличной и противостоящей другим общностям того же порядка, и что им в определенных обстоятельствах следует действовать совместно и соблюдать между собой определенные условности. Это не значит, что поведение всегда согласуется с ценностями: иногда оно может вступать с ними в конфликт, но оно всегда стремится прийти с ними в соответствие.

7. Мы можем говорить не только об отношениях между территориальными группами как о политической системе, об отношениях между линиджами как о системе линиджей, об отношениях между возрастными группами как о системе возрастных групп и т. д., но и о том, что в обществе также всегда существуют определенные отношения между этими системами, хотя и не легко установить, каковы они. Мы показали, что существует своего рода взаимозависимость между системой линиджей нуэров и их политической системой. Это не означает наличия функциональной связи между клановыми и территориальными группами (хотя они в определенной мере и ассоциируются друг с другом), так как кланам и даже их линиджам не свойственна корпоративная жизнь.

Указанная взаимозависимость также не означает, что если человек ведет себя по-одному с членом своего клана и по-другому с членом своего племени, то между этими двумя моделями

поведения существуют функциональные связи. И наконец, она не означает, что существуют функциональные связи между теми членами господствующего клана, которые живут в племени, и племенем, часть которого они составляют. В то же время такая взаимозависимость означает, что существует структурное соответствие между двумя системами. Мы не можем показать такую же взаимозависимость между системой возрастных групп и политической системой.

8. Вправе ли мы говорить о политическом поведении как об особом типе социального поведения? Мы предполагаем, что такая деятельность, как война или традиционная вражда, может быть названа политической, но мы считаем, что данное определение мало что дает. Только на более абстрактном уровне структурных отношений можно отграничить особую сферу политических отношений. Поведение людей по отношению друг к другу определяется принадлежностью к семье, большой семье, линиджу, клану, возрастной группе и т. п. Эти отношения создают для каждого человека свою сферу социальных контактов.

При этом сфера его реальных контактов ограничена, а сфера потенциальных контактов — беспредельна. В этом смысле мы отличаем социальную сферу от структурного пространства, т. е. от расстояния между социальными сегментами, которые представлены группами людей, составляющими единицы в системе. Поэтому мы не говорили, что человек действует политически или иначе, но говорили, что между локальными группами существуют отношения структурного порядка, которые можно назвать политическими.

9. Мы описываем различные социальные связи, существующие между индивидами, живущими в одном и том же округе. При этом можно сказать, что, по нашему мнению, соотношение между сетью межличностных отношений, составляющих единую общину, и политической структурой (т. е. отношениями между территориальными сегментами) представляет проблему исключительной важности. Эту проблему следует вкратце прокомментировать.

а) Социальные отношения упорядочиваются политической структурой, и в результате социальная сфера индивида и общая социальная сфера индивидов, живущих в одной и той же деревне, обычно ограничиваются территорией их политических групп.

б) Локальные общины, связи между которыми составляют политическую структуру, являются группами только потому, что существуют многочисленные и разнообразные отношения между составляющими их индивидами. Но именно организация этих связей в группы, находящиеся в определенных отношениях друг к другу в рамках системы, и интересует нас в данной дискуссии, и мы изучаем эти связи только в такой организованной форме, точно так же, как можно изучать взаимосвязи между органами

человеческого тела, не изучая взаимоотношения клеток, составляющих эти органы.

в) Мы считаем, что территориальная система нуэров — это всегда господствующая переменная по отношению к другим социальным системам. Отношения у нуэров обычно выражаются в терминах родства, и у этих терминов огромное эмоциональное содержание, но совместное проживание имеет большее значение, чем родство, и, как мы видели, общинные узы всегда так или иначе превращаются в родственные (или ассимилируются с ними). Система линиджей таким образом искажается, принимая форму территориальной системы, внутри которой она функционирует.

10. Мы определили структуру через явления, равносильные наличию групповой сегментации, и рассматривали с этой точки зрения некоторые системы у нуэров. Мы снова подчеркиваем, что не настаиваем на нашей дефиниции, а признаем, что может быть и иное определение структуры. Но при этой дефиниции нам пришлось часто ссылаться на принцип противоречия внутри структуры. Однако, чтобы избежать недоразумения, мы должны заметить, что противоречия, на которые мы ссылались, происходят на уровне абстрактных структурных отношений и происходят из систематизации ценностей путем социологического анализа.

Не следует думать, что мы считаем то или иное поведение противоречивым или что группы находятся в противоречии друг с другом. Именно отношения групп в рамках системы образуют и иллюстрируют этот принцип. Иногда может существовать конфликт ценностей и в сознании индивида, но мы имеем в виду конфликты на уровне общественной структуры в целом.

Точно так же, когда мы говорим об относительности структуры, мы не имеем в виду, что группа — это что-либо иное, чем реальная масса людей, которых можно видеть, подсчитать и разместить в пространстве и времени. Мы имеем в виду, что в плане структурных отношений положение группы в системе соотносится с функционированием системы в изменяющихся ситуациях.

11. Помимо того что мы внесли вклад в этнографию нилотов, в этой книге мы попытались сделать краткий экскурс в социологическую теорию. Однако мы можем проделать теоретический анализ только до определенной точки, после которой уже трудно представить, как его можно вести далее. Наш опыт и работа над этим трудом лишь проложили путь к более широкому исследованию.

В настоящее время социальная антропология имеет дело с очень грубыми концепциями племени, клана, возрастной группы и т. п. Наука не добьется большого успеха на таком низком уровне социологической теории. Чтобы продвинуться вперед, необходимо употреблять понятия для обозначения связей, определяемых категориями социальных ситуаций, и взаи-

моотношений между этими связями. Задача исследования нового особенно трудна в науке о политике, в которой так мало сделано и так мало известно. Мы похожи на путешественника в пустыне, у которого истощились все запасы. Он видит перед собой обширные пространства и представляет себе, как бы он преодолел их. Но он должен возвратиться и утешить себя надеждой, что те крохи знаний, которые он собрал, может быть, помогут другому совершить другое, более удачное путешествие.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Слово «нуэр» находится в употреблении уже более ста лет. Вероятно, оно пришло из языка народа динка. Я его употребляю в единственном и множественном числе.

² На карте 7 они названы атог.

³ Пользуюсь случаем, чтобы пояснить читателям, что транскрибирую нуэрские и другие названия не всегда фонетически. Поэтому не возражаю, если кто-нибудь будет транскрибировать их иначе. Как правило, я даю слово в именительном падеже, но время от времени в тексте, графиках и на картах встречаются формы родительного падежа.

⁴ Об интересе нуэров к скоту упоминали многие ранние путешественники. См. [28, с. 343; 38, с. 439; 21, с. 82].

⁵ «Ищи корову» — перефразированная французская поговорка «cherchez la femme» («ищите женщину»).

⁶ Я записал кое-какую информацию по этому забытому вопросу, полученную у одного из соседних народов, в работе «Образность в названиях скота у динка племени нгок».

⁷ Буквально «мой ветер». Певец бежит против ветра, и это, как ему кажется, наполняет его силами. Это северный ветер, который дует, когда пастбища богаты и коровы дают много молока. Отсюда и связь между первыми тремя строками и последующими.

⁸ Корова отказалась поить теленка и не разрешила доить ее до ухода на пастбище.

⁹ Ньягаак — сестра поэта. Гордость (*гвет*) — танцевальное имя девушки по имени Ньявал. Ролньянг — бычье имя юноши.

¹⁰ Чужеземцы — это правительственные войска. Смысл слов о том, что они достают воду с берега, не ясен.

¹¹ Черноволосая — имя девушки. Нуэры взволнованы вторжением чужеземцев, а последняя строка — это молитва к богу с просьбой о помощи в несчастье.

¹² В первой и четвертой строках речь идет о быке поэта. Кведжок — его друг, мать которого зовут Ньядеанг.

¹³ Бут — данное при рождении имя друга, бычье имя которого Гутджаак. Поэт, сын Була Малоа, в последних строках обращается к быку, как к другу.

¹⁴ Прекрасное описание этих рек дано в книге: Н. Е. Hurst, P. Phillips. The Nile Basin. Vol. I. L., 1931.

¹⁵ Имеются данные о том, что у восточных джикани есть дополнительный месяц для согласования календаря с солнечным годом, но в других районах страны нуэров я не слышал об этом и поэтому не могу подтвердить эти данные.

¹⁶ Я не могу признать правильными объяснения Казати [5], но считаю, что следовало бы больше полагаться на мнение других авторитетов. См. письмо Ромоло Джесси редактору «Esploratore» в 1880 г. [18].

¹⁷ Правительство всегда с подозрением относилось к «пророкам» и противодействовало их влиянию. См. неодобрительные высказывания о них [26, с. 90—91; 40, с. 200].

¹⁸ Они также называются Маджок.

¹⁹ Они также называются Матьянг.

²⁰ Названия деревень — это обычно названия местностей, а не названия линиджей, но общины можно называть и по названиям их главных линиджей. Нередко случается, что эти линиджи происходят от чужаков или динка,

и хотя общины могут называться их именами, считается, что эти места принадлежат линиджам господствующего клана племени. Поэтому деревня может быть связана с двумя линиджами. Так, линиджи Джуак, Нгвол и другие племени лик — это линиджи чужаков или динка, и по ним названы деревенские общины, но участки земли принадлежат здесь линиджу Кеуньянг.

²¹ Разбросанность этих трех подотделов первичного отдела тьянг племени гааджак составляет контраст с компактной территорией, которую занимают сегменты первичных отделов в различных районах страны нуэров. Я не бывал в этом районе и не могу объяснить эту необычную разбросанность историческими событиями или показать ее структурные последствия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Austin H. H. Among Swamps and Giants in Equatorial Africa. L., 1902.
2. Baker, Sir Samuel. The Albert N'Yanza. Great Basin of the Nile. Vol. 1—2. L., 1866.
3. Brun-Rollet. Le Nil Blanc et le Soudan. P., 1885.
4. Bulpett C. W. L. A Picnic Party in Wildest Africa L., 1907.
5. Casati G. Dieci anni in Equatoria a ritorno cap. Emin Pascia. Milano, 1891.
6. Coningham, Bimbashi. Sudan Intelligence Report. № 192. Khartoum, 1910.
7. Crazzolara J. P. Die Gar-Zeremonie bei den Nuer.—«Africa». 1932, vol. 5.
8. Crazzolara J. P. Die Bedeutung des Rindes bei den Nuer.—«Africa». 1934, vol. 7.
9. Crazzolara J. P. Outlines of a Nuer Grammar. Wien, 1933.
10. Evans-Pritchard E. E. The Nuer Tribe and Clan.—«Sudan Notes and Records». 1933, vol. 16.
11. Evans-Pritchard E. E. The Nuer. Age-Sets. «Sudan Notes and Records». 1937, vol. 20.
12. Evans-Pritchard E. E. Customs Relating to Twins among the Nilotic Nuer.—«Uganda Journal». 1936, vol. 2.
13. Evans-Pritchard E. E. Daily Life of the Nuer in Dry Season Camps. Custom is King.—A Collection of Essays in Honour of R. R. Marett. Ox., 1936.
14. Evans-Pritchard E. E. Some Aspects of Marriage and the Family among the Nuer. Livingstone (Northern Rhod.), 1945.
15. Evans-Pritchard E. E. Nuer Time-Reckoning.—«Africa». 1939, vol. 12.
16. Fergusson V. H. The Nuong Nuer.—«Sudan Notes and Record». 1921, vol. 3.
17. Fergusson V. H. Nuer Beast Tales.—«Sudan Notes and Records». 1924, vol. 7.
18. Gessi Pasha. Romolo, Sette anni nel Sudano Egiziano. Milano, 1891.
19. Gleichen. The Anglo-Egyptian Sudan. Vol. 1—2. L., 1905.
20. Gordon H. Sudan Intelligence Report. № 107. Khartoum, 1903.
21. Hamid Bey H. (C. L. du Couret). Voyage au pays des Niam-Niams ou hommes a queue. P., 1854.
22. Hawkes G. Kaimakam. Sudan Intelligence Report. № 98. Khartoum, 1902.
23. Heuglin. Reise in das Gebiet des Weissen Nil und seiner westlichen Zuflüsse in den Jahren 1862—1864. Gotha, 1869.
24. Huffman R. Nuer-English Dictionary. L., 1929.
25. Huffman R. English-Nuer Dictionary. L., 1931.
26. Jackson H. C. The Nuer of the Upper Nile Province.—«Sudan Notes and Records». 1923, vol. 6.
27. Lejean G. Bulletin de la Société de géographie. P., 1860.
28. Marno E. Reisen im Gebiete des Blauen und Weissen Nil, im ägyptischen Sudan und den angrenzenden Negerländern in den Jahren 1869 bis 1873. Wien, 1874.
29. Millais J. G. Far away up the Nile. L.a.o., 1924.
30. Petherick Mr. and Mrs. J. Travels in Central Africa. L., 1869.
31. Poncet J. Le Fleuve Blanc. Nouvelles annales de voyages, 1863—1864. P., 1865.

32. Schweinfurth G. Im Herzen von Afrika. Lpz. 1874.
33. Seligman C. G., Seligman B. Z. Pagan Tribes of the Nilotic Sudan. L., 1932.
34. Stevens E. S. My Sudan Year. L., 1912.
35. Stigand C. H. A Nuer-English Vocabulary. Oz., 1923.
36. Tangye H. L. In the Torrid Sudan. L., 1910.
37. Terranuova D'Antonio Ph. Relation d'un voyage au Fleuve Blanc. Nouvelles annales des voyages. P., 1859.
38. Werne F. Expedition zur Entdeckung der Quellen des Weissen Nil (1840—1841). B., 1848.
39. Westermann D. The Nuer Language.—Mitteilungen des Seminars für Orientalische Schprachen. Jg. 15. Abt. 3. B., 1912.
40. Willis C. A. The Cult of Deng.—«Sudan Notes and Records». 1928, vol. 11.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	14
Глава I	
СКОТ — СРЕДОТОЧИЕ ИНТЕРЕСОВ НУЭРА	26
Глава II	
ЭКОЛОГИЯ	52
Глава III	
ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО	88
Глава IV	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА	125
Глава V	
СИСТЕМА ЛИНИДЖЕЙ	169
Глава VI	
СИСТЕМА ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП	216
ПРИМЕЧАНИЯ :	232
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	234

Э. Э. Эванс-Причард

НУЭРЫ

**Описание способов жизнеобеспечения
и политических институтов
одного из нилотских народов**

Редактор *Г. С. Киселев*
Младшие редакторы *Е. Д. Силаева,*
Г. С. Горюнова
Художник *Э. С. Зарянский*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *Г. А. Никитина*
Корректор *Л. И. Письман*

ИБ № 15124

Сдано в набор 03.08.84. Подписано к печати 12.03.85. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 15,5. Усл. кр.-отт. 15,88. Уч.-изд. л. 16,62. Тираж 4000 экз. Изд. № 5565. Зак. 739.
Цена 1 р. 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука»
107043, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28